

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ИМЯ ЗВЕРЯ • ЕРЕСИАРХ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ФРАНСУА ВИЙОНА,
ИЛИ ДЕЯНИЯ ПОЭТА И УБИЙЦЫ

18+

ЯЦЕК КОМУДА

Шедевры фэнтези

Яцек Комуда

**Имя Зверя. Ересиарх. История
жизни Франсуа Вийона,
или Деяния поэта и убийцы**

«Издательство АСТ»

2005, 2008

УДК 821. 162.1
ББК 84(4Пол)

Комуда Я.

Имя Зверя. Ересиарх. История жизни Франсуа Вийона, или Деяния поэта и убийцы / Я. Комуда — «Издательство АСТ», 2005, 2008 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-113842-4

Это средневековая Франция, где оживают самые мрачные легенды и предания. Здесь существуют соборы, к которым невозможно добраться по обычным улицам, в Каркассоне ждут пришествия Зверя из Бездны, города осаждают живые мертвецы, а в море водится нечто, способное свести с ума любого человека. Здесь ад реален, чудеса обыденны, по улицам и лесам бродят настоящие демоны, ангелы и чудовища, а лабиринты темных историй творят эпоху, полную ужаса, суеверий, загадок и гротеска. Здесь ищет истину Франсуа Вийон, проклятый поэт, вор и бывший каноник, осужденный за убийство священника. Добро пожаловать в иную Европу XV века, где кошмары, страсти и человеческие грехи неотделимы друг от друга, а мифы и история сплелись в тугой узел, который не под силу разорвать даже ценой собственной жизни.

УДК 821. 162.1
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-113842-4

© Комуда Я., 2005, 2008
© Издательство АСТ, 2005, 2008

Содержание

Имя зверя	6
Дьявол в камне	6
Милосердие и виселица	6
Мистерия нищих	10
Ars sine scientia nihil est[8]	13
Лжепророк	14
Парижская любовь	17
Совершенные пропорции	18
Шатле	19
Жюстин	20
Собор Богоматери	21
Увенчание фасада	24
Монфокон	24
Башня в Тампле	27
Слова и образы	30
Аллегория	33
Дьявол в камне	33
Имя Зверя	40
VII	40
VI	45
V	57
IV	69
III	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Яцек Комуда
Имя Зверя. Ересиарх. История
жизни Франсуа Вийона,
или Деяния поэта и убийцы

Copyright © by Jacek Komuda.

© Сергей Легеза, перевод, 2019

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Имя зверя История жизни Франсуа Вийона, или Деяния поэта и убийцы

*Коль после нас еще вам, братья, жить,
Не следует сердца ожесточать:
К тому, кто может жалость проявить,
Верней снисходит Божья благодать.
Нас вздернули, висим мы – шесть иль пять.
Плоть, о которой мы пеклись годами,
Гниет, и скоро станем мы костями,
Что в прах рассыплются у ваших ног.
Чужой беды не развести руками,
Молитесь, чтоб грехи простил нам Бог.¹*
Франсуа Вийон. Баллада повешенных

Дьявол в камне

Милосердие и виселица

В подвале парижского Шатле было темно и влажно. В воздухе висел запах пота, кожи и горелой плоти. В печи пылал огонь, на углях раскалялись палаческие клещи, щипцы и прутья. Красный отблеск дрожал на стенах, выхватывая из тьмы стул ведьмы, дыбы, покрытые каплями воска и рыжими пятнами крови. Отражался от лица, венчающего статую «нюрнбергской девы», выделяя темные пятна дыр на месте глаз у жуткого бронзового саркофага. Под потолком сквозняк покачивал цепи страппадо.

– Маргарита Гарнье, – голос Робера де Тюйера, заместителя прево, звучал глухо, – верно ли, что ты жестоким способом, с помощью дьявола и колдовства убила купца Анри Вермили, жака Эдуара де Ними, священника Жюстена Боссюэ и других добрых парижских граждан?

– Милосердия, господин...

Маргарита лежала на палаческом столе. Свет факела ложился на ее худое тело, выгнутое дугой, на ее небольшую, напряженную грудь и кустик волос там, где сходились ноги.

– Это не я! Это не я, благородный господин... Не...

– Тяни! – обронил Робер де Тюйер мастеру Петру Крутивороту, который с раззявленным ртом таращился на допрашиваемую. С его нижней губы свисали нити слюны. Палач кивнул помощнику. Защелкали шестерни, когда они вдвоем нажали на рукоять. Веревки растянули Маргариту на столе, прижимая ее тело к острым ежам под спиной. Деревянные иглы окрасились кровью. Маргарита завывала.

Де Тюйер кивнул Петру Крутивороту. Палачи замерли.

– Маргарита Гарнье, признаешься ли ты в убийствах, совершенных в Париже начиная с кануна дня святого Иоанна прошлого года и до Зеленых Святков?

– Не-е-ет! Это не я-а-а! Не я! – крикнула девушка. – Помогите... Пощады...

– Писарь, пишите. Не признает вину, несмотря на использование стола.

Перо закрипело по бумаге.

¹ Все стихи Франсуа Вийона даны в переводе Ю. Кожевникова.

– Мастер Петр, время для испытания водой.

Темные глаза Маргариты расширились, когда Петр Крутиворот подошел к ней с ржавой лейкой. Помощник приволок ведро с водой, а палач приложил инструмент ко рту жертвы. Это сломало обвиняемую. Маргарита дернула головой, а когда Петр ухватил ее за подбородок, прошептала:

– Признаюсь... во всем... Во всем. Слышите-е-е-е-е!

– Писарь, пишите. Обвиняемая признает вину!

Перо заскрипело в книге...

– Маловато она выдержала, куманек, – прошептал Крутиворот одному из прислужников. – Говорил же, как дойдем до испытания водой – запоем соловьем.

– Маргарита Гарнье, признаешься ли ты, что с помощью колдовства и дьявольской отравы устроила смерть семи парижских мещан, шлюхи и нищего? – спросил низкий, толстый человек в испятнанной куртке.

– Признаюсь...

– Продала ли ты душу дьяволу, чтобы тот помог тебе приносить больше страданий твоим жертвам? Призывала ли ты черта, чтобы подписать с ним договор?

– Признаюсь...

– Общались ли ты с дьяволом и злоумышляла ли с ним гибель богобоязненных христиан? Подписала ли ты договор с дьяволом своей месячной кровью?

Петр Крутиворот взглянул на вопрошающего. Сплел руки и сжал кулаки, словно хватал черта за глотку. Заместитель префекта знал этот жест – именно таким образом парижский палач душил ведьм, которые перед сожжением отрекались от дьявола.

– У меня больше нет к тебе вопросов, – остановил Тьюер вопрошания чиновника. – Палач, ослабь веревку.

Петр Крутиворот поднял стопоры, медленно ослабляя веревки, – в противном случае боль возвращаемых на место суставов оказалась бы страшнее, чем причиненные ранее мучения. Маргарита заплакала, слезы потекли по ее щекам. Робер де Тьюер сжал кулаки.

– Милосердие приказывает мне предупредить тебя, что после признания тебя ждет только виселица.

Отвернулся и двинулся к двери. Чувствовал на себе взгляд Петра Крутиворота. Он не совсем понимал, отчего палач глядит ему вслед столь внимательно. Подошел к седобородому старику в плаще с капюшоном.

– Мои поздравления, благородный Робер, – сказал седобородый. – Теперь уже не только закон, но и Бог на вашей стороне.

– Не делайте из меня дурака, мастер Гийом.

Они вышли из душевной комнаты в коридор. Крысы пискнули, убегая из-под их ног. Де Тьюер вынул из держателя факел и повел старика сквозь мрак тюрьмы.

– Как и вы, я прекрасно знаю, что она невиновна, – сказал заместитель прево.

– Тогда к чему эта трагикомедия?

– Выпустите меня! Выпустите! Я... Нет! Я... Выпустите! – выл узник в камере, мимо которой они шли. Обеими руками он вцепился в решетку, словно хотел выломать ее из стены.

– Эти девять убийств потрясли город. Толпа кипит, нам грозят волнения и самосуды. Дело дошло до короля. Я не мог больше ждать...

– Бросаете Маргариту Гарнье на потеху толпе? А что, если вы ее повесите, а Дьявол с Мобер² ударит снова?

² *Площадь Мобер* – площадь в Латинском квартале Парижа, первоначально (XII век) предназначавшаяся для публичных проповедей; в частности, здесь выступал Альберт Великий, учитель Фомы Аквинского. Позже стала местом публичных казней.

Гийом поймал неподвижный, безразличный взгляд двоих детей, сидящих на гнилой соломе в одной из камер. Заместитель прево молчал.

– Если уж его милость прево, отряды ночных и дневных стражников, прокуроров и доносчиков, шлюх, корчмарей и шпииков, оплачиваемых Шатле, не в силах схватить убийцу, то чем поможет вам капеллан из коллегии святого Бенедикта? Я слишком стар, чтобы гоняться за этим... дьяволом по закоулкам, и я лучше промолчу о том, чем бы закончилась для меня вооруженная схватка. У меня стреляет в костях, а первая же девка с Глатиньи³ опрокинет меня и щелчком по носу.

– Ну-ка, ублюдки! Отойти от решетки! Вон! – драл глотку толстый служка из Шатле, лупя кнутом по рукам, протискивающимся сквозь решетки камер.

Гийом споткнулся о человеческий череп, который с плеском упал в лужу.

– Вся моя надежда – на ваш разум, мастер Гийом, – сказал заместитель префекта.

Они вышли к лестнице и через несколько шагов встали перед низкой окованной дверкой, охраняемой стражей. Робер де Тюйер кивнул слугам. Те отворили дверь.

– Вот и ваш узник, мастер.

Старик заглянул заместителю префекта прямо в глаза.

– Я не обещаю вам чуда. Сделаю лишь то, что в моих силах.

– Да поможет вам Бог!

– Полагаю, Божья помощь вам весьма пригодится, – прошептал Гийом.

Вошел в камеру. В маленьком затхлом помещении, освещенном лампадкой и полосой света, проникающего через зарешеченное окошко, был только один узник. Высокий худощавый мужчина, прикованный к цепям, свисающим со стены, одетый в короткую бургундскую робу и дырявые пулены с задранными носками. Могло ему быть как тридцать, так и двадцать восемь, а то и все сорок лет. На лице виднелись шрамы, на лбу их было даже несколько.

– Вот он, Франсуа Вийон, – спокойно сказал Гийом. – Ублюдок парижской шлюхи, которого тридцать лет назад я нашел брошенным у водополя Обрёво де Пари, где шлюхи с Глатиньи, Сите, Шапо и Шам-Флори⁴ оставляют нежеланных детей. Вот он, Франсуа Вийон, за чье учение я немало заплатил. Который стал бакалавром, а потом и лицензиатом свободных искусств... И обокрал собственную коллегию!

Преступник поклонился настолько, насколько позволяли ему цепи.

– Мастер Гийом, вы меня пристыдили...

– Вот он, Вийон, автор мрачных стишат, – продолжал Гийом, – которого вскоре выведут в поле и повесят между небом и землей. Высоко же ты забрался, как для лиценциата Латинского квартала, и отправишься на самый верх виселицы Монфокон!

– Однако твое присутствие позволяет предположить, что исполнение приговора отложено, а парижские вороны не получают на пир моих останков. Разве не так, мастер?

– Твой последний проступок куда серьезнее, чем когда ты поссорился с клириком Сермуазом и ударил его ножом в горло. Хуже, чем ограбление Наваррского коллежа. Ты превысил меру. После убийства Франсуа Фербура ты, вместо того чтобы ходить по девкам в Сите, сам будешь трахнут деревянной любовницей на Гревской площади.

– Пфе, – фыркнул Франсуа. – Тоже мне новость. Не верю. Поэтов вот так сразу, только ради каприза пары жирных мешан, не вешают.

– Уж тогда ты сплетишь рифмы для воронья, мой виршеплет. Присоединишься к достойной компании – к Коле де Кайё⁵, Ренье де Мотини⁶, Димашу де Лу и остальной компании Беспутных Ребят! Все уж жаждали тебя на виселице Монфокон.

³ На улице Глатиньи в Париже находились официальные, разрешенные еще Людовиком IX Святым, публичные дома.

⁴ Шам-Флори свое имя получил от иносказательного названия рая.

⁵ Один из Беспутных Ребят, банды, к которой принадлежал Франсуа Вийон; был повешен за ограбление Наваррского

– Разве что, мастер... – Вийон сделал драматическую паузу.

– Я в последний раз вытаскиваю тебя из петли! – рявкнул Гийом. – Я дал тебе свою фамилию не для того, чтобы ты марал ее во Дворе Чудес да по публичным домам, но чтобы ты стал уважаемым жителем этого города.

– Вы говорите одно и то же всякий раз, – парировал Вийон. – Повторяете, словно риторические фигуры. Эх, Катона бы вы этим не обрадовали.

– Молчи, дурак, и слушай. Есть шанс, что парламент заменит тебе веревку на изгнание.

– Что ж, мещане оценили очарование моей болтовни?

– Нет, Франсуа... Добрые граждане этого города поручают тебе определенную... работу.

– А какой будет плата?

– Твоя жизнь.

– И только-то? Ха, если честно, это куда меньше горсти сребреников, которые Шатле платит своим дубоголовым слугам. И что я должен делать?

– Ты должен отыскать Дьявола с Мобер, Франсуа. Должен найти человека, который жестоким образом убил девятерых людей.

– Но ведь это сделала Маргарита Гарнье...

– Гарнье – шлюха, которая по странному стечению обстоятельств дважды оказывалась поблизости от места убийства. Этого хватило, чтобы трибунал послал ее на пытки, а уж там она призналась во всем. Даже в том, с кем трахалась ее мать! Но убийца не она. Заместитель прево хочет швырнуть толпе, чтоб она успокоилась, простую парижскую суку. И тем самым дает тебе время отыскать убийцу.

– А если я откажусь?

– Тогда через несколько дней тебя повесят.

– Вот так выбор. Ха, но лучше такой, чем никакого. А собственно, отчего убийцу зовут Дьяволом с Мобер?

– Таким именем назвал его люд Парижа. *Flamboyant!* Огненный сатана, у чьих жертв черные от адской сажи лица. Первое тело нашли подле площади Мобер, а потому его так и прозвали: Дьявол с Мобер.

– А кто-нибудь его видел?

– Найдешь как минимум сотню человек, которые его лицезрели. Но их показания противоречивы. Сходятся в одном: ходит он в черном и убивает итальянским стилетом.

– Что известно об обстоятельствах убийств?

– Убил уже девятерых. После каждого убийства находят скрюченное тело. Все трупы имеют след от удара стилетом. Обычно – смертельные раны.

– Заметили еще что-то странное?

– Как я и говорил, у жертв почерневшие лица.

– Означает ли это, что Дьявол с Мобер использовал яд?

– По крайней мере, для инквизиции это доказательство, что в убийствах замешан дьявол.

– Кем были убитые?

– Первый труп нашли в прошлом году, в канун ночи святого Иоанна. Был это нищий по прозвищу Кроше, Вязальщик – его нашли неподалеку от Латинского квартала, подле площади Мобер, там, где покупают хлеб, скрюченного и с почерневшим лицом. Через пару недель – новый труп: на этот раз подле улицы де-ля-Арп. Был это Анри Вермили, богатый ростовщик из Сите. Следующей жертвой стала некая Гудула, старая шлюха, дожидавшаяся пьяниц на Шам-Флори в парадии святого Жермена из Осера. Ну, в ее возрасте уже не соблазнишь жаков на улице Глатиньи и не станешь трахаться под трактиром «Под Толстушкой Марго». Потом, на

коллежа.

⁶ Сын королевского хлебопека, повешенный за участие в воровских налетах; упоминается в стихах Вийона.

мартовские иды, погиб каноник Боссюэ, капеллан из церкви в Сан-Мари, искавший утех в Трюандри.

– Нищий, шлюха и каноник. – Вийон глянул в окошко на панораму Парижа. Вдали, над кривыми домами и грязными мазанками, тянулись в небо башни собора. – Славная компания. Убийца умерщвлял их не ради добычи, это уж точно.

– Очередной труп появился вскоре после мартовских ид. Был это Этьен Жаккард, нувориш из квартала Аль. Потом погибли Эдуар де Ними, жак из Наваррского коллежа, и благородный Франсуа де ля Моле, рыцарь. А потом, в самом конце мая, нашли скорченное и почерневшее тело некоего Людовика Гарнье, вора и негодяя, который ночевал под складами в Аль да срезал кошельки, а когда предоставлялся случай, то наверняка и глотки резал. Позже еще погиб Жак Повину, сын купца, ты его знаешь – у него склад вина неподалеку от порта Святого Антония. И это – все. Девять тел. Девять трупов, которые потрясли Париж.

Установилась тишина. Лампадка скворчала. Из-за двери доносились приглушенные крики.

– За работу, Франсуа! – сказал Гийом. – Время бежит.

Мистерия нищих

Ни один богобоязненный и упитанный парижский мещанин не выбрал бы для вечерней прогулки улицу Трюандри в квартале Аль. Тут царила преступность и ее друзья – бедность и голод. Была это улица свободных горожан, воров, нищих и бродяг, не платящих налогов, не зажигающих фонарей перед домом, не отдающих в казну – ни копытного, ни мостового, ни десятин. Смерть любого из здешних негодяев и мерзавцев обычно стоила четыре золотых эскудо. Такой была плата, которую парижский палач брал за повешение вора, бродяги или грабителя.

Проталкиваясь сквозь толпу, Вийон добрался до площади, называемой Двором Чудес, потому что каждый вечер тут случалось столько чудесных исцелений, сколько и в прославленном Сантьяго-де-Компостела, а если даже чуть меньше, чем в Компостела, то уж наверняка побольше, чем в не таком уж далеком Конке, славном своими чудесами и реликвиями святой Фе⁷. Здесь каждый вечер слепцы прозревали, парализованные вставали на ноги, а немые – возвращали речь и слух, у инвалидов отрастали руки и ноги, горбуны распрямляли спины, а потом бросались в танец. Улица Трюандри была бездной нищеты, втиснувшейся меж разрушенными домами, щерящими зубы пинаклей и остатков контрфорсов, таращащих глазницы выбитых окон, с отбитой штукатуркой и сколотыми кирпичами. К руинам этим, словно ласточкины гнезда, лепились хижины и мазанки. На площади горел большой огонь, на котором готовили еду, обсуждая тут же дальнейшие планы, пили, ругались, торговали и мигом проигрывали в карты пузатые кошельки; из корчем же то и дело выкатывали новые и новые бочки. Пьяная, потрепанная толпа, разогретая молодым вином и горячей парижской ночью, выла, свистела, напевала непристойные песни и опоясывала костры танцующими хороводами, что то и дело распадались, исчезали среди мусора и битых кирпичей, чтобы через миг сплестись заново.

У огня сидел цвет воровского дела. Были это карманники, взломщики, надувалы, горлорезы. Были шаромыжники, сумоносцы, фальшивые клирики, продавцы индульгенций, торговцы чудотворными мощами. У огня развлекались вагабонды, жаки, калики, побирухи, жонглеры, убийцы, костыльщики, шулеры, шельмы, притворяющиеся честными людьми, напились тут странствующие акробаты, голиарды, беглые монахи, гистрионы, менестрели, музыканты, продавцы крысиной отравы, фальшивые клеймильщики, странствующие проповед-

⁷ Ирония ситуации состоит в том, что монастырь в Конке, куда перевезли украденные из Ажана чудодейственные мощи св. Фе, стоял как раз на пути св. Иакова – ведущего в Сантьяго-де-Компостела, где находилась предполагаемая могила апостола Иакова.

ники, нищие, ложные слепцы, прокаженные, искусанные бешеными собаками, и хромцы, дальше стояли паралитики, горбуны, больные лихорадкой, притворные эпилептики, одержимцы, отпущенные из тюрем, освобожденные из сарацинской неволи, фальшивые собиратели милостыни, ложные экзорцисты, кающиеся грешники, притворные церковники, странствующие слепцы. Еще развлекались там бегарды (часть из них притворялась обращенными иудеями), симулянты танца святого Вита, хвори святого Антония, больные падучей, притворяющиеся безумцами. А также: изгои, ложные инвалиды, мародеры, грабители, странствующие сказители, сбежавшие слуги, цыгане, лудильщики, францисканцы, нищие с детьми, нищие с собаками, изводители душ из чистилища, изводители душ из ада, странствующие орденские братья и братья, в ордены вписывающие, продавцы поддельных жемчугов и колец, выбивальщики долгов, фальшивые квесторы, зернщики, акробаты и многие, многие другие...

* * *

Главарь парижских шельм и преступников сидел на своем троне из бочки.

– Приветствую вас, честной король Клопин.

– Вийон! Чтоб тебя чума, так это не тебя повесили в прошлую пятницу на Гревской площади?

– Вешали, да я веревку оборвал.

– Ха-ха, ну ты и плут! С чем пришел?

– Ищу Дьявола с Мобер.

– Дьявола... Ха, это не наш, верно, коннетабль Копеноль? Это ведь не твои горлорезы, ангелочки да святоши? Если повстречаешь его, Франсуа, заставь его жрать землю. Этот разбойник слишком уж сильное смятение вызывает в нашем славном городе. И тогда можешь мне ни гроша отступного не платить!

* * *

Чуть дальше присело несколько уличных босяков, глядя на немолодого шельму во францисканской рясе и со старательно выбранной тонзурой...

– Нищенствование – искусство, и только настоящий артист сумеет собрать богатство, смеясь над богобоязненными лошками. Просить нужно с покорностью, никогда не смеяться и не открывать двери силой. А когда пожелаешь изображать больного, достаточно поместить под язык мыло. Когда же просишь милостыню, следует кричать: «Смилуйтесь, христиане, над калекою». А после таких криков нужно начать рассказывать, как дурной воздух вызвал паралич в твоих членах...

– Интересует тебя Дьявол с Мобер, Франсуа? Не стану спрашивать почему. Но видел ли я его? Ха, видел, и видел хорошо. Но уж поверь мне, серый на нем плащ, а не черный. А на лице носит он железную маску...

* * *

Трое татей обдумывали план будущего преступления...

– Говорю вам, у этого засранца Жаки целая бочка эскудо, закопанных в подвале по улице Лазаря. Можно пройти сквозь сад, а потом по лестнице в кладовую...

– Правда, что ли?

– Хлебом и вином клянусь! Чтоб меня висельник вздернул, если брешу! В сад ведет калитка, грязная, как тело матушки Кураж, вот вам крест, братья!

– Слышали ли мы о Дьяволе с Мобер? Да это точно висельник Петр Крутиворот ночами гуляет. Голову на отсечение даю!

* * *

– Лезу я, значит, братья, в церковь в Лонже, в Бретани, – говорил молодой вор трем нищим оборванцам, из которых один изображал слепца, второй – паралитика, а третий – кающегося за убийство брата грешника, – кланяюсь хамам; как месса прошла, показываю тот череп желтый и говорю, что, мол, собираю пожертвования на часовню святого Брендана, но что пожертвования могу принять только от честных женщин, которые никогда не ходили на сторону. Бретонки меня тогда чуть не растоптали, так торопились деньги нести! Сколько, спрашиваешь, за череп святого Брендана я отдал? Три минуты страха на кладбище в Каркассоне.

– Дьявол? Видывал я его! Шел он по улице, высокий, а головой ажно до крыши собора Богородицы доставал. А за ним собаки бежали... Черные собаки, что кровь его жертв лижут...

* * *

– Юдей это, костями святого Брендана клянусь! Дьявол с Мобер – это юдей, чтоб мне матушкой Кураж не быть! В острокопечном колпаке он был, какие его преосвященство епископ Парижа повелел этим жидам-то носить! Юдей, низкий и толстый. Малой, от горшка полвершка! А толстый, что твой бочонок...

* * *

– На нем крысюки роились, как из переулка Куше он лез, – вор Комбер, и сам напоминавший крысу, сплюнул на мостовую, подчеркивая важность своих слов. – А как меня увидал, превратился в галку и на вершину Лувра улетел.

* * *

– Темный он был, что твой цыган, а глаза у него светились красным. Когда шел, цепями позванивал. Знаю, потому что видел его. А где видел? Да на мосту Богородицы...

* * *

– Думаю, что убийца этот не кто иной, как Ривье. Шельма мне три гульдена должен, а ни одного еще не отдал...

* * *

– Да наверняка мавр. Или бургундец. Только они и используют дьявольские отравы. Слышал я, что душу из жертв высасывал, а потом паковал ее в мешок, который дьяволу собирался нести. А мешок у него был толстый, как его преподобия епископа пузо!

* * *

– Колетт...

– Вийон?! Ты жив? Жив...

– Еще не пришло мне время станцевать на Гревской площади.

Распутница обняла его за шею, прижалась к нему своим молодым прекрасным телом, которым ежедневно касалась сотни мужчин. Вийон задрожал. Она была красивой и испорченной. Гнила, как весь этот город, барахтающийся в грязи и навозе, погруженный в духоту, тянущуюся от Сены, и в смраде мочи, которой воняло из закоулков и подворотен.

– Сегодня на Сите я повстречала Лорана Лева. Тот снова просил, чтобы ты пришел в его мастерскую и принес все свои стихи.

– Лева? А чего он, черт его подери, хочет? Да пошел он к дьяволу. У тебя есть деньги?

Он почувствовал, как по ее телу пробежала прерывистая дрожь.

– Не бей меня сегодня, – прошептала она. – У меня был богатенький полюбовник... Хватит на многое.

– Пойдем, – решил Вийон.

Они вошли под кривой деревянный навес, свернули в узкую, замусоренную улочку. Вийон прижал девушку к замшелой стене. Сквозь тонкую ткань легкого платья почувствовал ее небольшие круглые груди. Колетт вздохнула, а ее ловкие пальчики пробежали по одежде вора вниз, добравшись до набитого по последней моде гульфика.

– Колетт, – прошептал он ей на ухо. – Я должен узнать, кто такой Дьявол с Мобер...

– Ты ведь едва вышел на волю, Франсуа. – Ее губы были настолько же умелыми, как и руки. – И вместо того, чтобы наслаждаться жизнью... м-м-м... этой ночью... говоришь об убийце. Ах! – Вийон поднял вверх ее уппеланд и раздвинул ноги. Прижал шлюху к стене.

– Он – один. Одиноким убийца, бродящий ночами по парижским улицам...

– Ты с ним справишься. Я тебе помогу. – Колетт прищурилась и закусила верхнюю губу. – Узнаю... Ах... Узнаю все...

Он прижал ее еще сильнее. Крик Колетт понесся вверх, вдоль покрытой лишаем стены, вдоль карнизов, парапетов, пинаклей и контрфорсов. Взлетел над лабиринтом разрушенных усадеб с остроугольными крышами, над узкой, грязной Трюандри. Добрался высоко, аж до большой и красной, словно кровь, луны. К прекрасному чистому небу над мерзким, грязным и вонючим Парижем.

Ars sine scientia nihil est⁸

Владыка пришел к нему. Как и было записано в договоре. И привел ее...

Он подошел ближе, склонился и вонзил в женщину хищный взгляд.

Пурпурные одежды опали, и показалась округлость плеча, стройная шея.

Он удивлялся совершенству пропорций и ждал. Волосы у нее были цвета воронова крыла, гуще египетской тьмы, и совершенное тело. Он долго ждал, пока проявятся линии. Легкие полосы прошли по алебастровой коже. Создали первые диаграммы, круги, треугольники и стрелки направлений. Наконец-то он увидел то, что искал. Пропорции, опирающиеся *ad quadratum* и *ad triangulum*⁹, а еще другие, более сложные, каких он и не знал до этого времени. Смотрел же очень внимательно, чтобы запомнить все.

В эту ночь она не открыла больше ничего.

⁸ Без каких-либо о том знаний (лат.).

⁹ «На квадрат», «на треугольник» (лат.) – термины средневекового архитектурного искусства.

Лжепророк

Контора Лорана Леве располагалась на бульваре де Прювель, в двухэтажном доме прямо напротив усадьбы известной семьи Дюше, где за резными воротами прохаживались по двору гордые павлины.

Вийон нашел Леве на втором этаже. Мастер Лоран, наряженный в берет и шерстяной жиппон, был коренастым мужчиной с большим брюхом и красным лицом. Печатник стоял у окна. Смотрел на дождь, что омывал стены грязных домов, на жмущихся под руинами нищих. Вийон многозначительно кашлянул.

– Франсуа! – весело откликнулся печатник. – Где же мы виделись в последний раз? Случаем не на Гревской площади, дорогой?

– На Гревской площади я буду в следующую пятницу, – буркнул Вийон. – Потому что именно тогда меня и повесят. А перед этим выпустят кишки на радость парижской черни.

– Знаешь ли ты, чем я занимаюсь, Вийон?

– Нанимаете дьявола, который переписывает для вас книги. Поэтому за месяц вы делаете сотню копий Святого Писания. А старая ведьма Кураж говорит, что видела, как из вашей трубы вылетал черт.

– Вот уж воистину дураки и шлюхи правят нашим прекрасным городом. Да что там, всей Францией. Всей Европой! Хотя, возможно, я бы сделал исключение для Праги и Кракова. Нет, Франсуа, я не нанимаю дьявола. Я сам составляю и издаю книги, пользуясь чудесным, хм, изобретением Гутенберга и Янсзона¹⁰. То есть, дорогой мой, печатным станком. А темным попам не по нраву, что я могу распространять Слово Божье без их знаний и пропагандировать его в народе.

– То есть, господин Лоран, ты полагаешь, что шлюхи, простецы и торговки поймут, что там пишется твоими литерами?

– Человек – существо слабое, дорогой, – засопел Леве. – Но не злое. Он просто блудит. А слово может помочь ему найти истинный путь.

– Достаточно показать народу какой-то фокус, и это сразу отвлечет внимание толпы. Ты полагаешь, что печатным словом сделаешь что-то хорошее? Воспользуются им лишь еретики и святотатцы, потому что легко сумеют провозглашать свои ереси!

– Ты даже не представляешь, как ты сильно ошибаешься, – ответил ему Лоран. – Это эпохальное, хм, открытие изменит лицо мира!

– А мне кажется, что это вот, – Вийон указал на книгу, лежавшую на столе, – убьет вон то, – и указал ладонью в сторону окна, за которым над каменными острями крыш вздымались стройные башни собора. – Твои каляки-маляки уничтожат установленный порядок мира. До этого времени говорило с людьми вот это, – он вновь указал на храм. – Камень и Божия мысль, в нем заключенная. Образ и аллегория вознесения Иисуса Христа. А кто станет говорить через вашу печать? Только лжепророк.

– И что ж в том дурного, если, хм, всякий сумеет провозглашать свои взгляды?

– А я говорю, что станете радоваться своим фолиантам до того лишь момента, когда некто лучший, чем вы, придумает книгу или собор с движущимися фигурами. И этого хватит, чтобы чернь отвернулась от затхлых фолиантов и вернулась к зрелищам... К мистериям и фокусам жонглеров. Потому что толпа желает видеть движущиеся картины. Хотят смотреть на соборы, даже если они не из камня, а из стекла. Вот только я – всего лишь вор и шельма. Но мы отошли от темы. Мне сообщили, что изобретение твое имеет нечто общее и со мной? Предупреждаю,

¹⁰ *Лауренс Янсзон Костер* (ок. 1379 – ок. 1440) – голландский книгопечатник, возможно изобретший печатный станок раньше, чем Иоганн Гутенберг (между 1426 и 1440 годами, что несколько раньше деятельности в этой сфере Гуттенберга, изготовившего первый станок в середине 1440-х годов).

мэтр Лоран, что я, увы, не вижу себя в роли писарчука! Потому что, если надобно мне заработать пару грошей, я скорее предпочту красть, нежели терять зрение в мастерской.

– Я был бы воистину безумен, если бы доверил составление книг такому шельме и вору, как ты. Однако я слышал, что у тебя есть талант. Божий дар. Потому-то я и хотел бы издать твои произведения. Напечатать на бумаге, чтоб люди могли их прочесть. Чтоб достигли они не только ушей девок в трактирах, но распространились и дальше, быть может, эх, и до самого королевского двора... Но издам я их в формате *фоллио*, а не в *октавио*¹¹.

По спине Вийона прошла дрожь.

– Как это? Хочешь издать мои стихи? – спросил он, слегка опешив. – То есть поместить их на бумагу? Зачем? Кто захочет читать мои мрачные рифмы? Ведь я пишу о злодеях и злодействах, о ворах и домушниках. О моих милых друзьях, что погибли на эшафоте. Это ведь не жизни святых и не книги вашего... Гутентага.

– Гутенберга! – Лоран глянул на Вийона так, словно тот совершил святотатство.

Вийон же отозвался строфой из стиха:

Палить нас будет солнце и чернить,
Дожди нас станут сечь и отмывать,
Из глаз вороны сукровицу пить,
И бороды, и брови нам щипать.
Теперь нам ни присесть и ни привстать...

И добавил:

– И чего же ты хочешь от меня?

– «Завещания».

– Не знаю... – начал Вийон. – Ну ладно. Дам тебе мое «Завещание». Дам и «Баллады». Дам и «Свадьбу висельника», которую ты наверняка еще не слышал, поскольку я лишь недавно ее закончил. Но дам не задаром!

– И чего же ты хочешь взамен? Денег? Ведь очевидно, что не честной работы, которую я могу тебе предложить!

– У тебя, мэтр, множество ученых книг. А я хочу доискаться до истины...

– Какой истины, Франсуа?

– Истины о Дьяволе с Мобер.

– Я не имею ничего общего с этим убийцей. Мне известны... только сплетни.

– Ты не знаешь всего, мэтр. У всех жертв были почерневшие лица. Не знаю, отчего так получалось. Если поможешь мне разгадать эту загадку, все, что я ни написал, будет твоим. И не только «Завещание», но и стихи, которые я писывал шлюхам из Сите. А там есть такие святотатства да любовные сцены, что даже дамы зарумянятся, читая их под лавкой во время служб, – поэт подмигнул толстому печатнику и ухмыльнулся заговорщически. – Я хочу только узнать, какой яд вызывает синие пятна на лице мертвеца!

Лоран Леве кивнул Вийону и проводил его в соседнюю комнату. Там стоял большой печатный пресс и ящик с литерами. На столах разбросаны были листы бумаги, дратва для шитья и деревянные обложки будущих книг.

Над кипой манускриптов возвышался человек. Увидав его, Вийон вздрогнул: тот выглядел точь-в-точь как Лоран Леве – такой же упитанный, румяный, одетый в красно-черную ушпанду.

– Мой брат Жюстин, а это – Франсуа Вийон, безбожный вор, шельма и поэт.

¹¹ То есть в 1/16 печатного листа бумаги (что примерно соответствует нашему формату А4), а не в 1/8, какими чаще выходили книги в ту эпоху.

- Воистину, добрые господа, как повисну в петле, отчитайте за меня молитву-другую.
- И чего же ищет у нас сей мэтр злодейства? – спросил Жюстин.
- Истины о Дьяволе с Мобер. А потому, братец, пойдем-ка в библиотеку.

Жюстин отворил дверку рядом с камином. Узкая запыленная лестница уводила вниз. Мэтр-печатник высек огонь, зажег фонарь. Франсуа шагнул в мрачный проход. Следом шел Жюстин. Во тьме, разгоняемой светом пламени, фигура Лаве напоминала гнома, который ведет поэта в царство мертвых. Но Вийон не был уверен, встретит ли он здесь Вергилия.

Они сошли вниз, в подвал. Было здесь тепло и сухо. Весь пол был уставлен длинными полками, гнущимися под тяжестью толстенных манускриптов, свитков и фолиантов.

– Вот сокровищница знаний, дорогой, – пробормотал Лоран. – Печатаем день и ночь. Зимой и летом. А все чтобы, хм...

- ...чтобы передать людям знания, в этих книгах содержащиеся, – закончил Жюстин.
- Быть может, именно здесь мы и найдем ответ на твой вопрос, – произнес Лоран.

Вийон подошел к ближайшей полке и извлек несколько томов. Это были прекрасно иллюминированные манускрипты, украшенные флоратурами и бордюрами, а порой и дrolerie¹². Тома были расставлены в случайном порядке: рядом с «Романом о Розе» и второй книгой «Поэтики» Аристотеля он нашел Манесский кодекс немецкого извода. Дальше стояли «Троил и Крессида» Джеффри Чоссера, а рядом книга, от которой у него аж руки засвербели от воспоминаний: «Ars Gramatica» Элия Доната. Эта книга напоминала ему исключительно о розгах мэтра Гийома, при помощи которых добросовестный ментор вбивал в него некогда правила латинской грамматики. Дальше лежали «De senectute» и «De amicitia»¹³ Цицерона, а потом – зачитанный «Диалог о чудесах» Цезария Гейстербахского. А над следующей книгой Вийон замер. Фолиант был произведением Гонория Фиванского, сиречь «Liber Sacratius». Франсуа слышал, что в мире остались только три копии этого труда. Он думал о том, держит ли он в руках одну из них, или мэтр Лоран сделал четвертую копию. Рядом стояли «Несправедливые войны Германского ордена» о. Петра Влодковича из Кракова – трактат, написанный так умело, что Вийону достаточно было прочесть лишь пару строк, чтобы разлюбить тех сукиных сынов из Тевтонского ордена. А потом поэт нашел «Роман о Фовеле», героем которого и был этот самый Фовель, чье имя составляли начальные буквы слов: *Flatterie* – лесть, *Avarice* – скупость, *Vilenie* – грубость, *Variété* – непостоянство, *Envie* – зависть, *Lâcheté* – трусость.¹⁴

Лабиринт книг поглотил внимание Вийона без остатка. Он удалился от печатников, заглядывая на все более высокие полки. Вдруг замер. Стоял перед простым стенным стеллажом, но воровское чутье сразу подсказало ему, что тут что-то не в порядке. Книжные полки поддались под нажатием его руки. Когда же он навалился на книги плечом, вся конструкция закрипела и провернулась на петлях. За полкой обнаружился коридорчик, стена и каменная полка.

На гипсовой поверхности лежала книга. Небольшая, невзрачная и оприветленная в поистершуюся зеленоватую кожу. Отчего ее заперли здесь? Неужели она так дорого стоит?

Он жадно схватил том. Внутри увидел графики, рисунки сечений, снабженные комментариями. И еще кое-что привлекло внимание вора. К книге прикреплена была короткая цепь. Последнее звено ее – перекушено и разогнуто... Это был знак. Ясный и простой знак воровской гильдии. Наверняка книга когда-то была прикована к столу или стене. А если цепь перекусили, это значило, что том украли...

Тяжелая рука опустилась на плечо поэта. Он обернулся. Позади стояли печатники.

¹² Дrolerie (от французского *drôlerie* – шутка) – карикатурные и юмористические картинки, что иной раз встречаются на полях средневековых манускриптов.

¹³ Соответственно, в русском переводе: «О старости» и «Лелий, или О дружбе» – трактаты Марка Туллия Цицерона, образцы латинской риторики.

¹⁴ Французское написание имени главного героя: «Fauvel».

– Твой преступный темперамент... – начал Лоран.

– ...всегда приводит к проблемам, – закончил Жюстин и вырвал книгу из рук вора.

Они почти силой выволокли Франсуа из тайника. Лоран передвинул стеллаж, закрывая вход. А Жюстин подвел вора к столику, на котором лежала большая книга, оправленная в телячью кожу. Пергаментные страницы внутри были исписаны странными, изогнутыми линиями арабского письма.

– Это Джабир, сарацин... – начал Жюстин.

– ...но прекрасный алхимик, медик, исследователь, мой дорогой, – закончил Лоран.

– Тут описание его опытов, – Жюстин указал на рисунок, на котором был изображен человек, порезанный на части. – Джабир пишет, что если к телу мертвеца приложить горячий металл или даже компресс...

– ...то на его коже появляется пятно, – закончил Лоран. – Потому что при жизни тепло, входящее в тело, притягивает кровь.

– А когда кружение ее прекращается, в месте, к которому прикасается нечто горячее, возникает знак, – читал Жюстин, глядя через плечо брата.

– А потому синие и черные лица людей, убитых твоим горлорезом, – сказал Лоран, – это не результат яда, но... воздействие огня или тепла после смерти.

Франсуа скорчился, как жак, впервые пойманный ректором в публичном доме.

– Пятна от жара? Так что, черт его подери, он им наплевал в лицо серой? Вы проверили яды?

– Мы просмотрели безбожный «Пикатрикс» и даже «Смерть души», – проворчал Лоран.

– И ни в одной из этих книг нет и слова об отраве, которая вызывала бы такие последствия, – закончил Жюстин.

– Значит, людей убивает дьявол, – кивнул Вийон. – Ведь зачем человеку прижигать лица умерших?

Он зашипел и скорчился снова. Воск из растопившейся свечи потек по его пальцам. Лоран Леве посмотрел на катящиеся капли, что застывали на каменном полу.

– Это может быть и не огонь, поэт.

– Возможно, это что-то другое, – дополнил Жюстин.

– А теперь давай нам «Завещание», вор! – потребовал Лоран.

Вийон кивнул, сунул руку в сумку и достал потрепанную стопку листов, исписанных наразборчивым почерком, забрызганных винными и восковыми пятнами, покрытых жиром и... один бог знает, чем еще.

– Что вы с этим сделаете?

– Распечатаем пятьдесят экземпляров. Совсем скоро придет конец темноте и упадку, – пробормотал Лоран. – Время человеку стать новым и возродиться, чтобы не правили им шлюхи и зло, но чтобы вела его великая идея, дорогой. А благодаря нам все идеи и мысли будут запечатлены на бумаге. У всякого будет доступ к знанию! Мы разрушим собор тьмы.

– А вам, господин поэт, – добавил Жюстин, – я предсказываю славу – пусть даже и долгие годы спустя.

– А я боюсь, – добавил Франсуа, – что ты таки лжепророк.

Парижская любовь

Валакэ смердел, словно старый козел. Даже хуже! Вонял, как протухшая бочка с гнилой репой, собранной еще при Филиппе Красивом¹⁵. Колетт отворачивалась, чтобы избежать его

¹⁵ Французский король Филипп IV Красивый умер в 1314 году – без малого за сто пятьдесят лет до времени действия рассказа.

поцелуев, широко расставляла ноги, когда он прижимал ее к древнему заплоту и входил сильно, грубо. Но он заплатил за свое наслаждение наперед.

– Видишь, как оно бывает с настоящими мужиками, – выдохнул ей на ухо сквозь испорченные редкие зубы.

Она отвернулась и прижала щеку к заплоту. Ночь была теплой и душной, луна скрывалась за тучами. Колетт сжимала зубы, чтобы не кричать. Взгляд ее пал на противоположную сторону улицы Гонория, на закоулок между двумя домами. Заметила невысокую фигуру в плаще и капюшоне, шедшую медленным, покачивающимся шагом. Незнакомец переступил через канаву и исчез в узкой улочке.

Убийца в черном... Дьявол с Мобер! Одиноким душегуб, бродящий по парижским закоулкам. Погоди-ка... Разве не его искал Вийон?

Балакэ закончил, засопел торжествующе, подтянул рейтузы. Подвязал шнурочками гульфик. А потом дал девушке пощечину. Колетт крикнула.

– Это тебе на память, шлюха, – прошипел он. Отвернулся и направился в кабак. По дороге высморкался в два пальца. Вступил в лужу, в которой плавал мусор, дведохлые крысы и конский навоз.

Колетт прижала к пылающей щеке золотой эскудо. Смотрела туда, где исчез незнакомец.

Огляделась по сторонам: было почти пусто. Из трактира доносился смех. Незнакомый грязный дитенок повторял грустную считалку:

Два с собой несли гроба,
А в них пели черепа
Песенку для Дьявола с Мобер.

Она побежала за одиноким мужчиной. Вошла в переулок между домом и оградой сада. Вступила во что-то липкое и мягкое, выругалась, но пошла дальше, держась за влажные камни.

Впереди слышалось тихое хлюпанье, плеск и шорох. Улочка поворачивала, с обеих сторон – лавки да магазинчики. Колетт протиснулась дальше, вышла из-за поворота и...

Человек, за которым она следила, не был убийцей!

Дьявол с Мобер смотрел на нее, наклонившись над телом мужчины в плаще. Взгляд его был печален и спокоен. Девушка почувствовала, что приговор ей уже вынесен. В этот миг, пожалуй, поняла, что она видела слишком много...

Отступила. Хотела побежать, но столкнулась с чем-то мягким, сопротивляющимся. Успела только вскрикнуть.

Совершенные пропорции

Пурпурные одежды, сверкающие и мягкие, стекли с ее плеч. Женщина стояла в полумраке спиной к нему, так, чтобы он мог видеть все подробности ее совершенного тела. Откинула иссиня-черные волосы со спины, а он в который раз почувствовал прилив похоти. Желал ее. Желал жадной столь великой, что могло бы показаться, будто он сгорает в ее огне.

Не притронулся к женщине. Не имел достаточно смелости. Не хотел ее запятнать. Была для него прекрасной и недоступной, словно... ангел.

Линии на ее коже медленно потекли, свиваясь и сплетаясь в узоры, от шеи и вниз, по спине, двигаясь к ягодицам. Арки сводов, притворы и колонны раскрывали свою тайну. В сложной системе залов он зрел совершенство пропорций: давление сводов распределялось идеально. Снаружи линия давления свода, линия силы крыши и стены сходились в заранее заданной точке, чтобы за миг пойти равнодействующей от центра дальше и там, в решающий момент, встретить противосилу, которая уравнивала бы все это.

Узоры эти были совершенны, как само небо. Были прекраснее тех секретов, которые выкрали у его братства, чтобы самым никчемным образом отдать в руки профанов.

Этой ночью он больше ничего уже не увидел.

Господин набросил на женщину плащ, и оба они исчезли в зеркале.

Шатле

Вийон не выпался. Вийон был печален. Вийон устал. Вийон знал, что поднялся уже на первую ступеньку, что вела на эшафот, где ждет его мастер Петр Крутиворот и приготовленная виселица.

На сбитых из неструганных досок столах лежали два тела, прикрытые полотном.

– Ты не справился, Франсуа, – сказал Гийом и снял покрывавшие трупы саваны.

Вор взглянул на мертвых и почувствовал себя так, словно его ударили в лоб кузнечным молотом. На грязных досках лежали...

Колетт. Парижская шлюха с Трюандри. Маленькая распутная любовь Франсуа Вийона. Вора и поэта.

Лоран Лева. Уважаемый обыватель города, мэтр-печатник.

Гийом де Вийон кружил вокруг тела печатника.

– Рана нанесена в бок, справа, но в направлении живота. Пробита... Франсуа?

Вийон молчал. Гийом вернулся к осмотру трупа.

– Пробита печень и наверняка поражена утроба. Он должен был умереть быстро. Тело неестественно скорчено...

Подошел к столу с другой стороны и поглядел на голову трупа.

– Лицо, щеки, шея и лоб посиневшие. Неизвестно, от яда или от дьявольского огня.

Перешел к девушке.

– Шлюха. Задушена с большим мастерством, вероятней всего – руками. Шея свернута, на губах кровь. Не страдала.

– Тут кое-что отличается от предыдущих убийств, – сказал Вийон. – У Колетт лицо не посинело. Она не была отравлена – ей свернули шею.

Он подошел к девушке. На спине ее увидел синяки, которые появились у нее той памятной ночью четыре дня назад, когда он побил ее в пьяном угаре. Он легонько прикоснулся к ее лицу, на котором виднелась красная полоса. Провел пальцами до губ и... почувствовал влагу. Капля крови вытекла изо рта распутницы и упала на ладонь вора.

Вийон затрепетал. Отступил от трупа. Вытер руку о кафтан.

– Погибло уже одиннадцать человек, – прошептал он. – Нищий, ростовщик, шлюха, священник, богач, жак, рыцарь, мэтр-печатник, шлю...

Отчего на лице Лорана Лева не отпечатывалась предсмертная гримаса боли? Отчего лежала на нем печать странного воодушевления? Нет, а может, это все же была гримаса боли?

Вийон замер. Ухватился за голову, вытер глаза. Что-то здесь не совпадало. У всех девяти предыдущих жертв были почерневшие лица. И у мэтра Лорана тоже было синее лицо. Однако у Колетт, единственной из всех, лицо осталось нетронутым... Нищий, ростовщик, шлюха, священник, богач, жак, рыцарь, мэтр-печатник, парижская потаскуха.

Дьявол убил двух проституток.

И у второй лицо не почернело.

«Вывод тут простой», – подумал Вийон.

– Дьявол выбирает жертв не случайно, – сказал он. – Мэтр Гийом, он действует по плану. Никогда не убивал он двух людей одинакового сословия. За исключением Колетт...

– И что из этого?

– У Колетт единственной не почернело лицо. Ранее убийца уже лишил жизни некую Гудулу, парижскую потаскуху. С ней он проделал тогда нечто, из-за чего ее лицо стало синим. А с Колетт он этого не делал, потому что ему не нужна была еще одна шлюха!

– Тогда зачем он ее убил?

– Колетт, должно быть, случайно оказалась у него на пути. Может, она была свидетелем убийства печатника? Погибла, увидев убийцу, а может, даже узнав его. Он задушил девуку, но это не входило в его планы, а потому он не стал развлекаться с ее лицом.

– Черт побери, да ты прав! – выкрикнул Гийом. – Он отбирает жертв согласно какому-то правилу.

– Если бы я только знал, кто он такой. Рыцарь он или священник, барон или нищий, граф или жак, вор или мошенник?

Двери со стуком отворились. Робер де Тюйер вошел в комнату, толкнув Вийона, когда проходил мимо. Склонился над телами. Тихо выругался.

– Ты нас подвел, вор!

Вийон молчал.

– Никто, абсолютно никто не должен ничего узнать об этом преступлении! Тел не видел никто, кроме нас. Слуги, которые их нашли, будут молчать как могила.

– Знает еще Жюстин Леве, – пробормотал Вийон.

– Будет молчать. Ради... блага инквизиционного расследования. Тела я прикажу сжечь. Нынче мы вешаем шлюху Гарнье, а потому я не хочу беспорядков...

– Об этом все равно узнают. – Гийом скривился. – Через два-три дня весь Париж узнает, что Гарнье невиновна.

– Значит, у нашего дорогого Вийона есть два или три дня на то, чтобы найти убийцу.

– А если я не найду? Что тогда?

– Тогда ты признаешься в двух последних убийствах. Сделаешь это на ложе мэтра Петра Крутивороты. И станешь еще одной Маргаритой Гарнье.

Жюстин

Когда Вийон поднялся на второй этаж печатной мастерской, подавленный Жюстин Леве сидел, подперши голову, над кучей манускриптов, над разбросанными заметками.

– Мэтр Жюстин...

– Вийон... Мой брат...

– Я все знаю. Поэтому и пришел. Были ли у Лорана враги? Были те, кто его ненавидел? Кто хотел бы так жестоко убить его?

Жюстин встал и подвел Вийона к окну. Они выглянули на шумную улицу. Взгляд поэта остановился на островерхих крышах парижских домов. На башнях церквей, на пинаклях, наверхиях, напоминавших глаза трупов.

– Мой брат был мечтателем, – сказал он. – Хотел изменить этот паршивый город. Верил, что близится конец эпохи грязи и вони. Что люди очистятся и станут лучше.

– И кто же мог его убить?

– Тот, кто не хочет, чтобы человек освободился от оков тьмы. Тот, кто ненавидит печатное слово, предпочитая, чтобы люди боялись тьмы и были как дети, которых можно убедить в чем угодно. Чтобы они не читали книг и не получали знаний и истин, что в них содержатся. Спрашиваешь, кто его ненавидел? Священники и монахи. Наверняка его преподобие епископ Парижа. Но ни один из них не поднял бы на него руку. Потому что времена, в которые мы живем, уже меняются! Взгляни, взгляни туда! – Жюстин указал на далекое строение, возле которого сустились каменщики.

Вийон напряг зрение. Здание возводилось в странном стиле, которого он ни разу не видел. Вместо «прусской» стены фасад был украшен сверху листьями аканта, розеттами, венцами и канделябрами.

– Это флорентийский стиль, – пояснил Жюстин. – Тезис, антитезис и синтез римского и греческого искусства. Вот она, квинтэссенция скульптур Донателло, которая приведет к тому, что Париж из города бедности и нищеты превратится в новый Римский форум.

– Я ищу убийцу, а вы... об архитектуре? Чем это поможет?

– Убийца связан с тем, что уходит, господин Вийон. Что-то подсказывает мне, что найдешь ты его в старых церквях полным страха и суеверий. Чувствую, что в нем есть нечто от мира, который уходит...

– Эх, одни слова...

– Приходи, когда узнаешь что-то, – произнес Жюстин. – Я помогу тебе во всем, поэт. Этот разбойник не может убивать людей... И их мечты.

Собор Богоматери

Маргарита Гарнье ехала на раскачивающейся повозке, которую тащили слуги; она была привязана крестом на деревянных козлах, покрыта рваниной, из-под которой выглядывала нагая грудь. Гнилая свекла вдруг ударила ей в лицо, оставив мерзкое вонючее пятно на носу и щеке. Маргарита скорчилась, насколько ей позволяли веревки.

– Ведьма! Шлюха! Убийца! – выла толпа.

– На костер колдунью!

– В адское пламя чертову девку!

– Смерть! В петлю!

Рыдания сотрясли худые плечи невинной убийцы, когда она смотрела на море голов. Въехали на Банковский мост, ведущий из парижского Сите на правый берег Сены, а толпа, зажата между рядами домов банкиров да золотых дел мастеров, приветствовала Маргариту воем и свистом. Она смотрела, рыдая, на красные, грязные, неразличимые лица парижской черни. На кривые рты с дырами от испорченных зубов, на губы, что выплевывали в нее богохульства и крики. На тупые морды, глупые лица, красные носы и водянистые глаза. На кулаки, бездумные взгляды, поросшие полипами носы, бородавчатые щеки и плохо заросшие шрамы. Толпа ненавидела. Толпа жаждала ее смерти.

* * *

Вийон стоял перед центральным порталом собора Парижской Богоматери. Он тоже слышал крики и свист толпы, вопли ярости, эхом разносящиеся по узким улочкам Сите. Перед ним, над огромными двустворчатыми дверьми собора, высился портал Страшного суда, а святой Михаил смотрел вниз пустыми каменными глазами. В руке он держал весы с человеческими поступками, грешными и благочестивыми.

Возносился вверх огромный собор Богоматери – мрачный, мощный, устремленный в небеса, нависая над островом на Сене громадьем башен. Словно огромный мост, соединяющий запятнанную грехами землю с далекими и прекрасными небесами. Но небо было не для Вийона. Он направился к дверям. Перед воротами заметил жалкую кучку лохмотьев. На ступенях просил милостыню маленький ребенок. На месте глаз его были два темных пятна.

– Повиснешь в петле, Вийон, – сказала дитя. – Но не сегодня. Еще не сегодня.

Он вошел в собор. Огромный неф был залит светом закатного солнца; лучи его входили сквозь островерхие окна и западный витраж из разноцветных стеклышек. Витраж северный

– тот, что изображал Богоматерь, утешительницу страждущих, – был темен, словно покрыт сажей. Неужто даже Мадонна не желает смилостивиться над судьбой Маргариты Гарнье?

«Что зашифровано в этих убийствах? – думал Вийон. – Отчего он убил именно этих людей?»

* * *

Повозка вкатилась на Гревскую площадь. Тут перед ратушей стояла виселица, окруженная отрядом стражи, которая отталкивала алебардами разбушевавшуюся толпу. Какой-то жак метнул в приговоренную дохлой крысой с куском бечевы вокруг шеи.

Палач Петр Крутиворот намылил веревку. Подергал за конопляный шнур, но старая виселица стояла крепко.

Когда он отошел от основания виселицы, на эшафот запрыгнули два карлика. Один вскочил на лесенку, оттолкнулся и повис, хватая за веревку двумя руками. Второй сделал вид, что выбивает лестницу из-под ног. Висящий захрипел. Изобразил предсмертные судороги, размахивая кривыми ножками. Толпа выла и свистела от радости...

– О Боже, нет! – крикнула Маргарита. – Я не хочу! Я невиновна!

Тележка подкатилась к лестнице на эшафот. Палач и двое его помощников схватили Маргариту за руки, а слуга из Шатле развязал ее веревки.

– Иди в ад, сука! – заорала беззубая старуха. – К дьяволу, проклятая девка!

* * *

Каменные короли и пророки безмятежно взирали на Гревскую площадь. Крылатые маскароны, упыри и горгульи вытягивали морды, скалили зубы. Двадцать восемь предков Христа безмолвно следили за казнью Маргариты.

Вийон поднялся на галерею. Он был в центральной точке собора – в галерее королей, точно между тянущимися в небо башнями Богоматери. Перед ним лежал остров Сите, сидящий в Сене глубоко, как перегруженный корабль, оцетинившийся башнями пятнадцати церквей, островерхими крышами часовен и мещанских домов. Напротив виднелся ажурный шпиль Сен-Шапель, возведенный при Людовике Святом на королевской площади, – церкви, которая славилась реликвией Святого Креста и лапой грифона. Дальше, на правом берегу, башни Лувра, а вокруг них – разноцветная мозаика улиц и улочек, закоулков и бульваров. На севере поэту открывались широкие и кряжистые формы церкви Сен-Мартен-де-Шан с толстыми стенами и небольшими окошками, к которой, словно ласточкины гнезда, лепились часовни и часовенки. А на некотором расстоянии от нее – пики шпилей замка Тампль, некогда принадлежавшего тамплиерам. Дальше к западу виднелись величественные башни врат Святого Гонория, дворец Сен-Поль, дворец короля Сицилии, короля Наварры и герцога Бургундии...

Почти у городских стен Вийон увидал две башни огромного собора, похожего на собор Богоматери, того, чье название он несколько мгновений не мог вспомнить. За ним виднелись мельницы, а еще дальше простиралась цветная мозаика полей, огородов и лесов. У самого горизонта – стройные башни аббатства Сен-Жермен-де-Пре, а на севере – стены и шпили церкви и королевского некрополя Сен-Дени. Тут, на высоте, где свистел ветер, Вийон чувствовал себя вольной птицей, ласточкой, ныряющей в небесные бездны.

А внизу, почти у фундамента собора, на Гревской площади, перед ратушей, как раз вешали Маргариту Гарнье.

Нищий, ростовщик, шлюха, священник, богач, жак, рыцарь, мэтр-печатник. И в конце – Колетт. Отчего их убивали в таком порядке? Отчего столь разных людей? Ведь не у каждой

жертвы было чем поживиться. И что такого делал преступник с убитыми, что у них чернели лица?

* * *

Маргарита уже не сопротивлялась. Палач поволок ее по лестнице, поставил босые ноги на шестую ступеньку. Невиновная убийца водила взглядом по толпе. Слезы у нее бежали ручьем. Намочили порванную рубаху...

Железная маска таращила на нее пустые отверстия для глаз...

Среди буйствующей толпы стоял печальный бледный мужчина. В руке его была черная железная маска. И смотрел он прямо на Маргариту.

– Это он, – застонала она. – Вон убийца.

Веревка обхватила ее шею и затянулась. Петр Крутиворот проверил петлю.

У мужчины было бледное лицо и холодные, безжалостные глаза. Он улыбался палачу.

* * *

– Где ты, сукин сын?! – завыл Вийон, присев за каменным подоконником. – Где тебя искать? Кто ты? Ну – кто? Нищий? Герцог? Рыцарь? Епископ?

Он остановил взгляд на каменных статуях библейских королей. Кто должен стать следующей жертвой? Он должен это узнать, если хочет сохранить голову на плечах.

Нищий, ростовщик, шлюха, священник, богач, жак, рыцарь, мэтр-печатник... Эти слова что-то ему напоминали. Что-то из собора, из алтаря. Что-то связанное с церковью. Может, оттого он, ведомый безошибочным (воровским?) инстинктом забрался аж сюда, в собор Богоматери? Он шел между статуями, украшающими арки, сидящими на тимпанах. Миновал святых Мартина и Иеронима, пророков, Мадонну в контрапункте, глядящую на свое Дитя. Встал перед очередным сложным барельефом. Поднял глаза. Высоко над его головой Христос восходил на небеса. А люди, малые фигурки ниже, шлюхи, нищие и жаки, фальшивые пророки и рыцари, изображенные в камне, не видели Господа, глядя на свои ежедневные занятия и развлечения.

Нищий, ростовщик, шлюха, священник, богач, жак, рыцарь, мэтр-печатник.

«Кто следующий? – думал Вийон. – Что кому на роду писано – то с тем и будет».

* * *

Петр Крутиворот выбил лестницу из-под Маргариты. Тело опало вниз, петля сжалась на шее. Последний взгляд умирающей поднимался вверх, на резную стену собора Богоматери, до самой галереи королей...

* * *

Невиновная убийца билась в петле. Вийон перевел взгляд на Аллегория Вознесения. Лженищий молил о милосердии Скупца, жаждавшего овладеть Шлюхой, соблазнявшей Священника, который с презрением глядел на Жака. А Жак смеялся над Рыцарем, указующим на Вора, который как раз вытягивал кошель из кармана Дурака. Дурак таращился на Лжепророка, который писал письмо и не замечал... осужденной по навету Убийцы, взглядом указующей на Разбойника, который, в свою очередь, пытался дотянуться кинжалом до Архитектора. Архи-

тектор был единственным, кто поднимал лицо к идущему в небо Христу и, стоя на коленях, тянул ввысь, к Нему, свою церковь.

Нищий, ростовщик, шлюха, священник, богач, жак, рыцарь, мэтр-печатник!

Его словно молния поразила. Вийон даже испугался, что это Господне откровение. Что теперь он почувствует желание уйти в монастырь и до конца своих дней останется монахом. И что больше не вкусит вина, не отправится по девкам, не займется воровством, не напишет поэм...

Аллегория Вознесения. Вот что было ключом к шифру! Расположение фигур на барельефе соответствовало порядку убийств!

Лженищий! Это был Кроше. Богач – Анри Вермили. Шлюха – старая потаскуха Гудула. Священник – Боссюэ, Дурак – Жакар, теперь это было понятно. Рыцарь – Франсуа де ля Моле, Жак – Эдуар де Ними... А в конце – Лжепророк, мэтр-печатник Лоран Лева. А потом... Невинная Убийца, то есть Маргарита Гарнье...

Погоди-ка... Обвиненная по навету, она не была убита Дьяволом. Но ведь, отбери он у нее жизнь, она бы не оказалась невиновной жертвой! Но она погибла из-за него, потому что именно ей приписали поступки Дьявола с Мобер. Убийца должен был позволить, чтобы ее покарали несправедливо. Чтобы он мог прийти и сделать нечто ужасное с ее лицом. Нечто, что оставляло на лице черные пятна...

Вийон внимательно взглянул на барельеф. Тот выглядел новее галереи королей. Как видно, установили его тут недавно. Он поискал взглядом знак творца, но инициалы A. D. ничего ему не говорили. Наверняка это просто сокращение от *Anno Domini*¹⁶.

Вийон обернулся и ухватился за поручень. Глянул вниз. Маргарита была неподвижна. Висела со сломанной шеей, а толпа выла и выкрикивала проклятия.

– Ты, Дьявол, – процедил поэт сквозь зубы. – Похоже, я тебя поймал!

Увенчание фасада

Пурпурные одеяния соскользнули к ее ногам. Она встала перед ним нагая, так что он мог рассмотреть каждую совершенную деталь ее божественного тела.

Потом на коже ее проявились сложные линии и узоры. Массив аркбутанов принимал на себя вес опорных арок, спланированных так, чтобы конструкцию можно было вознести еще на сто пятьдесят, двести, триста футов – и еще, еще выше. Он не мог сейчас рассчитать все точно – не мог даже вообразить. Просто смотрел и поглощал эти планы.

Суккуб улыбнулась. Раскрыла полные красные губы, а потом положила красивую руку ему на плечо.

Он не мог больше сопротивляться. Был не в силах. Прижал губы к ее совершенной груди. Почти не заметил, как они оказались в постели. Боялся, чувствовал, как сердце его стучит в груди. И все улыбался в глубине души, вспоминая поэта, который искал его следы и путь к нему. Все было уже распланировано.

Женщина сильно притянула его к себе, оплела руками и ногами.

В эту ночь он увидел все, что было необходимо для завершения шедевра.

Монфокон

Монфокон, старейшая и прекраснейшая виселица Королевства Франция, стояла неподалеку от городских стен, между предместьями Темпля и Святого Мартина.

¹⁶ «В год Господен» (лат.).

Веселое это было место. На вершине большого каменистого холма стояло каменное же возвышение, высотой футов в пятнадцать, шириной в тридцать и примерно в сорок длиной. На вершине его находилась каменная платформа. На ней же высились шестнадцать столбов из тесаного камня, соединенных балками, с которых свисали веревки и цепи. А в их объятиях колыхались на ветру скелеты и высохшие трупы приговоренных. Когда дул ветер, скелеты впадали в амок, танцевали, сплетались в своих игрищах, звеня и тарахтя. Порой любовный их стук и стоны долетали аж до парижских стен.

Под каменным возвышением находился обширный подвал, подземелье, ведущее не пойми куда и, как подозревали некоторые, соединенное с парижскими катакомбами. В эти подземелья подручные палача всякий день бросали тела мошенников и воров, снятые с парижских виселиц. Свежие трупы смешивались с костями давнишних казненных и скатывались по ступенькам в мрачную бездну. Сюда же бросили и тело Маргариты Гарнье, а Вийон хотел подкараулить подле него Дьявола.

Испытывая потребность сходить до ветру, поэт отлил на останки повешенного прошлой весной ремесленника. Потом вытер пальцы о короткий плащ и двинулся в сторону затворенной решетки. Некогда это было неприступное препятствие. Однако теперь прутья изъела ржавчина, часть их выломали грабители тел, поэтому Вийон без труда протиснулся сквозь щель и двинулся по лестнице в подземелье, откуда поднимался трупный смрад гнилой плоти и разложения. Поэт прикрыл рот и нос намоченным в уксусе платком, зажег небольшой фонарь и прикрепил его к поясу, чтобы освободить руки. Нашупал на боку рукоять баселарда¹⁷. На спине коснулся и оголовья чинкуэды¹⁸. Шутки закончились. Его ведь ждала встреча с убийцей. Он миновал первое тело – вонючий, разодранный труп. Шагая по костям, отбросил ногой череп, тот покатился со стуком вниз.

Худая смерть, изображенная на рельефе одной из колонн, что поддерживала потолок, приглашала его на танец. Другая грозила косой. Скелеты следили за ним каменными глазами. Свивались на рельефах и на полу. Одни разбитые и поломанные, другие – предающиеся любовным утехам.

Поэт прошептал:

Нас вздернули – висим мы, шесть иль пять.
Плоть, о которой мы пеклись годами,
Гниет, и скоро станем мы костями,
Что в прах рассыплется у ваших ног.

Разлагающийся труп разбойника глядел на него черными пятнами глаз. Крысы разбежались при виде света, одна из них застряла во внутренностях мертвеца, пищала испуганно, пытаясь вырваться на свободу. Вийон шел. Словно Данте, проходящий последний круг ада; словно Прометей, несущий огонь. Осматривался, но нигде не мог найти тела Маргариты Гарнье.

А потом случилось нечто, отчего волосы его встали дыбом. Когда он свернул в боковой коридор, заметил тело с петлей, обернутой вокруг головы. Над трупом склонялись две темные формы, слишком большие, чтобы оказаться крысами-переростками. Когда увидели человека с фонарем, бросились в темноту.

Вийон замер. Он неоднократно слышал легенды о том, что подземелья Монфокона обитаемы, но не верил таким рассказам. Якобы в этих забытых подземельях гнездились люди,

¹⁷ Короткое холодное оружие, получившее свое название от швейцарского города Базель (иск. «базельский нож»); напоминал короткий меч и активно использовался бюргерами.

¹⁸ Холодное оружие, чье название происходит от итальянского «cinquede», «пять пальцев» (имея в виду ширину основания клинка); имела ярко выраженную треугольную форму и использовалась горожанами как оружие самообороны; обычно носилась горизонтально, за спиной.

которым не хватило места даже в воровской иерархии Трюандри. Старые нищие, прокаженные, безумцы, проститутки, из тех, что были старше собора Богоматери, чудовища – проклятые плоды дьявола и колдуний да тех содомитов, что уестествляли животных. Когда же он добрался до тела, почувствовал, как холодеет его кровь. Труп был обгрызен. Он увидел следы зубов на гнилом мясе, разбитые ради костного мозга кости, выдранные из тела лучшие куски мяса и жира.

Он пошел дальше, а некий абрис шевельнулся под стеной. Это вовсе не был покойник. Согбенный нищий полз на обрубках рук и ног – наверняка отрубленных палачом. Оборванец, неразборчиво бормоча, бросился на Вийона, но поэт уклонился от удара култей.

Следующее существо было побольше... Собственно, было их двое. Две головы вырастали из одного тела. Вийон никогда не видел ничего подобного.

– Э-э-э... э-э-э, – забормотал безногий калека, таща за собой труп по полу.

Становилось их все больше. Сидели они под стенами, иной раз переворачивали кости и человеческие черепа. Огромное создание с бесформенной изуродованной головой и шишковатыми наростами на суставах гневно рывкнуло на пришельца. Какой-то нищий вцепился зубами в полу его плаща. Кто-то ухватил за ремень, перекинутый у поэта через грудь.

Вийон молниеносно потянулся к левому боку. Баселард, выхваченный из ножен, свистнул, клинок описал свистящий полукруг и пал на первую из голов.

Поэт повернулся и быстрым движением отрубил руку, уже ухватившуюся за его кошель. Ладонь упала на камни, пальцы разжались и задрожали. Вор раскидал толпу уродов. Рубанул с размаху, распарывая чье-то брюхо. Повалил визжащего лысого уродца, одним быстрым ударом раскроил ему челюсть, перепрыгнул безногое и безрукое тело, что скалило острые окровавленные зубы. А потом прыгнул на лестницу и сбежал на следующий круг ада.

Тут, как ни странно, было светлее. Свет луны проникал в отверстия под сводом, сквозь щели в меловой скале над подземельем. Вийон пошел медленнее. Остановился.

Тело Маргариты Гарнье лежало в просторном куполообразном зале. Возлегал на куче берцовых костей посреди помещения. Поэт узнал умершую по расхристанной рубашке, в которой она и повисла на веревке. Подошел ближе, осторожно притронулся к холодному плечу, с трудом перевернул труп на спину...

Ее лицо было черным!

В полумраке видны были пятна на лице покойницы. Из груди поэта вырвался стон... Убийца успел первым!

Сильные пальцы схватили его за шею сзади. Вийон дернулся, в ноздри его ворвался запах горелой плоти и кожи. Противник, крепкий как дуб, поволок его назад, усилил хватку, намереваясь сломать ему шею. Вийон крикнул, фонарь выпал у него из руки.

«Колетт! – мелькнуло у него в голове. – Колетт... Я тебя люблю».

Нападавший поволок его еще дальше, как видно, удивленный, что жертва до сих пор жива. Поэт только того и ждал: не сопротивлялся, но откинулся всем телом назад, опережая намерения душителя. Оба они полетели в темноту, неизвестный ударился спиной о стену, а когда левая рука Вийона нашла рукоять чинкуэды, он выхватил оружие из ножен и наискось ткнул туда, где – как он полагал – находилось сердце убийцы...

Нападавший взревел от боли, хватка на шее поэта ослабла, и тогда он молниеносно согнулся вперед, кувыркнулся, перекатился через плечо и вскочил на ноги. Ворот его кафтана разошелся, обнажив шею и железный обруч венецианских преступников – верную защиту от шнура гарроты.

Вийон схватил баселард. Из-под стены на него надвигался истекающий кровью гигант в кожаном кубраке и шапочке. Громко дышащий, раненый и разъяренный...

...парижский палач Петр Крутиворот!

У Вийона было такое чувство, словно его поразила молния. Он ожидал встретить тут кого угодно. Даже Робера де Тьюера, заместителя прево Парижа. Даже своего мэтра Гийома... Но не этого рукосуя, ночной кошмар преступников и колдуний, того, кто так умело ломал ведьмам шеи на глазах у толпы...

– Эй, мэтр Петр! Ты сменил профессию?

Отскочил и заслонился баселардом. Петр Крутиворот не спеша поднял с земли длинный палаческий меч, покрытый узорами из колес и виселиц.

– Потанцуем? – ядовито прошипел Вийон. – Спляшем, как женишки конопляной вдовы!

Палач махнул мечом над головой и ударил сильно, по горизонтали.

В сознании Вийона мелькнула картинка, в которой его голова уже слетела с плеч, уже покатилась во мрак комнаты. Он нырнул под клинок. Палаческий меч со свистом рассекал воздух. РазминулсЯ с ним на волос, на три пальца.

Крутиворот ударил снова. На этот раз с замаха сверху. Вийон ушел в последний миг, отскочил в сторону, и тогда палач гневно зарычал и, рванув меч, рубанул наискось снизу вверх. Ударив, сделал пару шагов...

Вийон уклонился от меча. Палаческий инструмент ударил в стену. Палач схватил рукоять двумя руками, чтобы нанести еще один убийственный удар, но клинок не шевельнулся! ЗастрЯл в стене на добрых три дюйма.

Сейчас! Вийон рванулсЯ вперед, пытаясь хлестнуть палача по шее. ЗамахнулсЯ, потом подтянул клинок и вместо того, чтобы рубить, – ткнул в сердце!

В последний миг! В последний миг палач ухватил клинок обнаженной рукой и изменил его направление. Баселард воткнулсЯ в грудь, но неглубоко. Палач взвыл от боли и ударил Вийона левой рукой. Удар ладони, большой, словно мельничный жернов, отправил поэта к противоположной стене.

Вийон ударилсЯ головой о камень, рухнул между костями. Оружие выпало у него из рук. Но Петр Крутиворот на него не бросилсЯ! Вырвал баселард из раны, отбросил окровавленное оружие, застонал, осмотрелсЯ, скорчившись, брызгая кровью из ран, и поплелсЯ в сторону коридора. Вийон вскочил и выругалсЯ. Фонарь погас, зал освещали только полосы лунного света. Поэт подхватил клинок и тоже прыгнул в коридор.

Но он не знал, в какую сторону побежал палач!

Стоял, тяжело дыша и охая, а потом заметил в лунном свете несколько темных пятен на полу. Затем увидел небольшую лужицу крови, потом – след руки на колонне. Цепочка темных капель тянулсЯ в сторону зала, откуда шел свежий воздух. Это был след. След, тянущийся за раненым убийцей.

Вийон окинул взглядом зал и тело Маргариты Гарнье, но, кроме палаческого меча, не нашел тут ничего.

Вытер клинок баселарда о рубаху мертвой и двинулсЯ по кровавым следам.

Башня в Тампле

След вел его к стенам славного города Парижа, выстроенным ста годами ранее, Карлом V. В конце концов Вийон оказалсЯ у городского рва, неподалеку от ворот. Издалека видел он над стенами четыре остроконечных башенки и стройный шпиль донжона Тампля, старого замка тамплиеров, в котором нынче, спустя век после того, как Жак де Моле сгорел на костре, располагались родосские кавалеры – лишь тень той силы, коей некогда обладал орден Рыцарей Креста.

Ров пересох. В этом году царилА жара, и поэтому вода, вонючая от мусора и разлагающихся трупов, превратилсЯ в трясину, покрытую ряской, грязью и гниющими объедками. Вийон не раздумывая соскользнул по склону вниз и перебралсЯ через вонючее болото. Прямо

перед собой на стене увидел кровавый след... Потом еще один. Все они вели вдоль куртины к одной из башен. След обрывался у ее основания. Но быстрый глаз вора приметил, что рядом с последним пятном крови видна щель. Он осторожно просунул туда клинок, и, когда нажал, кусок стены отошел, открывая узкий проход.

Вийон вошел внутрь. Не знал, что увидит в башне. Легион дьяволов? А может, Петра Крутиворот и его помощников с топорами в руках? За узкой остроконечной аркой была лестница, круто уходящая вверх. Поэт поплотнее запахнул плащ и зашагал по ступенькам.

Первое лицо он увидел между этажами. Оно смотрело на Вийона каменным взглядом. Было это лицо молодой женщины, с венцом кос, уложенных вокруг головы. Лицо гордое и бледное, с высоким лбом и полными губами, обещающими роскошь поцелуев.

А потом лиц становилось все больше. Смотрели со стен, грозно взирали с потолка, провозжали взглядами, пока он восходил к тайне, что ждала его на вершине. Лица были разные, как бывают разными люди в большом городе. Старые и молодые. Глупые и умные. Искажённые безумием, возбужденные от гнева, ярости и плохо скрытой похоти. Но ни одно не казалось лицом трупа. Всех их оживил талант неизвестного резчика. Задыхаясь и обливаясь потом, поэт добрался наконец до последнего этажа. Встал перед завесой из тонкой кожи. Сжал ладонь на баселарде.

Это была комната на вершине башни. С подоконников узких бойниц взлетели вороны. Огромная их стая обседала было все щели башни. Теперь птицы с шумом летали вокруг нее.

Лица смотрели на него отовсюду. Были их сотни, тысячи. Вмурованы они были повсюду: в потолок, в кирпичные пилястры и ребра на стенах, в арку двери и даже в каменный пол. Вийон поймал вдохновенный взгляд мастера Лева, склонившегося над новой книгой. Невинный взгляд Колетт, безбожный – жака, взгляды шлюхи, священника, рыцаря... Глаза всех убитых Дьяволом... Возможно, он убивал давно, долгие годы, а последние жертвы были лишь началом конца, увенчанием Аллегии Вознесения.

Посредине комнаты стояло несколько каменных блоков. И незаконченная статуя, изображавшая человека в оборванном плаще, с мечом и стилетом у пояса. У скульптуры не было головы. Рядом стояла лохань с застывшей известью. Дальше – свечи и зеркало да пентаграмма, выведенная мелом на полу. Под стеной Вийон заметил ложе с разбросанной, сбитой постелью. Ему показалось, что на ней еще виден абрис двух обнаженных сплетенных тел, мужчины и женщины. А неподалеку от поэта стоял крепкий дубовый стол, на котором валялись молотки, долота, кусачки и какие-то листки бумаги.

А подле стола...

Подле стола, опершись подбородком о столешницу, обернувшись к нему спиной, застыл широкоплечий мужчина в кожаном кубраке. Петр Крутиворот.

Он не двигался.

Вийон осторожно приблизился сбоку, обошел палача, держа в одной вытянутой руке обнаженный баселард, в другой – чинкуэду. Когда увидел лицо мучителя, опустил оружие.

Петр Крутиворот был мертв. Смотрел куда-то в пространство широко раскрытыми глазами, а из груди его торчал острый итальянский стилет.

Вийон догадался, что случилось. Раненый палач зашел в комнату, а тут его ждал некто, воткнувший стилет прямо в сердце и сбежавший, оставив новую загадку.

Убийц было двое.

На столе лежали бумаги. Большой лист пергамента, прижатый железной маской. Железная маска. Череп, который надевают на голову. Поэт поднес маску к лицу. Попытался взглянуть сквозь вырезанные отверстия. Внутри пахло воском. У Вийона вдруг подкосились ноги. Он уже знал, ощущал, что должны были чувствовать жертвы, когда из них уходила жизнь. Внезапно он почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной. Кто-то, кто сейчас защелкнет маску у него на лице!

Он отбросил череп прочь и развернулся на пятках. Маска с лязгом покатилась по полу. А позади него... Позади него никого не было.

С помощью этого устройства делались слепки лиц! Он сразу понял, отчего у жертв были синие лица. Расправившись с жертвой, убийца надевал на труп железный шлем и вливал воск, чтобы снять посмертную маску... Но зачем? Почему?

Он взглянул на лица, смотревшие на него со стен и из углов зала. Неужели Дьявол убивал, чтобы украсить свою мастерскую? Нет, это бессмысленно.

Под маской что-то лежало. Пергамент, по которому вились линии, переплетались, образуя розетки и сложные конструкции. Только спустя какое-то время, когда глаза его привыкли к трепещущему свету факела, он понял.

Это был план. План собора.

Храм стремился ввысь, большой и величественный. С двумя большими башнями и одной маленькой сигнатуркой на пересечении нефа и трансепта. Огромные дуги окон соединялись вверху, под облаками, а стройность их форм подчеркивали стильные розетки и разноцветные витражи, напоминавшие глаза, глядящие во все стороны света. Огромные колонны тянулись к остроконечным крышам, украшенным целыми рядами маскаронов и ощеривших зубы горгулий, карнизами и башенками.

Собор... Еще одна загадка, которую предстояло разгадать.

Настоящий убийца убил своего помощника – палача, который провалил засаду в подземельях Монфокона, и оставил для поэта головоломку. Вийон заметил в углу лестницу, ведущую на крышу. Взобрался по ней и оказался на узкой кладке, опоясывающей шпиль башни. Выглянул с балкона на ночной Париж, освещенный лунным светом. На город грязи, нечистот, злобных толп, нищих, бедности и шелков, говна и золота и вшивых мазанок. Небо над его головой было бездной, освещенной лишь луной: далекой, нереальной и недостижимой, словно Ультима Туле. Внизу, под ногами поэта, за убегающими вниз террасами и контрфорсами башни, виднелись высокие шпили замка Тамплъ, а за ними – островерхие крыши домов, лабиринты улочек, что заканчивались у Сены, подле домов у мостов, ведущих на остров Сите и к собору Парижской Богоматери.

Но на плане был изображен не дом Марии. Были там другие башни, другие украшения, окна другой формы. Черт побери, это был совершенно другой собор!

Вийон обводил взглядом море домов, ища строение, которое выглядело бы как эта громада на пергаменте. Когда к западу от острова Сите он увидел мрачный колосс, встающий над лабиринтами мазанок и домиков, он содрогнулся. Собор... Новый собор, о существовании которого он не слышал. Он выстреливал в небо, словно колонна, соединяющая грешную, грязную землю с далекими небесами. Ах, почувствовать бы себя ангелом и полететь к собору над ночным городом. Свет луны отражался от свинцовых оплеток окон, розеток и витражей здания, выхватывая из тьмы вереницы горгулий, бесов и маскаронов, опоясывавших башни. На вершине одной из них горел красный огонек – слабая вспышка либо отсвет факела. Кто-то был в соборе. Поэт понял, что убийца оставил ему след. Ему нужно пойти по этому следу, чтобы найти решение этой загадки.

Ждать больше нечего. Он сбегал вниз, нашел вторую лестницу – на этот раз с внутренней стороны стены – и спустился на уровень парижской мостовой. И быстро зашагал крутыми улочками квартала Тамплъ. Шел в сторону Гревской площади, неподалеку от которой он и видел таинственный собор. Миновал аббатство и каменную церковь Святого Мартина, потом свернул в улочку того же святого, заставленную лавками, забитую повозками, тележками и двуколками, туда, где в многочисленных мастерских днем работали литейщики, отливая колокола и пушки. На пересечении с улочкой Бурж-л'Аб увидел собор снова. Тот величественно вздымался над крышами старых домов, где-то между Гревской площадью и Лувром – или, может, чуть ближе к улице Святого Гонория?

Он потерял его из виду, войдя в заулок улицы Бобур и прикрыв нос краем плаща, поскольку здесь, под стенами разрушенных домов, народ справлял нужду. На улице стояли шлюхи. Расступались перед поэтом, посылали искушающие улыбочки. Некоторые были молоды и красивы, однако взгляд поэта скользил в основном по старым, затраханым проституткам, размалеванным и скалящим рты, зияющие дырами от выпавших зубов. Они кричали ему, дергали за плащ, гладили по волосам, по набитому гульфику. Были среди них и раскрашенные мальчики, мужчины, переодетые в женское платье, содомиты в гладко выделанной коже, карлики и карлицы, делающие непристойные жесты.

Вийон всей грудью вдыхал вонючий, испорченный запах Парижа, города распутства и нищих, дворцов и халуп, церквей и замков. Вышел на улицу Менестрелей, а потом узкими переулками добрался до Кенкомпуа, где размещались лотки и мастерские шлифовальщиков и золотых дел мастеров. Тут он снова увидел собор – тот выстреливал в небо чуть левее, ближе к Сене, далекий, гордый и живописно-прекрасный на фоне грязных мазанок. Вийон миновал улицу Ломбардов; около церкви Сен-Жак-де-ля-Бушри спрятался от патруля городской стражи, потом вошел в парафию Святого Медерика, пройдя мимо Байё и Кур-Робер, где тоже стояли шлюхи, а в подворотнях и сараях платная любовь расцветала пышнее яблонь в мещанских садах. Из тьмы Вийон вынырнул у церкви Сент-Оппортюн, неподалеку от Сите, и угодил в море грязи и конского навоза, покрывающих де-ля-Сонри около старой солеварни. Этой весной, во время паводка, тут потонули две лошади.

Когда он добрался до Гревской площади, собор возник из мрака справа – ближе к городским стенам, неподалеку от ворот Сен-Дени. Вийон направился по улице Святого Гонория, почти бежал, задыхаясь и обливаясь потом. Снова нырнул в лабиринт вонючих закоулков, минуя кучи бочек, бревна, повозки, лавки, магазинчики, заплоты и лабиринты ступенчатых домов, чьи фасады почти соединялись над улицами. Дважды его едва не облили содержимым ночного горшка. Раз ему пришлось перебираться через широко разлившуюся канаву, другой раз – убежать от крыс, обгрызающих конский труп. Судя по вони, тот валялся здесь с Пасхи. А потом, наконец вынырнув из чрева Парижа неподалеку от ворот Сен-Дени, он замер с широко раскрытыми глазами.

Здание исчезло.

Перед ним вставали городские стены, позади него были луга, поля и деревянные дома предместья Мон-Мартр, а дальше – леса, поля и холмы Иль-де-Франс.

Потеряв дар речи, он вскарабкался на ближайшую стену и взглянул на город. Сразу увидел гордые башенки здания, которое он безрезультатно разыскивал. Но теперь собор, казалось, находился на левом берегу Сены, где-то на территории университета, возможно, неподалеку от площади Мобер или улицы дю-Фуар...

Здание обманывало поэта. Находилось не там, где он предполагал. Он понял, что план и маска, оставленные в башне, – это не загадка и подсказка. Дьявол с Мобер снова удивил поэта, показав ему тропу, ведущую в никуда, и с издевательской ухмылкой захлопнув перед ним ворота собора.

Слова и образы

– Мэтр, что это?

Жюстин Леве глядел на план собора, начертанный на пергаменте.

– Еще я нашел вот что, – Вийон положил на стол маску. – Убийца накладывал это на лица жертвам, заливал воск и делал слепок. Интересно, с какой целью?

Леве спрятал лицо в ладонях.

– Убийца, маска, посмертные слепки... Тут дело не в лицах, господин Вийон. Во всем этом есть более глубокий смысл. Вспомни, что на лице человека обычно отражаются все

его поступки. Характер, злость, любовь, ненависть, гнев, чувственность – вся душа человека. Вийон, он делает посмертные маски, чтобы украсть души убитых жертв.

– И что же, в таком случае, он делает с ними? Забирает в ад? А может, отапливает ими печь? Какая связь между ним и собором?

– Ты хотел сказать – с планом собора.

– Этот собор стоит неподалеку от вашего дома.

– Что?

Вийон подвел Жюстина к окну. Вдалеке над крышами непритязательных домов они увидели огромное мрачное здание. Жюстин заморгал, сразу перевел взгляд на остров Сите. Но святыня Богородицы так и стояла посреди города. У Парижа было два собора. Две стройные, выстреливающие в небо подпорки, поддерживающие небесный свод.

Жюстин схватился за голову.

– О Боже! Ты там был, Вийон?

– Я пытался его найти. Но хотя не пил вина и не ел белены, собор убежал от меня, словно, извините, монашка от жеребца.

– Собор находится всюду и нигде...

– Полагаю, в нем скрыта тайна этих убийств. Весь вопрос – как туда попасть?

– Пойдем со мной!

Они спустились в библиотеку в подземелье. Лева направился к тому месту, которое когда-то отыскал Вийон – к ложному стеллажу.

Печатник отодвинул полки с книгами. Маленькая неприметная книга так и лежала в тайнике, как ее оставили. Жюстин поставил рядом свечу.

– Хорошо, Вийон, – прошептал он. – Я готов во всем признаться. Знаешь ли ты, кто виновен в этих убийствах?

Поэт молчал.

– Виновны я и мой брат. Нет, не так! – крикнул он, видя, как ладонь Вийона поползла к рукояти кинжала. – Не мы убивали. Но мы сделали нечто, из-за чего, я полагаю, и гибнут люди.

Вийон нахмурился, начиная догадываться.

– Все из-за этой книги. Потому-то и погиб мой брат и прочие горожане.

Вийон открыл первую страницу. Книга была полна планов кафедр, церквей и часовен. Знания архитекторов и каменщиков, закливаемые ими в камень и кирпич. Пропорции, украшения, секреты геометрии и распределения тяжести. Пропорции, опирающиеся на *ad quadratum* и *ad triangulum*, и другие более сложные узоры, о которых он до сей поры не слышал.

– Вот самый большой секрет камня, – выдохнул Жюстин. – Это цеховые статуты гильдии архитекторов Парижа, Руана, Каркассона и других городов Франции. Это труд, содержащий тайны камня, аллегории и магические числа, вписанные в размеры колонн, контрфорсов, масверков и вимпергов.

– Вы украли эту книгу!

– Мы хотели передать людям тайные знания, описывающие строительство соборов. Извлечь на свет божий мысли и символы, зачатые в камне. Раскрыть знание, благодаря которому всякий мог бы возводить каменные книги. Спрашиваешь, была ли эта книга украдена. Да, Вийон, ее украли по поручению моего брата. Цеховые статуты читают только члены гильдии. Странствующие мастера приносят клятву, что не выдадут их даже под страхом смерти. А мы хотели издать ее, напечатать. За это нас возненавидели архитекторы. И едва лишь мы это сделали, начались убийства. Здесь – изображения церквей и замков. Здесь ты найдешь решение загадки.

Лева положил план собора на полку, прижал его фонарем и принялся просматривать книгу. Перелистывал планы соборов, церквей, рисунки контрфорсов, граненых колонн, арок и нервюров. Пока не остановился.

Остановился на странице, на которой был изображен сложный план церкви, потом сравнил его с рисунком на пергаменте.

Это был тот же самый собор.

Вийон вздрогнул, узнав рисунок стреловидных башен, масверки, аркбутаны и округлую абсиду, внутри же храма – трехосный неф с прилегающими рядами молелен. Взглянул на надпись, вившуюся у фундамента строения, словно змий, растоптанный ногой Господа.

«И сказал Господь: в доме Моем будет прибежище для Слова Божьего, ибо лишь он один достоин такой чести».

«И се – собор, – гласила приметка внизу страницы, – который желал выстроить Анжел Деланно, строитель из Лиона, в королевском городе Руане. Однако ж Его Преосвященство епископ Руана строительства сего не позволил, решив, что собор сей – еретическое уродство и святотатство. Также и цехмейстер строительной гильдии Жакоб Молино и старшие каменщики посчитали, что вышеупомянутое здание возведено быть не может, поскольку противоречит правилам геометрии, Эвклидом-мудрецом установленным. Оттого план собора был отложен».

– Деланно! – застонал Жюстин. – Это он Дьявол с Мобер! Я знал!

– Кто это? Ты его знаешь?

– Деланно – враг моего цеха и печатного слова. Но он – гениальный скульптор и архитектор, утверждающий, будто печать убьет архитектуру, а слово, изобретенное Гутенбергом, уничтожит искусство резьбы по камню. В тот день, когда ты был у нас, мой брат сказал, что некий человек желает показать ему договор, по которому отдает свою душу дьяволу. Потому-то он и отправился ночью на улицу. Бедный Лоран. Его погубило любопытство, поскольку в закоулке его уже поджидал Деланно... Потому что Деланно принес присягу дьяволу. Это был его договор.

Вийон перекрестился.

– Деланно готовился к диспуту с нами. Ненавидел книги. Поклялся однажды, что построит здание столь величественное, что люди закроют сердца свои для книг. И, – Жюстин указал на план, – судя по всему, именно его-то он и строит.

– Но зачем же он убивает людей и крадет их души?

– Чтобы решить эту загадку, мы должны добраться до собора.

– К нему долетит лишь птица. Я два раза мог слететь с эшафота, но крыльев у меня все еще не выросло.

Жюстин вышел из тайника и вскоре вернулся с картонкой, на которой начертан был план Парижа, и с несколькими листками бумаги.

– А что, если соединить линиями все места, в которых совершались убийства? Может, это наведет нас на какой-то след?

Воспользовавшись планом, он обозначил на бумаге все места убийств. Соединил точки линиями. Ничего... Рисунок не напоминал никакую фигуру. Линии пересекались хаотично. Никакой системы не просматривалось.

– Хм, – вздохнул Жюстин. – Не похоже, чтобы Деланно убивал согласно плану...

– И все же план существует. Последовательность жертв представлена на барельефе в соборе Богоматери. На барельефе, изображающем Аллегория Вознесения Господня. Я нашел его случайно.

– Аллегория Вознесения? Это произведение Деланно! Он сделал его несколько лет тому назад для епископа Парижа! Ты должен проверить, кто станет следующей жертвой. Чью посмертную маску, после невиновной убийцы, сделает Деланно и чью душу украдет. Быть может, тогда на этом плане появятся еще точки, – он указал на изрисованный листок бумаги, – и мы обнаружим какой-то след.

– А что, если на Аллегории изображены жертвы, которых Деланно не успел убить?

– Тогда нам останется только ждать, пока круг замкнется...

Вийон молчал.

– Когда найдешь дорогу к собору, – пробормотал Лева, – не входи туда, но дай мне знать. Собор этот – не от сего мира.

Аллегория

Когда Вийон поднялся на галерею королей, уже наступили сумерки. Небо затянули тучи, начинался дождь. Статуи владык поблескивали от влаги. Он отыскал место, где два дня назад нашел Аллегория Вознесения. Дошел до того места... и рухнул на колени.

Барельеф исчез.

В стене, в которой находилось творение Деланно, виднелся белый прямоугольник. Вокруг валялись куски мусора, остатки раскрошенной известковой заправки. Вийон почувствовал, что пол собора уходит у него из-под ног.

Встал и зашагал к лестнице, ведущей вниз, в главный неф. Храм был пуст, но в одной из молелен возился монашек. Гасил свечи у алтаря Мадонны. Вийон подскочил к нему, ухватил за власяницу на груди. Монашек задрожал и сжался.

– Аллегория! – выдохнул поэт. – Где Аллегория из галереи королей?! Что вы с ней сделали?!

– Но... Так ведь ее приказали... Господин наш, архидиакон, приказал выбросить. Потому что... Потому что там другие барельефы встанут. Были се... сегодня два каменщика, так и забрали...

– Куда?!

– Ну, как куда... На свалку. За собором, у реки...

Вийон бросился к выходу. Выскочил из собора на площадь, миновал фигуру святого Кристофа и повернул налево. Здесь, на берегу Сены, между деревянными помостами порта Л'Эвек и дворцом епископа, он нашел кучу отбросов и разбитых бочек. Когда подошел ближе, большие, толстые крысы неохотно убежали прочь. Не обращая внимания на смрад разложения, он разбрасывал доски, переворошил кучи костей... И наконец нашел! Грязные куски гипсового барельефа, изображающего Аллегория, покрытые крысиным пометом, валялись среди завонявшейся селедки и гнилой скорлупы.

Довольно быстро он собрал все обломки барельефа. Сложил разбитые и расколотые фигуры, от Лженищего до... Невинной Убийцы и Архитектора, что жертвовал собор Богу.

Не хватало одной фигуры, что находилась между Невинно Осужденной и Архитектором; не было одного, последнего звена этой загадки.

Того, кто должен был стать очередной жертвой убийцы.

Вийон, вымокший под дождем, долго стоял посреди свалки, глядя на барельефы. Мир вращался вокруг него в ошеломительном танце. Он уже не знал ни что делать, ни куда пойти. Взглянул на разбитые, отколотые барельефы...

Как добраться до собора, где пролегает путь к нему? Он смотрел на фигуру Архитектора, и вдруг в голове у него зародилась некая идея. Что, если сама Аллегория указывает ему путь? Что, если путь к храму начинался именно в тех местах, где совершались убийства?

Он долго стоял под дождем в задумчивости. А потом быстрым шагом направился в сторону площади Мобер, где совершено было первое убийство.

Дьявол в камне

От площади Мобер до улицы де-ля-Арп путь был неблизкий. Вийон одолел его, бредя топкими парижскими улицами, перепрыгивая через лужи и потоки грязи. Когда вышел на буль-

вар де-ля-Арп, стреловидные башни собора замаячили перед ним в окрестностях аббатства Сен-Жермен. Поэтому он бегом поспешил в сторону Шан-Флори. Нырнул в темную подворотню, прошел закоулком и вышел на площадь, где днем и ночью выстаивали проститутки в ожидании желающих поразвлечься. Отсюда дорога вела к Трюандри.

Когда он оказался в мерзком Дворе Чудес, собор, казалось, стал ближе: замаячил в окрестностях предместья Святого Мартина.

Он двинулся к Ле-Аль. Это был небольшой городок лавок, магазинчиков и купеческих фургонов. Он миновал порт Грев, где ждали разгрузки корабли с деревом, сеном и вином, прошел рядом с крепостью Шателе. Потом направился на восток, под моросящим дождем обошел Бастилию, чтобы снова свернуть к центру города – к Ле-Аль и аббатству Сен-Мартен-де-Шан. Снова нырнул в лабиринты узких улочек к северу от Лувра и улицы Святого Гонория. Растворился в безднах Парижа, а затем... вышел на широкую площадь и замер.

Он был рядом с целью.

Собор стоял перед ним. Огромный, стройный, он, казалось, возносился к небу. Все его элементы, все детали, начиная от лестниц, порталов дверей, масверков, окон, вимпергов, галерей и контрфорсов и заканчивая принципами пропорции фасадов и пинаклей башен, были вертикальными, уходя почти в бесконечность. Полихромия еще не успела облупиться и осыпаться. Собор еще не был раскрашен в пестрые, яркие цвета, как прославленные храмы в Реймсе или Лионе. Башни его обведены были густой синевой, а рельефы были темными, коричневыми, старыми, что только подчеркивало стройность форм этого сооружения.

Внутри вел лишь один вход, украшенный необычным порталом. Внутренние лестницы вели не внутрь, а наружу... Портал был выпуклым, словно противореча законам человеческого мира. Двери стояли распахнутыми.

Вийон заколебался. «Не входи в собор», – звенели в ушах слова Жюстина Лева.

Он нарушил запрет, как делал множество раз в своей жизни. Двинулся ко входу и встал перед величественным, уходящим в неведомые высоты порталом. Внутри здания он услышал грохот молотков, шорох, царапанье, хруст передвигаемого камня и мокрые шлепки раствора, накладываемого на камни.

Двери были открыты. Он снова услышал, как стучат долота каменотесов и шуршат каменные плиты, передвигаемые по полу. Вошел внутрь.

Огромный неф, опирающийся на нервюры, вставал над ним, окружал со всех сторон. Вийон слышал, как где-то рядом продолжают работы, словно бы в темных внутренностях строения работали каменщики и каменотесы. Он напряг зрение и увидел их. Бледные фигуры передвигались в боковых нефх и подле алтаря. Рядом с Вийоном вдруг прошел Лоран Лева, он тянул чан, наполненный известкой. Несколько шагами дальше жак с рыцарем устанавливали в нише большой памятник какому-то епископу.

Вийон понял, кем были работники, заканчивавшие строительство. Понял, зачем убийце нужны были души убитых.

Анжел Деланно ждал у главного алтаря. Худощавый высокий мужчина с длинными седыми волосами, одетый в черный плащ и коричневые пулены с загнутыми носками. Рядом стояла незаконченная скульптура без головы.

– Господин Вийон, – сказал он печально. – Отчего вы так долго? Почему такой славный поэт, как вы, заставили себя ждать?

Поэт сторожко осмотрелся по сторонам.

– Что это? Что все это значит?

– всю свою жизнь я хотел построить нечто, что осталось бы в сердцах людей на века. И всегда у меня было слишком мало времени.

– Значит, вместо того чтобы развлекаться в веселых домах и пользоваться прелестниц, вы чертили планы и рисунки...

– Моя эпоха заканчивается. Эпоха, в которой с людьми говорил камень, в которой знание, мудрость и Слово Божье были вписаны в стены, вимперги, карнизы и фасады храмов. Наступают новые времена. Люди перестанут бояться, перестанут молиться и надеяться на Божье милосердие и начнут вместо этого мыслить и познавать мир. Откроют новые земли и континенты. Проплывут вокруг света. А вместо того чтобы читать по соборам и замкам, будут делать это по печатным книгам. Книги убьют соборы и храмы Божьи.

– И поэтому вы убивали?

– Знания, которые мое братство копило годами, были осквернены, когда печатники Леве наняли вора, который украл нашу святую цеховую книгу. Все наши записи, все тайны и пропорции теперь увидят свет, потому что приверженцы печати хотят издать это произведение. Хотят передать знание простецам, чтобы каждый селянин, каждый глупый осел знал, как строить храмы во славу Божью. Поэтому я решил возвести здание, которое простоит тысячелетия. Которое уничтожит силу книг. Потому что и книги когда-нибудь уйдут. Достаточно будет показать людям движущиеся картинки. Толпа любит мистерии, фиглярские ужимки и танцы цыган. А этот собор будет жить по-настоящему. Каждый человек увидит здесь такие картины, что отвернется от скучных страниц. Мудрейшие увидят мистику, а плебс – вертеп и жонглерские фокусы, каких он до того времени не видывал.

– И ради этой цели вы вошли в сговор с дьяволом?! Это очень скверно с вашей стороны.

– Такой собор обычные строители не возвели бы. Не при моей жизни. После того как Леве украл наши цеховые статуты, мне уже не было места на этом свете. Я продал душу дьяволу, а черт рассказал мне, как завершить мой труд. Дал метод, как пленять человеческие души и использовать их в качестве каменщиков, строителей и каменотесов. Изготавливая рельеф в форме лица убитого, я навсегда привязывал его душу к этому месту, вынуждая ее возводить стены храма. Благодаря этому я сократил время строительства.

– Вы... удивляете меня.

– У собора идеальные пропорции. Я скопировал их с тел совершеннейших женщин, которые были прекрасней античных статуй, нежные, словно морская пена. Приводил их ко мне мой Господин. Это образ, вылепленный из женских форм, выстроенный страждущими душами.

– При дворе герцога Шампанского видывал я образы и получше, – пробормотал Вийон. – Только там были нагие распутницы, изображавшие... хм... определенные библейские сцены. Например, Содом и Гоморру. Но мне интересно, какова моя роль в этом деле?

– Ты – корона, которая его увенчает. Последний камень на вершине здания.

– Зачем тебе такой, как я? Я мошенник и развратник. Молиться не умею, красоты церкви тоже не оценю. А то еще украду что-нибудь или испорчу...

– Чтобы создать этот собор, я убивал людей, за которыми водились грехи. Грехи гордыни, похоти, зависти, лжесвидетельствования, разврата, чревоугодия. Тут, – указал он на снующую у его ног толпу душ, – есть всякие грешники – от рыцарей и баронов до холопов и воров. Мне не хватает лишь одной души – души разбойника. Смотри! – указал он на стену подле транспта, на которой виднелся огромный барельеф, представлявший Аллегию Вознесения. – Смотри, где твое место! Ты все время шел по следам, которые я оставлял. Это я убил Петра Крутивороты, жалкое ничтожество, служившее мне как пес, потому что он боялся, что я расскажу в Шатле о его предпочтениях. Я убил его, потому что он испугался и захотел уйти. Я оставил в башне рисунки собора, чтобы ты мог сюда добраться. А теперь взгляни, какое место я отвел для тебя в моем плане!

Вийон взглянул на Аллегию. Лженищий молил о милосердии Скупца, который вожделем Распутницу, соблазнявшую Священника, проповедующего Богачу, который с презрением глядел на Жака. Жак же обманывал Рыцаря, указывавшего на Вора, который срезал кошель с пояса Дурака. Дурак таранился на Лжепророка, который писал и не замечал невинно осуж-

денной Убийцы, указующей взглядом... на Разбойника, который нападал с кинжалом на Архитектора. Разбойник! Вот что это была за фигура, которую он не мог отыскать!

Деланно поднял железную маску. Вийон задрожал. Взглянул на незаконченную скульптуру, потом – на галерею. Одна ниша еще была свободной. Ниша, предназначенная для скульптуры Разбойника – той, что стояла, незаконченная, подле Деланно.

Без колебаний он схватился за кинжал и меч и бросился на архитектора. Неожиданно за его спиной раздался шум крыльев. А потом что-то ударило его в спину, отбросило под каменную колонну. Разбойник крикнул, баселард выпал у него из руки.

Две крылатые каменные гарпии сели по обе стороны от архитектора. Буркалы их пылали красным, а на когтях поблескивала кровь Вийона.

– Не бойся, мэтр, – сказал убийца. – Я ведь не собираюсь тебя убивать. Увековечу тебя в своем творении. Перенесу твою душу в этот каменный памятник, а, когда установлю его на галерею, ты присоединишься к тем, кто строит собор!

Вийон взглянул в сторону выхода, но дорогу ему заслоняла толпа душ – строителей. Зыбкие руки и полупрозрачные тела сомкнулись в непреодолимый хоровод. Деланно приближался к нему с железной маской в руках.

– Пришло время, поэт! – сказал он печально. – Пришло время присоединиться к ним!

В этот момент Вийон заметил двойную спираль лестницы, что вела вверх, переплетаясь сама с собой. Прыгнул на каменные ступени и помчался вверх. Деланно шел следом с железной маской, гарпии же не отставали от своего повелителя ни на шаг.

Вийон поднимался все выше. Лестница закончилась на большой галерее, обходящей главный неф. Каменные горгульи и скульптуры глядели на вора неживыми глазами. А Деланно медленно шел следом.

Чудовища не отставали ни на йоту, позади них толпился сонм душ.

Поэт бросился вглубь галереи. Не знал, что ему делать, но на полу вдруг появилась щель. Две плиты с хрустом раздвинулись, многоэтажная пропасть разверзлась у его ног. Разбойник качнулся, остановился на ее краю.

– Ты не сбежишь, – зловеще рассмеялся Деланно. – Пойдем!

Вийон взглянул на архитектора. Он знал, как все произойдет. Деланно ткнет в него клинком, а потом наденет на его лицо железную маску и вольет горячий воск. Отберет у него душу, его произведения, воспоминания, его жизнь и стихи – даже те, что еще не написаны.

– Я убью себя! – прошипел поэт, становясь на краю пропасти. – Ты меня не получишь!

Деланно остановился за шаг, может, ближе... Улыбнулся, поднял кинжал...

– Ты не прыгнешь, поэт. Не сумеешь.

Тело Вийона сотрясла дрожь. Он не хотел, не мог закончить так жалко!

Крикнул.

И прыгнул вниз.

Но прежде чем упасть, ухватил убийцу за плащ и потянул за собой.

Они рухнули в бездну, что разверзлась под галереей. Летели, сплетясь, прямо на каменный пол с высоты ста футов. Деланно ухватил поэта за глотку, сжал пальцы. Падали они боком, потом поэт обернулся вокруг своей оси, кувыркаясь в воздухе. Закрыв глаза.

А потом был удар и ужасный крик боли. Он почувствовал, как отскакивает от твердого мрамора и катится вниз. Клинок разодрал его плащ на боку, затрещала распарываемая ткань, что-то липкое потекло по штанине, и поэт замер между небом и землей. Повис, зацепившись за что-то, распоровшее ему кожу аж до ребер.

Падая вниз, он зацепился за статую на галерее скульптур у стены главного нефа. А Деланно висел над поэтом, наколотый на каменный меч ангела с отрубленными крыльями. Окровавленный каменный клинок на целый фут торчал из груди архитектора. Вийон завис

чуть ниже, на каменной скульптуре дьявола; вилы прошлись по его боку, зацепились за разодранный плащ и удержали от падения в бездну. Дьявол улыбался.

– Ты жи-и-ив... – прохрипел Деланно.

Собрав остатки сил, ухватился за каменный клинок и вынул собственный меч. Завыл, плюясь кровью, и рубанул верхнюю часть вил, на которых висел поэт. Вийон крикнул. Прут затрясся, зашатался.

– Это коне-е-ец, во-ор...

Вийон сделал отчаянное усилие, чтобы ухватиться за каменную ногу дьявола. Не сумел. Сполз вниз, и уже в последний миг кто-то ухватил его за ладонь. Сильная рука выдернула поэта наверх, втянула через балюстраду на галерею ниже.

Была это рука Жюстина Лева. К его руке присоединились еще несколько рук – других мужчин, с суровыми лицами и гордыми глазами.

– Очень вовремя, – выдохнул Гийом де Вийон. – В последний момент.

– Ле-е-еве-е-е... – простонал Деланно. – Это конец, это...

– Ступай-ка ты в ад, дьявол из камня! – прошипел печатник.

Поднял гаковницу, снабженную деревянным ложем. Кто-то из его приятелей подал ему тлеющий фитиль. Жюстин приложил его к запалу. Рев выстрела сотряс стены собора. Огненный шар ударил архитектора в грудь, сила удара сорвала его с каменного меча, отбросила к центру собора, на середину нефа. Деланно полетел вниз, несколько раз кувыркнулся и рухнул посередине собора, в круглом пятне цветного света, что падал сквозь огромные розетки.

– Вы здесь?! – простонал Вийон. – Как? Когда?

– Я и остальные мэтры печатники шли по твоим следам, – сказал Гийом.

– Я же предупреждал тебя не заходить в собор, – проворчал Лева.

– Пойдемте, – поторопил всех высокий хмурый мужчина.

Они спустились вниз, придерживая раненого Вийона. Приблизились к Деланно. Архитектор был еще жив, кровь из двух ран на груди пропитала его плащ, растекалась по полу.

Двое печатников поддержали его голову, а Лева достал тяжелую железную маску. Быстро надел ее на его лицо. Кто-то из сотоварищей Жюстина растопил над лампой воск, а потом влил его сквозь щели.

Архитектор завыл. Выл и кричал, даже когда сняли уже маску, когда он уже лежал мертвый на полу, чтобы никогда не вернуться к жизни.

Вийон посмотрел наверх. Из всех проходов появлялись толпы каменщиков. Синие мертвые лица были обращены к архитектору.

– Уходим! – крикнул Лева.

И потянул за собой Вийона.

Позади раздался крик, гневный хор вопивших и голосивших душ. Мрачные призраки бросились к телу архитектора. Принялись вырывать его друг у друга, рвать зубами, отрывать куски плоти, ломать кости, раздирать мышцы и жилы...

Загремел гром. Громкий треск прокатился по собору. Сверху упало несколько мягких капель, оросились каплями и стены.

Вийон присмотрелся к одной из колонн. Не поверил своим глазам. Та казалась мягкой, как глина, как тесто...

А потом поэт замер. Между стройными, выстреливающими в небо колоннами он заметил зеркало, а в нем – отражение молодой женщины в красном платье. Стоял и смотрел, как оно соскальзывает с ее плеч.

На ее совершенном теле появились первые линии. Они сложились в буквы, а буквы – во фразы, в стихи. Первые строки.

Здесь, в самой скудной из хибар,

Стрелой Амура поражен...

Гигантская скульптура ангела накренилась, выпала из ниши и обрушилась на землю, падаясь на куски. В них полетели обломки глинистого теста. Печатники дернули поэта, поволокли к выходу. Раненый Вийон стонал и кричал, держась за бок. Огромные контрфорсы таяли на глазах, проваливались и гнулись под тяжестью строения. Колонны и вимперги разлетались в пыль, свод валился, трескались скульптуры, стелы и барельефы. С грохотом разлетались витражи, устлав пол ковром разноцветных стекол, что быстро превратились в обычную глину...

Они выскочили наружу. Над Парижем медленно вставал туманный рассвет.

– Так приходит конец истории, – сказал задумчиво Гийом де Вийон. – Так добро побеждает зло, а тьма остается позади. Так мы вырвали у дьявола клыки прошлого.

– Этот дьявол возродится, – сказал Леве. – Не сегодня, не завтра, но через сто, двести, может, через пятьсот лет. Пойдемте, братья.

Свод собора с громом провалился. Величайшее творение Анжело Деланно превратилось в бесформенную гору глины, из которой торчали остатки колонн, контрфорсов и башенок.

– Сообщите обо всем Роберу де Тьюеру. А ты, Франсуа, перевяжешь раны и исчезнешь из города.

Вийон покивал, а потом начал декламировать:

Вы, парни, думайте скорей,
Как роз на шляпах не лишиться.
С руками липкими, как клей,
Когда захочется спуститься

В Долину Воровства резвиться,
Представьте-ка житье-бытье:
Хоть чтит юстиции границы,
Но вздернут был Кален Кайё...

– Эй, разбойник! – крикнул Леве. – Прежде чем уйти, перепиши этот стих в «Большое Завещание». Я спас тебе жизнь, и ты все еще не свободен от нашего уговора!

* * *

К утру от собора осталась лишь пустая площадь неподалеку от ворот Сен-Дени. Горожане удивлялись, что ливень нанес туда столько земли, а многие принялись вывозить жирную глину на тачках. Пригодилась она перво-наперво для хлевов, для подмазывания халуп, а несколько горшечников-партачей¹⁹ из предместий вылепили из нее горшки да миски.

Убийства прекратились. Народ и парижская чернь вздохнули с облегчением. Мэтр Гийом рассказал все заместителю прево, а прево – градоначальнику. О деле позабыли. Гийом де Вийон дожил до старости на должности капеллана коллегии святого Бенедикта. Мэтра Леве сожгли вместе с мастерской жаки из Университета: Жюстин стал истинным человеком эпохи Возрождения и принялся публиковать произведения, призывающие признать за евреями такие же права, какими обладали христиане. Это не понравилось школярам, которые снимали со старозаконников немалую подать, поэтому они подожгли мастерскую.

¹⁹ *Партач* – ремесленник, не входящий в соответствующий городской цех; он был значительно ограничен в своих правах и свободе торговли.

А Вийон? Вийон исчез, чтобы никогда больше не появиться в Париже. А перед исчезновением передал в руки представителя трибунала Шатле такое вот стихотворение:

Здесь, в самой скудной из хибар,
Стрелой Амура поражен,
Спит бедный, маленький школяр,
Что звался Франсуа Вийон.
Хоть не был пахарем рожден,
Но – то признает млад и стар —
Стол, короб, хлеб – все роздал он,
А Богу стих диктует в дар.

Имя Зверя

VII

Старая, проеденная ржавчиной цепь лопнула со звоном от первого же удара мечом. Огромные ворота, затянутые паутиной, закрипели, когда он навалился на них изо всех сил. Треснули подгнившие доски, сверху посыпалась пыль. Запах разложения усилился. Из мрачного нутра теперь смердело сыростью, крысиным пометом и гнилью.

Он вошел, звеня доспехами, в узкое темное помещение. В полосах света плясала пыль. Никто не навещал эту мрачную одинокую башню почти двадцать лет. Деревянная мебель подгнила и распадалась в прах. Влага проела доски пола, по которым он шел.

Он опустился на колени, начал стирать многолетнюю пыль. Вскоре рука его в бронированной перчатке нащупала ржавое железное кольцо – ручку от едва заметного люка. Он осторожно потянул. Железо было крепким, еще не трухлявым.

Он дернул. Люк с треском поднялся. Он взял фонарь и осторожно поставил ногу в стальной обуви на первую ступеньку лестницы. Дубовая балка затрещала, но выдержала вес мужчины в полном доспехе. Он спустился ниже, и желтоватый свет выхватил из темноты пропыленные кости, глазницы маленьких черепов, раздробленные скелеты, обтянутые высохшей, бледной, словно пергамент, кожей, остатки тряпок и лохмотьев. Мрачный подвал под башней был полон останков детей. Маленькие черепа лежали на кучах берцовых костей. Длинные светлые волосы, заплетенные в запыленные косички, переплетались с высохшими ребрами. Желтые зубы скалились на него в милых детских улыбках.

– Вы здесь, – прошептал он, очарованный. – Вы ждали меня. Да-а-а. Мои славные. Я скоро накормлю вас. Подождите.

Он быстро вернулся наверх, зажег свечу, начертил мелом пентаграмму.

Над захоронением пронесся стон. Черепа шевельнулись, затрещали.

– Идите ко мне, малышки! – прохрипел он, кладя руку на сердце – вернее, на ямку, на которой огромный лев опирался о гербовый щит.

Стон стих, словно обрезанный ножом. А потом раздался шепот. Все громче, все настойчивей. Он долетал со всех сторон, грозный, враждебный, настойчивый. Он прикрыл глаза и не открывал их.

– Ступайте, куда я вам прикажу, малышки. И делайте то, что я вам прикажу. Мои малышки... Мои любимые.

Они послушались. У них не было выбора.

* * *

Подгнившая вонючая свекла ударила в доски рядом с головой поэта. Вийон заморгал, скривился.

– Промазал, жополюб ты недоделанный! – крикнул он полному господинчику с худыми, кривыми ногами, одетому в порванную йопулу и кожаный чепец, из-под которого выглядывали глазки городского дурачка. – Слышишь, лошок?! Выше целься, а то еще какому-нибудь прохожему глаз выбьешь.

Толпа мещан, собравшаяся перед поэтом, разразилась смехом, криками и свистами.

– Гляньте, люди добрые! Вот ведь конелюб в сраку деланный! – заорал толстый мужик в смердящем кожухе и измазанной навозом власянице. – Звенит, как три гроша в кошель!

– Да это ж поэт голожопый! – загоготала толстая бабища в намётке и в пятнистом, жестком от грязи чепце, демонстрируя по ходу дела многочисленные дыры в подгнивших зубах. – Странствующий виршеплет в жопу голубленный! Эй, бродяга, поглядим, как ты посмеешься, когда к ратуше тебя поволокут.

Невысокий лохматый оборванец метнул в Вийона горсть грязи, смешанной с конским навозом. На этот раз попал прямо в нос, а учитывая тот факт, что правое плечо метателя было куда ниже левого, это можно было считать истинным чудом. Шельма присвистнул раз и другой, возбудив волну смеха среди городской черни. Сплюнул сквозь широкую щель в передних зубах.

– Ах ты ж, в морду маханный! – застонал Вийон. – Глядите, попал, честные мещане! Награду герою! Для отважного горлореза – будет славная профура! – кивнул он старой, толстой как бочка тетехе с подмалеванным да подчеркнутым лицом. – Эй, ты там, лахудра! Задери сорочку, чтобы поблагодарить героя, а вы, добрые мещане, носы-то позатыкайте, а то духман пойдет, как от бочки с селедкой!

– Ты, козлина, рот-то закрой! – вскинулась оскорбленная. – Ты, чертов мужеложец, в жопу ёбанный! Вот же схвачу час дрючок да так тебе в башку твою кудлатую захерачу, что станешь ты не мужик, а дурень!

Вийон злобно рассмеялся. Диспут становился все горячее. Но он пришел сюда не затем, чтобы произносить ученые речи для плебса. Да и место, в котором он находился, не было университетской кафедрой. Нынче утром доставили его под стражей к этому старому позорному столбу и выставили на посмешище городской швали, заключив его руки и шею в дыры подгнивших колодок. А все потому, что вчера вечером он вступил в спор с несколькими гулящими трепушками у ворот Од, а ссора эта переросла в громкий обмен проклятиями. Не прошло и три «отченаша», как в ссору вмешалась городская стража, и Вийон оказался в подземельях под ратушей, обвиненный в нападении, побоях и оскорблении старых проституток, а кроме того – в отказе платить за удовольствие, которое те паршивые потаскухи якобы должны были ему доставить. Вийон предпочел бы скорее найти себе щель в городской стене, чем воспользоваться *ars amandi*²⁰ одной из столетних лахудр, выставяющих себя в воротах Од в надежде затянуть в переулочек потемнее пьяницу или сельского мужика. Увы, близкое знакомство с престелестями этих шлюшек грозило потерей вкуса и свежего запаха на ближайшие полгода. Но и что с того, если прево этого расчудесного города не поверил словам поэта. Не любил он искусство, не ценил хороших стихов и баллад. И потому Вийон нынче искупал свою вину, выставленный на посмешище плебсу и всему народу.

У позорного столпа собралось уже немало мещан. Естественно, патрициев среди них не было. Окружали Вийона грязные, кривые морды простолюдинов, испещренные чирьями и шрамами после оспы. Рты, привычные к проклятиям, дышащие вонью кислого пива, лука и чеснока, смрадом из дыр в гнилых зубах; поразительное скудоумие и грубость написаны на лицах. Простолюдины жаждали дешевого и незамысловатого зрелища, каким и был преступник в колодках.

Большой шмат конского навоза ударил его в щеку. Сделавший это – куцый недомерок с одним глазом больше другого, провалившегося глубоко в череп, – ржал от радости, как молодой жак перед первой потрапушкой. Когда же тряс головой, тонкие нити слюны стекали у него с верхней губы.

– А ты чего радуешься, выпердыш трипперной шлюхи?! – крикнул Вийон. – Думаешь, что как попадешь в поэта говном, так ты уже и мужик, а твой стручок по первому хотению делается твердым как пушка?

²⁰ Искусством любви (лат.).

– Ты язычок-то подвяжи, виршеплет! – заорал битый оспой верзила со сломанным носом. Судя по окровавленному фартуку и гнилой вони, что тянулась за ним, был это подмастерье мясника из ближайшей лавки, а судя по сложности речи – как бы не самый просвещенный человек в толпе плебса, подмастерьев и городской бедноты. – Таперича ты гордый, а вчера тебя две старые лярвы пинками гнали! Так на тебе скакали, как Господь Иисус на лысой кобыле, когда ты за приятственность свою своевольным дамам не заплатил. Не дали они тебе дырки-то за твои стишата, жопотрах, да и поэзия твоя не больше говна в жопе стоит!

Толпа снова зареготала. В воздухе свистнули камни.

– А чтоб у тебя могила херами поросла! – запищала честная девица в мятом уппеланде. Лицо ее было столь отвратным да неровным, будто муж каждую неделю лупил ее доской с набитыми гвоздями. И – о чудо – потаскушка держала за руку милую маленькую девочку с большими темными глазами, красивыми бровями и мило очерченными губами. – Вот, Паула, – подняла она камень и втиснула в руку ребенку, – научи мерзавца уму-разуму.

Девочка тут же использовала камень по назначению. Бросила точно. Вийон глянул на нее с упреком, скривил лицо в ухмылке и высунул язык.

– А вот тебе, сводник! – заорала толстая бабища и бросила в поэта куском гнилой репы. – Вот тебе, рукосуй, лохотранец паршивый!

– Да отъедитесь вы от меня, лахудрищи конские! – прошипел Вийон бабам в толпе. – Прочь пошли от столпа, обезьяны вы, лошацы с дырками! Из вас дамы, как из старой клячи жеребчик. Как на ваши паршивые морды гляну, то все у меня из брюха долой просится – глядишь, всем покажу, что ел сегодня!

Бабенки оказались не столь уступчивы, как селяне, подмастерья да нищebroды. Камни да огрызки полетели еще гуще. Вийон прикрыл глаза, попытался нагнуть голову к вонючей доске колодок.

«Все из-за Марион!» – подумал он зло. Если бы не она, он бы не оказался в колодках здесь, на площади Сен-Назер. Он приехал в город специально ради нее, проклятой потаскухи. Полдня искал ее, пока не принялся расспрашивать о ней старых шлюх под воротами Од. Те не хотели с ним говорить, поэтому дошло до ссоры и скандала, последний акт которого разыгрался в ратуше, а эпилог – здесь, на грязной, болотистой площади.

Марион... Он уже почти не помнил запаха ее волос, черт лица. Прошло четыре года с тех пор, как он оставил ее и отправился в Париж. Теперь же, после четырех этих зим, он возвращался к ней бакалавром, поэтом и... изгнанником, без права возвращаться в столицу на десять лет, да и то ему еще повезло, что вырвался целым из рук парижского палача да избежал приготовленной уже виселицы.

Если б не Марион, он ни за что бы не вернулся в упадочный Каркассон, город башен и стен, в старую крепость, провонявшую дерьмом и кровью, потом и грязью. Когда он осматривался вокруг, видел славную Девицу Лангедока, погребенную в паршивых отходах городских дурней, такую же мерзкую, как и столетние шлюхи из-под ворот Од. Площадь окружали старые, осыпающиеся каменные дома. Массивные дуги, контрфорсы и стрельчатые окна собора неподалеку были покрыты толстым слоем сажи и копоты. Чуть дальше виднелись башни над ближайшими стенами: Тюремная, Сен-Марти и Сен-Назер, между которыми свистел ветер. На голубом небе, густо усеянном тучами, кружили стаи ворон. Он отвел взгляд от неба. Не время было витать в облаках, поскольку был он не в небе, а в колодках, на площади, заваленной навозом и объедками. Неподалеку крысы сражались с воронами за падаль из канав, смердело кровью из лавок да магазинчиков, а ободранная толпа нищebroдов, собравшись вокруг позорного столпа, источала мерзейший из возможных смрадов – вонь бедности, грязи и вырождения.

Точно брошенная горсть грязи прервала его размышления. Он поднял голову. Двое выпивших головорезов из корчмы по соседству устроили соревнование по метанию в цель. Он опустил голову. В серой толпе простецов заметил маленького мальчика со светлыми золоти-

стыми волосами. Ребенок всматривался в него широко раскрытыми глазами, совершенно как если бы в первый раз увидел человека, поставленного к позорному столпу. Поэт мерзко улыбнулся ему.

– Эй, малой! – крикнул. – Смотри и запоминай, что ждет шельмцов и гуляк. И я был когда-то юным невинным отроком, а как теперь выгляжу? И что со мной стало? Вместо того чтобы молитвы читать пред паствой, стал я посмешищем для плебса! И ты закончишь так же, если Боженьке молиться не станешь!

Личико пацаненка искривилось в плаче. Но он утер слезы и тоже потянулся за камнем. Увы, до цели не добросил.

– Жерар, что ты делаешь? – всплеснула руками его мать, дородная матрона в старом, дырами светящем уппеланде. – Жерар, ты же вспотеешь! И заболеешь потом!

– Я все папеньке расскажу! – захныкал малыш. – А тому... тому злодею... голову отрублю!

– Ракальник, шельма, нищеврод, паскудина! – обзывали Вийона двое парней постарше. То и дело дополняя свои слова точно брошенными комками подмерзшей грязи.

– Пьер, Луи, хватит уже! – кричал кто-то из толпы на непослушных сыновей. – Домой, негодники!

* * *

Этьен Маркар отвернулся от развеселого зрелища, какое представлял собой виршеплет-оборванец в колодках, осыпаемый толпой камнями. Плащ и рубаха этого несчастного светили дырами, пулены были порваны, лицо – грязно и покрыто многодневной щетиной. Воистину – картина беды и отчаяния!

Но известному и уважаемому мастеру-литейщику не престало тратить время на плебейские развлечения. И он быстро направился по улочке Дам-Каркасс к площади Пьера-Августа. Его ждали в мастерской.

Он шел по скверной городской брусчатке, покрытой мусором, навозом и грязью. Миновал собор Сен-Назер – широкое, низкое и приземистое строение, словно корабль сидящее между скалами остроконечных крыш верхнего города. За собором он вошел в переулок, что вел к улице Святого Людовика. С обеих сторон вставали выщербленные стены домов с фасадами, ошетилившимися шпильями пинаклей. Подле грязных, покрытых лишайниками стен стояли лавки, будки, тележки и бочки. Мутный свет факелов и фонарей отражался от мокрых камней и луж, отбрасывал бледный отсвет на стены, принимавшие цвет старых человеческих костей.

– Этьен... Мэтр Этьен.

Литейщик вздрогнул, услышав злобный шепоток и сразу после – топот ног. Мимо него прошмыгнули двое ребятишек в лохмотьях. Ему показалось, будто дети покрыты кровью, а на их телах виднеются свежие раны. Он обернулся, но маленькие нищие уже исчезли за горой бочонков и кривым возком шорника.

Этьен встревоженно осмотрелся. Ему вдруг стало страшно, возможно, оттого, что светлые волосы парнишки и темные – девчушки напомнили ему... Винсента и Жанетт?! Нет, невозможно. У него просто помутилось в голове. Ведь его дети были под хорошим присмотром. Ведь с ними ничего не могло случиться!

Он перекрестился и двинулся вверх по улице. С облегчением узнал знакомые двери своей мастерской. Нажал на ручку и вошел внутрь. Вернее – хотел войти, но что-то привлекло его внимание.

Двери были испорчены. Кто-то из подлых шельм, нищих или другого какого уличного отребья, сделал на двери отметку – острым орудием выцарапал на ней знаки: букву «V» и две черточки... Ага... Это была римская цифра VII.

Он толкнул дверь и вошел в большой зал. В нос ударил запах горячей меди, он почувствовал жар, услышал лязг металла. Кровавый отсвет ложился от печи, в которой поддерживали огонь его подмастерья – крепкие, неразговорчивые парни в кожаных кафтанах и чепцах. В красных отблесках выглядели они бесами адской кузницы.

Этьен остановился над ямой под форму. Осмотрел и обстучал фундамент и вмурованный в него стержень. Хорошая, профессиональная работа. Хотя форма еще не была наполнена бронзой, он почти ощущал холод, тяжесть и звонкость огромной чаши, которая будет в ней отлита. *Rex Regis*.²¹ Колокол для городского собора. Это честь, что его изготовление поручили ему, одному из многих мастеров литейного промысла в городе.

– Давайте шаблон и веретено!

Подмастерья вертелись как ошпаренные. Горячий металл взблескивал огнем, отбрасывал кровавые пятна на стены мастерской. Красный отсвет размазывал контуры людей, ослеплял.

– Пускайте бронзу!

Глиняная затычка разбилась на куски уже после первого удара молотом. Красный поток полился по направляющим с шипением, шумом и бульканьем. Огромная форма начала наполняться.

– Не спускайте помногу!

Легкий ветерок шевельнул волосы мастера-литейщика. Дверь в мастерскую отворилась внезапно, уступив порыву ветра, ударила с грохотом о стену. Этьен замер: сквозь шипение, скворчанье и писк расплавленного металла показалось ему, что снаружи мастерской донесся топот и шарканье тяжелых ног, а потом удары копыт о камни, словно что-то вошло внутрь. Впрочем, нет, это ему наверняка просто примерещилось! В мерцающем свете он не различал никого, кроме занятых делом подмастерьев. Бросил короткий взгляд за спину. Показалось ему, что нечто стоит позади – нечто тяжелое и мощное, только что вошедшее в открытые ворота плавильни...

– Гарнье, закрой дверь! – рявкнул он на одного из подмастерьев. С облегчением наблюдал, как форма колокола наполняется металлом. Теперь достаточно было просто подождать, пока он остынет. – Закупорьте сливы!

Терминаторы²² и слуги бросились к печи, чтобы остановить вытекающий из нее металл. Заткнули раскаленное отверстие глиной, остановили поток расплавленного металла, и тогда Этьен услышал шипение. Сперва тихое, с каждым мгновением оно становилось все громче!

Мэтр не успел даже испугаться. Плавильная печь вспыхнула. С грохотом и вспышками разлетелись затычки в сливах для расплавленной бронзы, кожаные мехи занялись огнем...

– Черт побери, что происходит?! – крикнул Этьен.

Печь выстрелила искрами, затрещала, по ней поползли трещины. Мэтр-литейщик видел такое впервые! Он затрясся и вскочил на ноги.

– На землю! – рыкнул. – На землю, а не то прощайтесь с жизнью!

Поздно! Литейная печь разлетелась! Взрыв разорвал ее изнутри, расплескав во все стороны огненный дождь из обломков и тяжелых горячих капель металла. Взрыв этот смешался с воплями умирающих, горящих в живом огне людей, с ревом огня и шипением остывающего металла. В какой-то момент треснули тяжелые прокопченные колонны, что подпирали крышу. Сверху посыпались балки, колоды и доски.

– Жорэ... – начал было Этьен. Взрыв отбросил его под стену. Был он страшно обожжен, видел лишь одним глазом, а его обшитый мехом плащ тлел. Он застонал, а потом, почти воя от боли, сверлившей голову и левую руку, принялся подниматься на ноги...

²¹ Царь царей (лат.).

²² «Терминаторами» в Средние века называли подмастерьев, проходящих свое обучение («термин») под присмотром мастеров.

Кто-то пробежал рядом, воя как безумный. Это был заживо горящий работник мастерской. Он вывалился наружу сквозь опаленные ворота. Орал от боли, страха и ужаса и бежал вниз по улице.

– Спасите! – застонал Этьен. – Жорэ, помогите...

Пламя выстрелило выше разрушенной крыши литейни. Лизнуло доски соседних домов, перескочило туда вместе с искрами. Этьен ползал между пылающими балками, спотыкаясь о мертвые тела подмастерьев и прислуги, пока не уперся в глиняную стену формы. Колокол устоял! «Rex Regis» не был поврежден. Этьен затрясся от рыданий, а потом замер, прижав обожженную голову к краешку отливной формы, среди ревущего пламени и треска ломающихся досок.

* * *

В двух кварталах оттуда Вийон поднял голову. Его удивило, что вокруг деревянного эшафота с колодками уже не было зрителей. Увидел он вспышку пламени над городскими крышами, услышал вопли и крики мещан. Люди бежали с ведрами на пожар, толкались и ругались. Колокола на соборе звонили как ошалевшие, а зловещее гудение пламени становилось все сильнее и все неумолимее.

– Черт поberi! – прошептал поэт. – Возвращайтесь, псовы дети! Что, надоело вам?!

Никто его не слышал. Все бежали на пожар.

VI

Вийон поглубже вжался в сходящиеся клином стены около башни дю Мюле д'Авар. Подождал, пока патруль городской стражи пройдет по улице. С момента, когда в литейной мастерской вспыхнул пожар, в котором сгорели два дома, стражу удвоили, а проклятушие городские шпики были на каждом шагу. Фонарь, который нес командир, отбрасывал кровавые отсветы на мокрую брусчатку и стены домов, покрытые многолетней грязью. Когда фонарь превратился в крохотный утлый огонек в конце улочки, Вийону вдруг померещилось, будто он, стоя меж замшелой городской стеной Каркассона и стенкой, созданной фасадами старых домов-развалин, перенесся в мрачную бездну. Во мраке что-то таилось. Что-то большое и тяжелое. Вийон услышал тихий звон железа о камни. Подкованное копыто? Он замер, всматриваясь во тьму, однако ничего не заметил. По спине его прошла дрожь. Он быстро побежал к низкой окованной железом калитке и постучал три раза. Миновало какое-то время, пока с той стороны послышались шаги.

– Не видишь, каналья, закрыто! – раздался хриплый мерзкий голос старой бабы. – Дырку себе в земельке выгребь, ежели хер в штанах не удержишь! А коли на трах охотка пришла, так утром приходи, шмары спят все, охальник ты эдакий!

– Это я, мытарь мостового, не узнаете? – зашипел поэт. – Налог-то вы мне передали, да его я назад принес. Пара ливров, небось, пригодятся...

– Погодь, сейчас я! – просипела старуха изменившимся голосом.

Вийон слышал, как стукнул засов, потом двери отворились, выпустив полосу желтого света. На ступенях, что вели вглубь башни, стояла толстая старуха в порванной рубашке. Были у нее крохотные злые глазки и большие мешки под ними. Распушенные седые космы выбивались из-под грязного чепца.

Увидев Вийона, она хотела захлопнуть дверь, но поэт оказался шустрее. Одним движением воткнул ногу в щель, одним рывком сильных рук отворил калитку настежь и вскочил внутрь. Прижал бабищу к стене. Профура хотела крикнуть, но крик замер у нее на губах и превратился в хрип, когда Вийон сунул ей под подбородок клинок чинкуэды.

– Только дернись, старая обезьяна! – прошипел поэт. – Ни звука, а не то так продырявлю горло, что запоешь как соловей! Где Марион?

– Н-не... не знаю.

– Как это «не знаю»? Она ведь в твоём заведении подмахивала, когда я отсюда уезжал.

– Уш... ушла... – прохрипела старуха.

– Куда? – кинжал Вийона воткнулся под толстый подбородок маман Марго еще сильнее. – На дно Ода? В другой лупанарий? К любовнику? Говори!

– Я давно ее... не видела... лахудру траханую... Ничего не знаю...

– Если не знаешь, то не вижу причин, чтобы не перерезать тебе горлышко. Что, другому своднику ее продала?

– Пого... поговори с Ого...

– Так он еще топчет земельку? Когда я уезжал – подышал вроде.

– Еще не... не отбросил копыта...

– Веди!

Чуть отодвинул кинжал и пропустил старуху на лестницу. Марго пошла вверх по скрипящим ступеням. Башня была сырой и темной. Воняло здесь мышиным пометом и плесенью – как в большинстве домов в этом паршивом, гнилом месте. Вийону казалось, что не убирали тут со времен Людовика IX²³, который заложил семнадцать башен Каркассона.

Старая профура остановилась между этажами. Толкнула обтрепанную дверь и жестом указала на проход за ней. Вийон не вошел. Встал на пороге, присматривая за Марго. Этой старой ведьме могло взбрести в голову захлопнуть за ним дверь.

В комнате было темно. Поэт услышал тихий шелест соломы, потом скрип досок, словно кто-то перевернулся на постели.

– Ого, старый ты козел, слышишь меня?

– К-к-к-кто г-г-г-говор-р-рит? – произнес заикающийся голос из темноты.

– Где Марион?

– М-м-м-мар-р-рион... уш... ушла.

– Когда и куда?

– Д-д-две н-н-нед-д-дели т-т-тому. В к-к-канун Анг-г-г-гелов-Ст-т-тражей. К-к-кто здесь?

– Вийон.

В темноте снова раздалось шуршание соломы и скрип досок кровати. Тихонько пискнула мышь или крыса. Как видно, Ого переворачивался на мешке.

– В-в-вийон?! К-к-как эт-т-то?

Из темноты, рассеянной вдруг сиянием свечи, вынырнуло кривое сморщенное лицо. Огромная бородавка уродовала левый глаз человека. На правой половине лица виднелся свежий припухший шрам, что тянулся от лба, через бровь и щеку, до самой губы. Вийон вздрогнул. Скажи кто-нибудь, что Ого по-своему симпатичен, эти слова и раньше прозвучали бы как дешевая издевка, брехня комедианта из паршивой труппы, бродящей по дорогам. Теперь же, когда его еще больше изуродовали, трудно было представить, что этот человек может не вызывать тошноту и отвращение.

– Она. Эт-т-то он-н-на сде-сделала. Эт-т-та с-с-сука. – Ого дотронулся кривым, грязным пальцем до лица подле правого глаза. – Пер-р-ред те-тем как ушла.

– Куда ушла?

– У не-не-ней д-д-дьявол в ба-башке сидел.

– Эта сука дьявола в себе пестовала, – прохрипела Марго, обдавая Вийона гнилым дыханием, плюясь слюной и злостью. – Вот ведь профура мерзкая! Здесь же ей как у матушки

²³ Т. е. вот уже двести лет – на момент описываемых событий.

было... Я ей деликатесы давала, лимоны, мед, голубила как доченьку. К ней трахари серьезные приезжали. Сам благородный господин де Сий... А все одно прочь ушла. С горбуном, с чертовым семенем.

– С горбуном? Каким горбуном?!

– Да вот прилез к ней какой-то карлик, скрученный так, что носом в яйца утыкался. Говорили, будто он звонарь на Святом Назарии. Но я скажу: чертов он слуга, колдун проклятый. Потому как уродства такие – они только от чар...

– Как звался?

– Да кто там знает...

– Как выглядел?

– Как конь сарацинский у мавров в Гренаде.

В темноте комнатухи снова зашелестела солома, зашкрипело источенное дерево.

– Что тебе от Марион надо?

– Ты лучше пасть-то закрой, старая перечница. Комнату мне ее покажи.

Ого и маман Марго переглянулись. Вийон поймал этот их взгляд. Что-то скрывали? А может, готовили ловушку?

Он схватил Ого за патлы и махнул кинжалом перед его носом.

– Если хоть слово неправды сказал, старый ты козел, я тебе это припомню. – Он шевельнул чинкуэдой. – Помни об этом, Ого. Если что, вернусь и тебя выпотрошу!

Ого затрясся, заморгал. Вийон отпустил его и рывкнул старухе:

– Веди в ее комнату!

Маман Марго почти переломилась в поясе и ступила на лестницу. Вийон двинулся следом, осторожно и тихо, словно кот. Кинжал не прятал. В борделе маман Марго не раз резали людей и за меньшую провинность, чем угроза хозяйке кинжалом. Кажется, где-то в подвалах даже была вонючая яма с известью, где разлагались кости нескольких нахальных хватов, которые решились побеспокоить хозяйку ночью и которые выказали меньше осторожности, чем поэт. Вийон не имел ни малейшего желания присоединиться к их веселой компании.

Они поднялись по скрипящей лестнице на последний этаж замка. Самый высокий в старом, никогда не использовавшемся донжоне, этаж превратился в несколько небольших залчиков, разделенных деревянными стенками. Было тут холодно и сыро. Ветер свистел в щелях, сверху капала вода, так как на улице шел дождь.

Марго показала дорогу. Вийон выдернул у нее из рук свечу и толкнул перекошенную дверь. Та не была заперта, и он вошел в маленькую сырую комнату. Свет пламени выхватывал из темноты контуры деревянной кровати с растрескавшимися досками, перевернутую бочку в углу, скамеечку, табурет, изъеденный древоточцами сундук и свисающую по углам патину. За окном шумел дождь, в воздухе чувствовалась влага и запах гнили. На стене висел выцветший гобелен с изображением архангела Михаила, несшего Христу узелок, наполненный душами. Лица у Христа не было. Вместо него виднелась выгрызенная крысами дыра. Рядом висело зеркало – грязное, с отстающей от дерева серебряной краской. Скатерть на расшатанном столе давно была трачена мышами и молю.

И это все. Все, что осталось от Марион.

Вийон обыскал комнату. Заглянул под кровать, проверил, не отходят ли на стенах доски, осмотрел пол. Ничего. Шлюха не оставила после себя ни знака, ни следа – ничего, что указывало бы, где ее искать.

Он подошел к окну – к узкой бойнице, и тут взгляд его остановился на небольшом очаге в углу. Когда он осмотрел его внимательней, заметил лежащие в пепле осколки. Взял в руки самый большой из них, присмотрелся в слабом свете свечи. Это был просто черепок от старого горшка из обожженной глины. То есть снова – ничего. Он уже собирался бросить его в пепел, когда почувствовал под пальцами какие-то царапины.

Поэт осторожно приблизил его к свету. На глиняной поверхности острым предметом кто-то выцарапал буквы, что складывались в латинскую надпись: «*Pareatis. Deum sequere*».

Вийон покачал головой. Это было интересно... «Иди за голосом Бога». Может, Марион и правда ушла. Ведь она исчезла больше двух недель назад...

Осмотрел остальные осколки, но на них не было надписей. Бросил их в пепел, сплюнул и сунул за пазуху тот фрагмент, на котором были нацарапаны кривые буквы. Здесь ему больше нечего делать. Оставалось только разыскать звонаря собора Святого Назария.

* * *

– Ушел, сукин сын, – прошипела в темноту Марго.

– Т-т-т-тогда иди. Сооб-б-б-щи...

– А если вернется? Глотки перережет...

– Н-н-не верн-н-нется... Н-н-не верн-н-нется...

* * *

Городской собор, посвященный Святому Назарию, древнему мученику из Милана, величественно вздымался над щербатыми крышами домов Каркассона. Он был не таким стройным и гордым, как парижский Нотр-Дам, но широким и массивным, будто натруженные плечи селянина из Лангедока или Оверна. Его абсида, обращенная боком к площади Сен-Назер и к башням Сен-Мартин и Тюремной, была выкрашена белым и уже издали выделялась на фоне посеревших и почерневших стен усадеб, мокрых каменных крепостных стен и башен, над которыми собирались клочья осеннего тумана.

Вблизи собор выглядел куда выше. Возможно, потому, что окрашенные синим карнизы окон и розеток придавали ему видимость легкости и стройности. А может, казался он выше оттого, что хотел оторваться от грязной мерзкой площади, от отвратительной толпы оборванцев, которая кишела подле его белых, красивых контрфорсов. Старые столетние шлюхи, прячущие шрамы, морщины и шанкры под толстым слоем белил, слепые нищие с собаками и детьми, жонглеры и акробаты. Между массивными контрфорсами поджидали богобоязненных мещан нищие и калики перехожие, стонущие о милостыни, хватающие за платья и кабаты, а порой и загораживающие проход.

Вийон без труда протолкался сквозь орущую толпу. Шельмы и мошенники распознавали в нем братственную душу, обычно настырные нищие уходили с дороги, а слепцы еще издали примечали, что это член братства воров, цеха шельм и королевства горлорезов, а потому и не молили о милостыни.

Вийон на некоторое время застрял в толпе, собравшейся перед порталом, что вел к южному крылу трансепта. Хотя был *hora nona*²⁴, время обычной дневной мессы, а до праздника святых апостолов Симона и Иуды Фаддея оставалась еще неделя, к собору шли целые толпы. Возможно, оттого, что день был мрачным и дождливым, солнце пряталось за туманной завесой, а окна храма, освещенные желтоватым заревом свечей, казались единственным теплым местом на мрачной площади. Площади, на которой два дня назад закованный в колодки Вийон был выставлен на посмешище городской черни.

Перед входом в остроконечную арку толпа мещан и бедняков редела. Неподалеку от каменного порога собора стоял ребенок в лохмотьях, его сторонились словно прокаженного. Вийон воспользовался случаем. Хотел пройти мимо ребенка, чтобы сократить себе путь.

²⁴ Час девятый (лат.).

– Не иди в собор, Вийон, – услышал позади.

Он обернулся и увидел дитя. Девочка подняла веки, и вор увидел два черных пятна на месте ее глаз. Вийона бросило в дрожь. За свою жизнь он видывал немало жестокости, часто был свидетелем того, как нищие калечат своих детей, чтобы те могли лучше зарабатывать на хлеб, собирая милостыню с богобоязненных и милосердных глупцов, но никогда не видел он настолько безжалостно изуродованной малышки. Кто это с ней сделал? И зачем?

– Я должен отыскать Марион. Горбун из собора...

– Здесь нет блудницы, которую ты оставил, – сказала маленькая нищенка. – Большой Дракон цвета огня падет с неба. Дракон с семью головами и десятью рогами. И тогда случится очередное несчастье, знаменующее приход Зверя, который уничтожит город. Впереди еще шесть катаклизмов, предвещающих его возвращение.

Люди, шедшие мимо ребенка, отшатнулись еще дальше, наступая на пулены и босые ноги, толкаясь и пробираясь вперед.

– Колетт! – крикнула в толпе какая-то женщина, пытаясь протолкнуться поближе. – Моя маленькая Колетт, что случилось? Кто это с тобой сделал?!

– Это не Колетт, – крикнул в ответ низкий толстяк в испачканном кубраке, пытаясь оттянуть женщину от маленькой нищенки. – Она же дома сидит, а с ней Анжелика... Где ты тут нашу доченьку видишь? Ну где, дура?! Стой, а не то как дам в морду, так копытами накроешься...

Вийон не слушал, дал толпе увлечь себя и перевести через порог. И вот он уже в соборе.

Все три нефа были заполнены людьми. Знать и мещане сидели на скамейках, простолюдины стояли на коленях на полу, молились и всхлипывали, глядя на хоры и алтарь. Мрачное нутро собора освещали сотни свечей, отбрасывая теплые, мерцающие блики на бледные лица мужчин и женщин. Только наверху лучи золотого осеннего солнца, просачиваясь сквозь цветные стекла витражей северной розетки, отбрасывали синие и красные снопы света на хоры, молельню, литургиста и стройные колонны, поддерживающие свод.

Вийон поднял голову. Царица Небесная – гордая и чистая – смотрела на него свысока, словно удивлялась, что, вместо того чтобы молиться, он пришел сюда искать мерзейшего карлика и паршивую шлюху из городского борделя. Вийон старался избегать ее взгляда. Осматривал темные внутренности храма. Он пришел сюда, чтобы отыскать горбуна, которого видели у Марион, и, как оказалось, не мог выбрать худшего времени. Не думал, что в соборе будет столько народу, и теперь бессильно искал среди склоненных спин горбатого, кривого человека.

Шел *confiteor*²⁵. Литургист, глядя на алтарь, говорил шепотом, который разносился по всему нефу:

– *Confiteor Deo omnipotenti, beatae Mariae semper virgini, beato Michaeli archangelo, beato Joanni Baptistae...*²⁶

Вийон, укрывшийся за колонной, вздрогнул. По ту сторону собора, в боковом нефе, кто-то горбатый медленно протискивался сквозь толпу. Был ли это нужный ему горбун? Увы, мерцающий свет не позволял хорошо рассмотреть.

Вийон направился в ту сторону. Расталкивал людей, топтался по ногам и пуленам, но никто не обращал на него внимания. Все – богатые и бедные, старые и молодые, больные и здоровые – глядели на алтарь. В глазах их блестели слезы надежды и что-то еще... Это был страх. Страх перед непознанным.

²⁵ В латинской литургии – короткая покаянная молитва в начале мессы.

²⁶ «Исповедую Богу всемогущему, блаженной Приснодеве Марии, блаженному Михаилу Архангелу, блаженному Иоанну Крестителю...» (лат.) – начало покаянной молитвы в латинской литургии.

– ...*Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa. Ideo precor beatam Mariam semper virginem...*²⁷
– шептали бесчисленные губы. Те, кто не знал латыни, молились на д’Ок или по-французски, кланялись и били себя в грудь.

Вийон не обращал на них внимания. Протискивался сквозь толпу оборванцев, преследуя горбуна. Миновал людей, вжавшихся в промозглые углы собора, сбившихся на лавках, дышащих с облегчением, втягивавших запах воска, словно запах свежего хлеба. Святые Петр и Павел смотрели на него с южного витража.

Он не обращал внимания на святых. Как представитель цеха мошенников и шельм, был он эксклюзивом, купно с жонглерами, актерами, комедиантами и шлюхами. Был человеком, недостойным причастия, лишенным к тому же права упокоиться в освященной земле. Поэтому не обращал внимания на убогих и тех, чье есть Царствие Небесное, счастливых, покорных, словно собаки под плетью, тех, кто как раз возносил к Господу свои смешные *oremus*²⁸.

– *Aufer a nobis, quaesumus, Domine, iniquitates nostras: ut ad Sancta sanctorum puris mereamur mentibus introire. Per Christum, Dominum nostrum. Amen*,²⁹ – говорил священник, поднимаясь по ступеням алтаря.

Вийон протиснулся рядом со скамейками в той части нефа, что была отведена для женщин. Миновал матерей, обнимающих плачущих младенцев да всматривающихся в золотистое сияние алтаря. Миновал дальние лавки, где сидели старухи и толстые бабы, закутанные в вонючие кожаные да потрепанные юбки. Вокруг слышались хрипы и перешептывания женщин в чепцах. Святые глядели на Вийона с образов. Михаил архангел следил за ним голубыми глазами.

– *Dominus vobiscum*,³⁰ – начал священник коллекту.

– *Et cum spiritu tuo*,³¹ – отвечали министранты и клирики.

– *Oremus*, – воззвал к молитве священник.

Вийон пробрался на противоположную сторону нефа. Не отводил взгляда от того места, где исчез горбун. Была это молельня Святого Иоанна, на пересечении нефа и трансепта. Поэт нырнул в тень вокруг колонн – было тут немного попросторней. Глядел на него каменными глазами Христос, с другой колонны – Богородица. А с еще одной... Зверь. Огромный рогатый дьявол.

Вийон ломился вперед, щедро раздавая тумаки, протискиваясь между слепцами, нищеломками, слугами. Никто к нему не цеплялся. Никто на него даже не смотрел. Люди боялись. Поэт чувствовал отвратительный запах их пота.

– *Dominus vobiscum*,³² – произнес священник перед Евангелием.

Вийон наконец добрался до пересечения трансепта с боковым нефом. Далеко среди обнаженных голов верующих заметил он изогнутую дугой спину карлика. Поэт закусил губу и стал как можно быстрее проталкиваться в ту сторону.

– Братья и сестры! – литургийщик обернулся к верующим. Говорил он на д’Ок, языке Лангедока, языке древних рыцарей и трубадуров. – Послушайте Слово Божье. Поскольку тот, кто закрывает слух свой для Слова Божьего и открывает его для еретической скверны, подобен побегу, что оторвался от виноградного куста. Не бойтесь Зверя. Ибо сказал святой Иоанн: «... и увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке

²⁷ «Моя вина, моя вина, моя величайшая вина. Поэтому прошу блаженную Приснодеву Марию...» (лат.).

²⁸ «Помолимся» (лат.).

²⁹ «Удали от нас, просим Тебя, Господи, нечестия наши: дабы с чистыми помыслами мы сподобились приступить ко Святым. Через Христа, нашего Господа. Аминь» (лат.) – молитва в латинской мессе при восхождении к алтарю.

³⁰ Господь с вами (лат.).

³¹ И со духом твоим (лат.).

³² Господь с вами (лат.).

своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и вверг его в бездну и заключил его»³³.

– ...Братья и сестры! Вы собрались здесь, вверившись Богу, в Святой Троице Единому, чтобы спас он вас от Демона, что пришел в город. Не страшитесь и не верьте дьявольским козням. Господь охранит вас от зла, когда предадитесь в руки его. Ибо вам – Царствие Небесное, а удел трусов, неверных, отступников, убийц, распутников, музыкантов, святотатцев и всяческих лжецов и вагантов – пребывать в озере, пылающем огнем и серой.

– *Sacrebleu*³⁴! – проворчал себе под нос Вийон. – Добрый отец-священник снова упомянул меня только в самом конце!

Не слушал проповеди, так как потерял карлика из виду. Черт побери, куда же тот подевался? Вийон мог бы поклясться, что он буквально растворился в воздухе. Неужто этот хромоногий шельма полез на колокольню? Вийон недолго раздумывал. Толкнул низкую калитку и начал взбираться по ступенькам вверх.

* * *

Жан Валери, звонарь собора Святого Назария, внимательно вслушивался в доносящиеся с хоров распевы. Какое-то время пытался даже различить слова священника. Вот-вот должен был начинаться офферторий³⁵, Вознесение, а ему предстояло бить в колокол в нужный момент. Чтобы раскачать его бронзовый язык и добыть мелодичный звук из огромной чаши Царя Царей...

Rex Regis. Этот колокол был прекрасен. Украшенный двойным венцом из гирлянд, со знаком наверху в виде латинской цифры VII, в память о семи милосердных поступках и семи дарах Святого Духа, с гербом епископа Каркассона, представлявшим собой три башни.

И вдруг Жан замер. Выпрямился, почти цепляясь головой за большой колокол (всегда говорили ему, что он слишком высок для звонаря), – услышал он некий звук с лестницы. Кто-то с хрустом и шорохом царапал по камням, из которых была выстроена башня.

Жан скривился. Наверняка кто-то из нищих, колобродов или воров проник на лестницу и начал пакостить. Он не мог этого допустить. Направился вниз.

Он спустился уже до половины, когда легкий холодный порыв воздуха тронул его волосы. Звонарь остановился, вздрогнул. Показалось ему, будто нечто большое и холодное как лед прошло мимо. Деревянные подгнившие ступени тихо потрескивали под большим весом.

Валери замер.

Обернулся и заглянул за поворот лестницы, но не увидел никого. Должно быть, ему показалось... Вернулся и снова направился вниз, чтобы узнать, что было причиной шума. Дошел до того места, где в стену воткнут был скворчащий факел, отбрасывавший красный круг света. Взгляд его упал на противоположную стену. Кто-то нацарапал там надпись. Впрочем, нет, была это просто цифра. Римское VI. Звонарь глянул под ноги. В свете факела отлетевшие куски побелки казались каплями засохшей крови.

Чуть дальше, на границе круга света, он увидел еще один знак, потом еще один... Валери в испуге смотрел на них и вдруг почувствовал, как волосы на затылке становятся дыбом... Он начинал верить. Верить в то, о чем раньше шептали старые бабки на торге и нищие под собором – и о чем сейчас уже болтал весь город.

³³ Откр. 20:1–2.

³⁴ Средневековая французская божба.

³⁵ Обряд приношения на алтарь хлеба и вина во время литургии.

Из оцепенения его вырвал голос священника, доносящийся из главного нефа. Вознесение! Оно должно начаться уже через минуту! Звонарь бегом бросился вверх по лестнице. Быстро проскочил два этажа, ворвался на колокольню...

Замер. Остановился на пороге, глядя на то, что происходило в малом зале. Набрал воздуха в грудь и стал выть словно обезумевший.

* * *

Священник, обращенный лицом к алтарю, чувствуя за спиной толпу верных, вознес вверх чашу, начиная офферторий.

Ударил колокол. Звук его странно изменился. Это не был распевный, мягкий гул, а скорее рык голодного зверя. Люди закричали, дети заплакали. Священник прервал мессу, развернулся к верным, натываясь на взгляды тысяч испуганных глаз.

– Не бой...

Фундамент собора содрогнулся. Страшный, глуховатый рев прокатился по всему храму. А потом свод на пересечении левого нефа и трансепта разлетелся на тысячи кусочков. Сквозь бездну, что разверзлась между острыми ребрами, с громогласным грохотом, со свистом и гудением в собор упал... *Rex Regis!*

Огромный колокол, весивший больше ста центнеров, ударился об пол с ужасающим грохотом, покатылся в толпу молящихся, давя их тела, головы, кости, обрызгивая алтарь и скульптуры святых кровью! Покатылся по каменным плитам, рождая оглушительные крики, ломая руки и ноги тем, кто пытался убежать от него, треснул и замер, расколовшись на три окровавленных куска!

Люди бросились к окнам и дверям. В панике топтали детей, стариков и нищих у входа. В обоих трансептах и у главной арки образовалась давка, в толпе сражались за глоток воздуха, охаживая друг друга кулаками, втыкали пальцы в глаза, лишь бы только вынырнуть на свет и ухватить глоток свежего воздуха. Собор в один миг наполнился стоном, ором, плачем, рыданиями и истерическим смехом. Люди спотыкались о перевернутые скамейки, топтали лежавших, плевались кровью, сражались за место у прохода. Почти неодолимый напор толпы сдернул тяжелые окованные двери с петель, выломал из фрамуги. Люди в панике разбили часть витражей в хорах, а мещане, глухие к призывам священника, принялись выпрыгивать из собора через окна. Где-то в толпе упала на пол мать с ребенком. Прежде чем она сумела встать, малыша растоптали тяжелые вонючие башмаки подмастерьев и оборванцев, которые локтями пробивали себе путь к дверям. Какой-то нищий бегал с воем по молельне, держась за обрубок руки, из которого брызгало кровью. Безумная старуха смеялась и молилась посреди этого бардака. Кто-то стонал и полз по полу, волоча за собой окровавленные, бессильные ноги...

Пол вокруг колокола был устлан телами убитых. Раненые молили о милосердии, выли о спасении. Священник на хорах призывал людей опомниться – крестил их, произносил литанию. Никто не слушал. Ужас и звериный страх овладели в этот день жителями Каркассона. А на все это глядели мертвыми каменными глазами с постаментов и витражей Иисус Христос, Богородица и святые угодники, забрызганные кровью, а еще ангелы и злобные дьяволы, уродцы, тянущие души грешников в ад.

Вийон даже не помнил, как спустился по лестнице. Встал в нефе и смотрел на трупы, кровь на полу, трясся от ужаса, а лицо его побелело будто мел. Не мог поверить собственным глазам. А потом тяжелый занавес упал ему на голову, кто-то подсек его ноги и опрокинул на землю. Больше он не помнил ничего.

* * *

Двое мощных мужчин в кожаных фартуках выполняли свою работу на совесть, тщательно. Развели огонь в очаге, сгребли уголья в один угол. Вынули из сумки клещи и крюки, положили их разогреваться в жар. Огонь был невелик, потому один из них взялся за небольшой мех и умело раздул пламя.

Положение поэта было куда как невеселым. Лежал он на твердой дубовой лавке, с вытянутыми над головой руками, прикованными цепями к деревянной балке. Ноги его тоже были связаны – идущие от них конопляные веревки были намотаны на толстый валик с рукоятью и стопором.

– Добрые христиане... – неуверенно простонал Вийон. – Что же вы такое творите? Для чего раздуваете жар в печи, небесные вы самаритяне?

При звуке его голоса верзилы одарили Вийона неприязненными взглядами и стали работать еще быстрее. Постепенно взгляд вора привыкал к темноте. Сперва он различил, что находится в мерзком, отсыревшем подвале, потом – что кроме двух злых, мрачных и неразговорчивых сударей тут находится еще несколько человек.

Прислужник повыше вынул раскалившееся клеймо из очага. С гнусной ухмылочкой на пористой и прыщавой морде подошел к поэту. Тогда один из незнакомцев, остававшихся до этого момента в тени, приблизился к нему, а сияние раскаленного добела железа выхватило из тьмы мрачную бородатую физиономию, золотую цепь на толстой шее и атласные отвороты на богато украшенном кафтане.

– Ладно... – выдохнул поэт, стараясь выторговать хотя бы немного времени, поскольку нынче, несомненно, каждая секунда была на вес золота. – Вы меня убедили! Хватит. Я буду говорить!

Бородатый человек дал знак палачу. Прислужник разорвал рубаху на боку поэта. Вийон почувствовал, как по спине его сползают капли холодного пота. Ожидал суда, допроса, вопросов, но не того, что незнакомцы сразу перейдут к делу.

– Я – Уго де Коместор, – тихо произнес бородач. Голос у него был благородный, звучал с достоинством, так что становилось ясно: он привык отдавать приказы. – Коннетабль братства Мorte-Пей, которого эти добрые жители Каркассона попросили о помощи – они хотят узнать правду о событиях, происходивших в последнее время в этом городе. Я должен знать, сколько вас здесь, кто за вами стоит, чего вы хотите и зачем выбрали этот славный город для своего мерзейшего чародейства?

– Простите, господин, – поэт кашлянул, – но я, кажется, ослышался. Я – честной и дурной жак, зовусь Франсуа Вийоном. Не мне вмешиваться в ваши рыцарские дела... Я всего лишь зарабатывал себе на хлеб честным трудом, берясь за ремесло...

– Ты преступник, вор и законченный негодяй! – рявкнул коннетабль. – Знаю тебя прекрасно, паршивый виршеплет, сын шлюхи и жида! Когда бы не милость парижского парламента, ты бы сейчас для воронья рифмы складывал, комедиант! Потому говори, зачем ты вызвал уже два катаклизма в Каркассоне?! Говори, и избежишь боли.

Вийон облизнул губы.

– Боюсь, мой благородный господин, что вы не много от меня узнаете. По той причине, что это не я сбросил колокол с башни, а еще я не имею ничего общего с предыдущими, достойными сожаления катастрофами.

– С прошлой недели город сотрясают дьявольские катаклизмы. Сперва на улицах появились нищенствующие искалеченные дети, которые принялись проповедовать семь казней и несчастий, что обещали бы приход того Зверя, который-де уничтожит Каркассон. Никто не обращал на это внимания, но вот случились две из обещанных катастроф. Несколько дней

назад произошел взрыв и сильный пожар в мастерской литейщика. Погибло более сорока горожан, слуг и подмастерьев. Нынче произошла катастрофа в соборе. Перед каждым из этих происшествий на стенах появлялись дьявольские знаки – выцарапанные римские цифры: семь и шесть. Поэтому я, черт тебя подери, хочу знать, в чем тут дело. Кто за этим стоит? Кому нужна смерть горожан? Говори, к какой еретической секте ты принадлежишь!

– Боюсь, что разочарую вас, добрый господин, – простонал Вийон. – Я честный и набожный христианин.

– Я знал! – засопел коннетабль. – Значит, ты – шпион англичан, верно? А может, ты проделываешь эту свою отвратительную работу за деньги бургундцев?!

– Вы действуете от имени инквизиции, господин? – спросил Вийон. – Если так, то я и правда не много могу сказать об этих происшествиях. Причем по очень простой причине: я не имею с ними ничего общего. Я уже упоминал: я набожный, скромный и необычайно трудолюбивый человек, всякий год хожу на причастие, исповедуюсь, верую в святую и апостольскую Римскую церковь, а также в столицу Петра и Святого Отца – слава Господу, что он теперь у нас вновь один, а не в трех лицах... Никогда не случалось мне красть у духовного лица, не принадлежу я также к сатанинскому сообществу вальденсов, не был я никогда бегардом или псевдоапостолом, не был и сторонником вероломных манихейцев. Также еженедельно молюсь, дабы мерзейшие Вальдо и Дольчино горели в аду до самого дня Страшного суда. В прошлом году я даже пожертвовал квесторам, что собирали на дерево для своей церкви! Также я не являюсь ни выкрестом, ни жидом, а это последнее могу доказать вам в любой момент, ежели вам, господин, хватит на то отваги, дабы проверить, насколько цел у меня срамной уд. А завещаю, что цел он до последнего кусочка плоти. Напомню также, что я, как богобоязненный христианин, даже баб трахаю как Господь Бог приказал, а не в какой-то там звериной позе, которую распутники именуют «раком»...

– Заткнись, вор, и послушай! – оборвал Вийона коннетабль. – Мы не инквизиция, но благородные патриции города, которые не желают, чтобы в дело вмешались проклятые доминиканцы. Уже больше сотни лет миновало с тех пор, как Симон де Монфор выжег огнем и железом катарскую ересь на этой земле. И больше столетия миновало с той поры, как Бернар Ги расправился с отъерами, которые хотели возобновить безбожные практики катаров. Почти тридцать лет, со времен, когда его преподобие инквизитор Святого Официума Жан Дюпра выявил банду этой дьяволицы Маби де Марнак, не пылал тут ни один костер! Было у нас спокойствие, правили мы сами. И не позволим, чтобы какой-то чародей или банда проклятых бургундских или арагонских ублюдков устраивали себе кровавые игрища в нашем городе!

– Мы хотим схватить тех, кто ответственен за катаклизмы, прежде чем инквизиция устроит в городе ад, – сказал низкий, крепкоплечий мужчина в дорогом колпаке и кожаной одежде, тоже выйдя из тени. – В городе находится преподобный Николя Жакье, папский инквизитор. В любой момент может начаться следствие, и тогда всем нам станет горячо.

– Ты был схвачен на месте последнего несчастья, когда спускался с башни, с которой сорвался колокол. Ты – единственный подозреваемый, который у нас есть. Говори, кто стоит за этими преступлениями, и избежишь боли. Страшной боли, Вийон.

– Я невиновен! – простонал поэт. – Уверю вас, добрые мещане, я не имею с этим ничего общего!

– А я уверю тебя, Вийон, – прошипел коннетабль, – что ты еще не знаешь, насколько хрупко и уступчиво под пытками человеческое тело. Как легко его повредить, искалечить и ранить. Как деликатны его вены и мышцы. Как легко ломаются кости и вырываются жилы.

– Я невиновен!

Уго де Коместор кивнул палачу. Тот приблизил раскаленное клеймо к боку поэта. Вийон на всякий случай заорал.

– Если ты невиновен, то что же ты делал в соборе?

– Иска... искал горбу... горбуна.

– Кого?!

– Слышал, что в соборе служит карлик, горбун... Хотел с ним поговорить.

– Он лжет! – бросил один из мужчин, скрывавший лицо под капюшоном. – Нет никакого горбуна в нашей церкви.

– Ранами Христовыми клянусь! – стонал поэт. – Да пусть у меня срамной уд отпадет, если я брешу!

– Зачем ты его искал?

– Хотел спросить, куда отправилась одна... распутница, к которой у меня есть дело.

– И что это за распутница?

– Некая Марион, развратная девица. Служила в борделе старого Ого...

– И чего ты хотел от этой шлюхи?

Вийон молчал. Палач прикоснулся раскаленным железом к его боку. Поэт заорал как проклятый, обреченный на вековечное искупление в обществе Вельзевула и Асмодея.

– Я оставил у нее десять золотых эскудо, – соврал. – Хотел их забрать. А она исчезла и...

– А как с этим связан горбун?

– Я слышал, что их видели вместе.

– Все это ложь и сказки, – подытожил один из горожан. – Я не видел и не слышал ни о каком горбуне в соборе. Этот вор брешет! Палач, прижигай!

– Погодите, не так быстро, – пробормотал Вийон. – Молю вас не торопиться. Я и правда видел карлика перед самой катастрофой, добрые господа. Он протолкался сквозь толпу в соборе и поднялся на башню. Он мог быть... как-то связан с этим несчастьем.

Коннетабль покачал головой. Вийон ощутил себя пропащим человеком.

– Подумайте, благородные господа! Погодите немного, не жгите меня железом понапрасну.

– Мэтр Пьер, пусть этот мерзавец не говорит зазря.

Вийона била дрожь. Он не знал, как отвратить немилосердную судьбу.

Палач же на этот раз не шутил. Сунул раскаленное клеймо поэту под ребра, прижал к телу так, что по комнате разошелся смрад горелой плоти. Вийон стиснул зубы, потом застонал, а потом и завыл, брызгая слюной. Ужасно зарычал, забился в путах.

– Это след, господин... – бормотал он. – Последний след... Шлюха и горбун...

– Он говорит правду!

Поэт раскрыл глаза. Это было как чудо. Высокий мужчина в кафтане, прикрытом плащом из старого сукна, выступил вперед.

– Отец Бернар, что это вы? – Коннетабль кашлянул неуверенно. – Он уже наврал с три короба! Болтает, что в голову взбредет, лишь бы только живым уйти! Всеми святыми клянусь, что когда дойдет до испытания водой...

– Лучше не клянитесь, сударь Уго, поскольку я поручусь за правдивость его слов.

– Как это? Преподобный диакон...

– Хотите сами доискаться до правды? А может, предпочтете, чтобы инквизиция узнала обо всем раньше?

– Нет, господин диакон, решительно нет...

– Не верю, что этот шельмец как-то связан со случившимся.

– О! И отчего же, ваше преподобие? Он же был в соборе...

– Как и каждый из нас. Для суда, даже инквизиционного, это не доказательство, господин коннетабль.

– Как же это? Он же человек чужой, без определенного занятия. *Religiosus nullus*. Как палач его припечет, сразу выдаст сообщников.

– Господин коннетабль, нам нужно вычислить центр заговора или интриги, или что там это было. Нам нет дела до случайных людей и вырванных у них признаний – они нам мало пригодятся.

– А если он замешан и в предыдущих происшествиях? Если он колдун?

– Он не замешан ни в каком *maleficium*³⁶. Когда взорвалась печь в литейной мастерской, Вийон стоял у позорного столпа. Я сам это видел и свидетельствую в его пользу, хотя он вор и шельма без чести и совести.

– Поэтому вы хотите его освободить, господин диакон?

– О нет, – тихо ответил священник. – Скажем так: он останется под моей... опекой.

– Следовательно, ваше преподобие за него поручается?

– Именно.

Священник кивнул палачам, и те послушно распустили веревки. Вийон поднялся на ноги, застонал, хватаясь за обожженный бок. Один из палачей бросил ему истрепанную рубаху. Вийон подхватил ее на лету, набросил на плечи, скорчился, согнулся.

– А теперь, – сказал священник, – отвечай, разбойник, прямо и честно. Где тот калека, о котором ты вспоминал?

– Я... Какой калека, ваше преподобие?

– Значит, ты соврал?

– Да разве я смею! Я узнал о нем, когда искал Марион в публичном доме у Ого. Мне сказали, что тот часто у нее бывал.

– Как выглядел?

– Согнутая спина, как у сарацинского верблюда. Вблизи я его не видел...

Бернард взглянул Вийону прямо в глаза. Вор вздрогнул: острый взгляд старого диакона пронзал насквозь. Духовник спас его от мучений, и поэт надеялся, что это добрый и прямодушный пастырь, который не упустит случая спасти от адского огня очередную душу. А тем временем священник смотрел на него ледяным взглядом, не выдающим никаких эмоций... Как инквизитор. Или заплечных дел мастер.

– Франсуа Вийон... Я спас тебя от пытки, после которой ты бы не говорил со мной таким невинным голоском. И не скакал бы по этому свету как вольная птица, потому что огонь этой вот печи опалил бы тебе крылышки. Поэтому лучше отвечай прямо.

– Я не видел этого горбуна вблизи, господин диакон. Все, что мне известно, я узнал, пока разыскивал Марион. Пошел в собор, чтобы его найти и при случае заказать пару молитв за здоровье своего патрона, Гийома...

– В это я не поверю, – сказал диакон. – Молитвы тебе подходят как щедрость – еврейскому ростовщику. Однако, поэт, тебе повезло. Повезло в том, что когда я был на новициате³⁷ в Париже, то познакомился с твоим покровителем – Гийомом де Вийоном, который нашел тебя ребенком в какой-то канаве и забрал к себе, взял над тобой опеку, дал фамилию и образование, и которому ты отплатил хуже, чем Иуда Искариот нашему Господу! Ну что ж, Божьи мельницы мелют медленно, но упорно: еще не все для тебя потеряно, поэтому позволь-ка нам поговорить о том горбуне, который, как ты уже наверняка понял, ужасно меня интересует. А потом, ежели наш разговор принесет свои плоды, я позволю тебе вернуться на большак, к потаскухам и тем мерзостям, что так тебе по нраву. Отправишься прочь из города, чтобы никогда уже сюда не возвращаться.

Вийон сглотнул. Не все, похоже, складывалось, как ему хотелось. Не мог он выехать, не поговорив с Марион.

³⁶ Злонамеренное колдовство (лат.).

³⁷ Новициат – период послушничества в католической церкви перед принятием монашеского обета.

– Ваше преподобие, прошу у вас позволения остаться в городе... Взамен же могу... помочь в решении этого дела. Ваше Достоинство знает, что в ремесле моем человек получает много ценных навыков. Видел я дьявольские козни в Париже и спас тот прекрасный город от демонов. Знаю также, как хранить тайны.

Вийон вновь почувствовал на себе холодный, пронзительный взгляд священника. К черту, да был ли это простой диакон, проводящий святые мессы в храме?

– Ты и правда хочешь отыскать эту гулящую? В самом деле?

– Да, ваша честь. Взамен я готов оказать вам всяческую помощь.

– Отчего она так важна для тебя? Не верю, чтобы ты пошел на такие жертвы ради нескольких золотых эскудо, которые якобы оставил этой шалаве.

– Хочу покаяться, отче... Когда-то давно я оставил ее одну и в долгах... Сбежал. Хочу это искупить... – Вийон рискнул произнести еще одну ложь.

Священник некоторое время раздумывал. Но недолго.

– Хорошо, Вийон, ежели уж ты так хочешь, я использую тебя как пса в упряжке Господа. Поможешь мне решить это дело. Но помни, что это неблагодарная служба. Тем не менее взамен я, однако, распространю на тебя свою опеку. Будешь в безопасности... Пока.

– Да вы понимаете, что делаете? – шепнул ему коннетабль. – Этот человек, того и гляди, пойдет на виселицу. Зачем его защищать?

– Ваша милость коннетабль. Вы просили меня помочь в решении этого дела, поэтому не мешайте. Быть может, этот разбойник и шельма нам еще пригодится.

– Как пожелаете, преподобный.

– Именно этого я и желаю.

– Спасибо, отец диакон, – прошептал вор.

– Пока что, – проворчал диакон, – не благодари. Я проверю, сможешь ли ты вообще мне пригодиться. Для этого дам тебе важное задание. В случае с колоколом было много убитых и раненых, но... был там один безумец.

– Кто такой?

– Звонарь из собора Святого Назария. Кричал, что видел Зверя. Поговоришь с ним и сделаешь так, чтобы он описал тебе, что на самом деле случилось на колокольне.

– И где можно его найти?

– В городском госпитале. Среди безумцев. Надеюсь, Вийон, что ты и правда мне понадобишься.

– Сделаю все...

– И даже больше! На колени!

– Но...

– Говорю: на колени! А теперь повторяй за мной: я, Франсуа Вийон...

– Я, Франсуа Вийон...

– ...бакалавр свободных искусств Парижского университета, клянусь моей бессмертной душой и Святым Крестом, что сохраняю в тайне все, о чем нынче узнал, и без согласия диакона Бернара не покину город. А если я солгу или не сдержу клятву, пусть адский Зверь пожрет мою душу.

– ...пусть Зверь пожрет мою душу...

V

Городской госпиталь Каркассона, мрачное замшелое здание неподалеку от площади Марку, со следами многолетних осадков, втиснулся между купеческими домами и каменной городской стеной. Вийон, огибая вонючие лужи, перебрался через грязь, в которой едва не оставил свои пулены, и встал перед дверьми. Прежде чем постучать, он взглянул вверх, на

остроконечную крышу, покрытую лишайником, на край стены, над которым клубился вечный влажный туман. Густые испарения поднимались надо рвом, над рекой Од и окрестными болотами и топиями, окутывая город смертельным саваном, приглушая все звуки и превращая дома и стройные башни в хоровод призраков и духов.

Вийон вздрогнул. Застучал в дверь, а когда та отворилась, показал перстень диакона. Вскоре он уже стоял перед смотрителем госпиталя – мрачным толстяком, воняющим застарелым потом.

– Што надоть? – спросил смотритель и пригладил остатки волос на покрытом шрамами черепе. – Все клиенты здоровенькие. Скачут што твои жеребятки. И палки им не надоть.

– Хочу увидеться с Жаном-звонарем. Тем, кто сбрендил после гибели людей в соборе.

– И пошто он вам? Он тута то и дело молитвы шебуршит. И на стену тарашшится.

– Господин диакон хочет, чтобы я его допросил.

– Не выйдет из этого ничегошеньки, – покачал смотритель башкой. – Да чорт с ним, шшас позову.

Он встал с лавки, взял в руки крепкую дубовую палку и кивнул поэту. Вийон понял, что толстяк смердит не только старым потом, но и старой блевотиной.

– Вы поосторожней. Тута не бордель. Тута всюду безумцы да бесноватые.

Вскоре они встали перед лестницей, ведущей вниз, она была перегорожена решеткой и заперта на мощный замок. Толстяк забренчал ключами, отпер замок и толкнул заржавевшие дверки. Они начали спускаться по витой лестнице. Откуда-то снизу раздался первый стон, потом крики, вопли, лязг металла и проклятия.

Они спустились в большой каменный подвал. Свет луны просачивался сюда сквозь зарешеченные окна, расположенные в больших каменных нишах. Огромные контрфорсы делили помещение на два ряда камер, забранных железными решетками. Воняло мочой, дерьмом и сыростью. У стен попискивали крысы. В камерах и клетках, на гнилой соломе, сидели или лежали безумцы.

Первый, кого заметил Вийон, был полуголый человек, прикованный цепью к стене. Он раскачивался непрерывно назад и вперед, что-то монотонно бормоча себе под нос. Рядом на корточках сидела огромная бабища со всклокоченными седыми волосами. Прижимала к груди куклу из скрученных и сшитых тряпок. Еще один безумец всматривался в угол клетки, подтягивая колени к подбородку: обнимал их двумя руками и тряся, дрожал всем телом, постукивая желтыми щербатыми зубами.

Вийон шел за смотрителем, напряженно ловил каждый звук. Какая-то фигура бросилась к нему справа. Случилось это так неожиданно, что вор отскочил в сторону, споткнулся о ведро с помоями, ударился плечом о решетку рядом со следующей нишей. Когда развернулся, прямо перед собой увидел келью, в которой скалил на него острые зубы заросший безумец в грязной рубахе. Безумец прижал лицо к железным прутьям, протянул руки из клетки к поэту. Крутил ими круги в воздухе, растопыривая грязные длинные ногти.

– Ну иди, – выдохнул. – Ну иди-и-и-и...

Чьи-то пальцы погладили поэта по голове. Вийон почувствовал теплое дыхание у своего уха.

– Да, да, – шептал тихо чей-то голос. – Да, да. Да-а-а-а...

Вийон отскочил от ниши. В ней сидел на корточках длинноволосый безумец и улыбался Вийону, а в раскрытом слюнявом его рту подрагивал язык.

Громкий смех привел поэта в чувство. Смотритель скалил на Вийона гнилые зубы, от смеха бил себя по толстым ляжкам. Вор грозно зыркнул на него. Толстяк развернулся, все еще посмеиваясь.

Они снова двинулись сквозь этот ад. Дальше была закрытая расшатанная гнутая решетка. За ней был заперт потный гигант, который, вцепившись двумя руками в ржавые прутья, тряс их изо всех сил.

– Я достану тебя! – выдохнул он. – Дос-с-стану тебя! Ты тварь!

Оторвал большие потные, поросшие густым волосом руки от решетки, стиснул кулаки, словно душил невидимого противника.

– И так тебя... И так! И так! И так!

Вийон шел дальше сквозь тьму, вслед за вонючим смотрителем. Прошел мимо двух госпитальных служек, лупивших палками старика в лохмотьях.

– Полезешь к ней еще?! – кричал тот, что пониже, одетый в кожаный чепец и грязную накидку. – Пойдешь к ней, дедуган, нищесборище?! Будешь подманивать на булку?!

– Пойду... Пойду! Пойду! – рычал и всхлипывал старик.

Прислужники слегка поутихли, увидев подходящего Вийона. Повернули головы в сторону, к стене, а когда поэт их миновал, вернулись к избиению старика.

Смотритель вдруг остановился – так неожиданно, что вор едва с ним не столкнулся. На миг вонь его толстого тела перебила даже ароматы, царящие в этом мрачном месте.

Смотритель указал на камеру, в которой стояла застеленная соломой кровать.

– Туточки он, – сказал. – Не бойтесь, не укусит. Токмо молится беспрестанно.

Вийон кивнул.

Смотритель взял его за плечо.

– Ежели захотите отсель выйтить, можете просто парней кликнуть.

Толстяк ушел по коридору, покачиваясь из стороны в сторону и что-то бормоча себе под нос. Вийон вошел в камеру – собственно в нишу между двумя каменными контрфорсами. Та не была заперта – как видно, звонарь не мешал стражникам. Жан Валери стоял на коленях на мешке, постеленном поверх соломы. Не отрываясь смотрел в стену, не обращая внимания на Вийона.

– Жан? – неуверенно спросил поэт. – Почтенный звонарь, вы меня слышите?

Валери не подал виду, слышит ли он что-то вообще. Продолжал смотреть в каменную стену, на которой плясал отсвет слабой лампадки.

– Я Франсуа Вийон, помощник диакона Бернара из собора. Я пришел, чтобы забрать тебя отсюда. Ты должен рассказать мне, что случилось в башне вчера вечером.

Только теперь поэт заметил, что губы звонаря чуть шевелятся, будто он что-то говорит. Приблизился к нему, приставил ухо почти к его губам: Вийону показалось, что он что-то слышит. Валери шепотом произносил едва различимую латинскую молитву:

– ...*Tentationem in inducas nos ne et. Nostris debitoribus dimittimus nos et sicut, nostra debita nobis dimitte et. Hodie nobis da quotidianum nostrum panem. Terra in et caelo in sicut tua voluntas fiat...*

Поэт узнавал латинские слова, но не мог сообразить, о чем идет речь. О чем говорил звонарь?

– Жан, я должен знать, что случилось на колокольне. Ты увидел Бестию? А может, ты видел мерзкого карлика, который сбросил колокол с башни? Ты испугался? Я хочу тебе помочь, Жан! Расскажи мне все!

Прикоснулся к плечу звонаря. Потом потряхнул. Звонарь не отреагировал. Просто сидел и шептал молитву.

«*Terra in et caelo in sicut tua voluntas fiat...*» Что-то это ему напомнило. Вийон вдруг почувствовал, как волосы встают у него дыбом. «*Terra in et caelo in sicut tua voluntas fiat...*» На самом деле это должно звучать так: «*Fiat voluntas tua, sicut in caelo et in terra...*» Да будет воля Твоя яко

на небесах, так и на земле! Валери произносил *Pater noster*³⁸. Но задом наперед, переставляя латинские слова!

Вийон задрожал. Отскочил от звонаря. Эта молитва, произносимая тут, в городском госпитале, в котором держали безумцев и одержимых, звучала настолько жутко, что даже он – шельма, вор и эксклюзент – начертал в воздухе знак креста.

За спиной поэта послышался тихий топот ног. Вийон бросил взгляд через плечо. Показалось ему, будто по коридору пробежали две невысокие фигурки. Наверняка тоже безумцы!

Валери шевельнулся. Взгляд его все еще был мутным, как взгляд снулой рыбы, но губы задвигались в другом ритме. Звонарь заговорил...

– Вийон, – раздался ядовитый голос. – Франсуа...

Поэт ухватился за рукоять чинкуэды, потом снова перекрестился. Глаза у Жана Валери были пустые и фосфоресцировали, а губы складывались в странные гримасы, превращавшиеся в слова.

– Кто... ты?

– Ты хотел со мной поговорить... Поэтому я прибыл.

– Зачем ты преследуешь город?

– Хочу вечности, Вийон, – ответил ему шепот.

– Ты – Зверь?

– Я – предназначение, Вийон. Я ангел смерти. На моих рогах – десять корон. А на них – имена святотатственные. Дьявол дает мне силу, престол и великую власть.

– Кто тебя поддерживает? Кто вызывает несчастья в городе?

– Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом.³⁹

– Зачем ты убиваешь?! Зачем тебе кровь, страдания и боль?!

– Я творец, Вийон. Тебе нужен для письма пергамент, а мне – кровь тел человеческих. Я устраиваю в Каркассоне мистерию смерти, потому что хочу сыграть в ней роль Спасителя.

– Как твое имя?

– Имя мое – знамение. Это имя Зверя, Вийон.

– Знамение – это малые дети, которые появляются в городе?

– Дети – мои. Все. Это обещание последнего... акта.

– Марион имеет к этому отношение?

– Иди к ней, Вийон. Я буду...

Валери захрипел, а потом свалился на кровать в судорогах. Вийон подскочил ближе, ухватил его за руку – та стала холодной как лед. Проверил пульс: тот почти не прощупывался. Звонарь бился в припадке – он умирал.

Вийон выскочил в коридор и бегом бросился к выходу. Хотел позвать кого-то из прислужников, но во тьме наткнулся на что-то мягкое, пошатнулся, упал на колени, уперся рукой во влажную стену. словно слепец, ощупывал руками в темноте неподвижное тело человека, одетого в кожаный кабат. Труп? Задел какой-то предмет, который со стуком покатился по камням. Это была деревянная палка.

Он вскочил и помчался в сторону света. Первая ниша между контрфорсами была не заперта – решетка открыта, а камера пуста. И он уже какое-то время не слышал криков, воплей и смеха безумцев, а подозрение, от которого его обдало ледяным холодом, теперь превратилось в уверенность. Безумцы вышли из клеток и камер на свободу! Вышли? А может, их кто-то выпустил?

³⁸ Отче наш (лат.).

³⁹ Апок. 13:10.

Он направился к выходу, одновременно потянувшись за оружием. Какая-то темная фигура мелькнула в лучах лунного света, что падал из ниши под потолком. Кто-то вертелся в камере слева, кто-то еще ползал по гнилой соломе и по полу, бормоча проклятия. Погнутая решетка камеры, где сидел гигант, осталась открытой, связка ключей все еще торчала в замке. Чуть дальше он увидел пустые оковы, потом перевернутое ведро и еще один труп – это был смотритель госпиталя. Лежал он навзничь, глядя широко открытыми глазами в свисающую с потолка паутину. Его голова была повернута под неестественным углом, а на шее виднелись пятна. Видно, его задушили и сломали шею.

Душа Вийона ушла в пятки, он побежал к лестнице. Вскочив на нее, он пролетел мимо слюнявого раскачивающегося старика, который раскинулся на первой же ступеньке. Никто больше не загородил ему дорогу. По всей видимости, безумцы ушли из госпиталя.

В мрачном вестибюле он осмотрелся вокруг, но не заметил ничего подозрительного. Двери были распахнуты настежь. Когда же он приблизился к арке, то услышал странный скрежет и хруст. Остановился и выглянул через порог.

На площади перед зданием клубился туман, сквозь который поэт различил каменную стену ближайшего жилого дома, а внизу рядом с ней скрюченного горбатого человека, который кусочком металла выпарапывал некий знак...

Горбун! Это был горбун из собора! Вийон бросился к калеке. Хотел добраться до него, повалить на землю и схватить.

Не сумел! Едва он высунулся из арки, как некая сила не позволила ему сдвинуться с места. А потом он почувствовал на шее хватку сильных, холодных как камень пальцев.

Захрипел, махнул стилетом, но чинкуэда выпала у него из рук, покатилась с лязгом по неровным камням брусчатки. Позади он чувствовал чей-то мощный торс, в ноздри ему ударил запах гнили и грязи, а над ухом он вдруг услышал тихий хриплый голос, наполнивший его ужасом:

– И так вот тебя... И так! И так! И так!

Это был великан из клетки! Должно быть, он прятался за дверьми и напал, едва лишь вор переступил порог. Вийон задыхался в его хватке, тщетно пытаясь оторвать его руки от своей шеи. Дергался, бился и пинался. Кинжал! Если бы только у него был кинжал...

Жизнь медленно покидала его. Он видел, как горбун закончил выпарапывать на стене большую римскую цифру V, а потом обернулся. Посмотрел со страхом на Вийона, сделал несколько шагов вперед, горбясь еще сильнее.

– Это не... это не я... убиваю, – проговорил он, запинаясь. – Не я. Это не я призываю... Зверя.

Вийон поджал ноги. Думал, что его тяжесть перевесит, что враг опустит руку, но просчитался. Начиная уже терять сознание. Пульс в висках раскалывал череп, сердце стучало словно молот, а перед глазами появился красный туман.

Горбун поднялся... Смотрел, как погибал его враг, его преследователь. Тряхнул шишковатой башкой, откинул со лба прилипшие волосы.

Вийон сдался. Захрипел, давясь слюной. Откинулся назад, вытягивая руки к горбуну в последнем молящем жесте.

Горбун кивнул и поднял что-то с земли. И перед самой смертью, в миг, когда краснота уже почти затопила его мир, Вийон почувствовал в руке спасительный холод чинкуэды.

Перехватил в пальцах рукоять клинком вниз и ткнул за себя, широко размахнувшись! Кинжал воткнулся в живот врага, распарывая кишки. Одержимый застонал, хватка его ослабла – и Вийон сумел вырваться из рук безумца! Качнулся и сразу ушел в пируэт. Обернулся вокруг словно юла, раз, и еще раз, и еще... с каждым оборотом нанося убийственный горизонтальный удар. Горло, бедро, колени, снова горло, глаза...

Венчая дело, Вийон с размаху воткнул нож в грудь гиганта. Безумец удивленно захрипел, затрясся. Ступил шаг к поэту, с недоверием глядя на свои окровавленные руки, потом с усилием шагнул еще и еще. Вийон отступил и оперся на колодец. Гигант шел к нему, давясь собственной кровью. Когда он тяжело оперся о лошадиную поилку, вор подскочил поближе. Ухватил за торчащую из груди врага рукоять чинкуэды и одним движением вырвал ее.

Гигант захрипел. Свалился, перевернул поилку и так и остался на залитой кровью брусчатке.

Вийон даже не взглянул на него. Туманная осенняя ночь ожила. Со стороны башни Лоре и площади Пети-Пуи он услышал вопли, лязг стали и жуткий, нечеловеческий вой. Мимо пробежала полуголая дама, которую преследовали двое вырожденцев из госпиталя. В окрестных домах зажигались огни. Эта ночь принадлежала безумцам, которые вырвались из оков. Поэт видел, как часть одержимцев бросалась в дома, магазины, лавки, как они врывались в жилье на площади, нападая на мещан. Видел, как молодую женщину выбросили из окна, как убивали и насиловали, как поджигали дома. Часть одержимцев выстроилась в процессию, что вышагивала по улицам Каркассона, выла, кричала, стучала в ворота и двери.

А все стены окрестных домов, колодец и даже лавки и магазины на площади означены были латинской цифрой «V».

Посреди криков, суматохи, тумана и дыма поэт искал согбенную, скрюченную спину горбуна. Однако нигде его не находил. Горбун исчез в этом хаосе, канул, не оставив и следа.

Вийон взглянул на стену дома прямо напротив госпиталя, где калека нацарапал таинственный знак. Подошел ближе, и тут что-то хрустнуло у него под ногой. Раздавленный черепок старого глиняного горшка. Поднял две половинки, заметил выцарапанную надпись, сложил их вместе и прочел: «*Quod iuratum est, id servandum est*»⁴⁰.

* * *

– Чудесно, – подвел диакон итог всему, что услышал от Вийона. – Стало быть, дерьмо, прилипшее к твоим ногам, господин Вийон, отчего-то не желает отлипнуть. Однако ж, тщу себя надеждой, что оно отвалится под воздействием раскаленного железа. Сперва тебя поймали в соборе, теперь же, когда я послал тебя в госпиталь, кто-то освободил безумцев, устроив жителям настоящую бойню. В Каркассоне царит страх. Инквизиция уже что-то подозревает. Словом, все просто превосходно. Вскоре найдутся первые доноскики – и начнется следствие.

– Я ни в чем не виноват! – возмутился поэт. – Я разговаривал с Жаном Валери – вернее с чем-то, что говорило его устами, и... Поверьте мне, это не был приятельский разговор за бокалом вина о молодых шлюшках. Но благодаря этому у вас есть теперь главный виновник – прямо на блюде. Это сам дьявол устраивает беспорядки в городе.

– Я не сомневаюсь, что это работа Врага, – сказал диакон задумчиво. – Но дьявольская сила что-то значит лишь тогда, когда за ней стоит живой человек, сбитый с пути и пойманный бесом. А все указывает на то, что горбун...

– Не думаю, – пробормотал Вийон. – Этот калека спас мне жизнь. Зачем ему было это делать, если он знал, что я следил за ним и намеревался схватить? Что же, он спасал того, кто хотел навредить ему? Это бессмысленно...

– Быть может, ты и прав. Но пока мы его не схватим, не узнаем ничего. Поэтому его нужно найти.

– Очень интересно, каким именно образом? Мы ничего о нем не знаем. Я даже имени его не слышал.

– Ты расспрашивал городских воров?

⁴⁰ В чем поклялись, того следует держаться (лат.).

– С них и начал. Увы, никто ничего не знает. Но взгляните вот на это, – Вийон вынул из-за пазухи глиняные черепки – те, что он нашел в комнате шлюхи, и куски того, который бросил горбун. – Эти я нашел в норе Марион, а вот эти бросил этот маленький мерзавец. И это след, который объединяет карлика с распутницей.

Священник прочитал латинские слова. Губы его сложились в неприятную гримасу.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал он. – Это выглядит как пословицы, как указания. Может, именно таким образом еретики и общаются? Вопрос только: куда ведет этот след? К свету или в бездну?

– Я расспрашивал и людей на базаре, однако никто ничего не знает. Может, это дьявольские стигматы?

– Знаешь ли ты, – прошептал священник, – почему я тебя спас?

– Потому что я добр в душе своей. Могу ли я быть Иудой, человеком без чести и совести? Выгляжу ли я как вор и шельма?

– На ложе пыток ты вспомнил о горбуне – именно это тебя и спасло, поскольку я уже слышал о нем раньше кое от кого другого. Проклятие, которое висит над городом, это мой крест, который я несу ко славе Божьей, – сказал диакон. – Корни этого дела уходят куда глубже, ты о них еще не знаешь. Все началось намного раньше, задолго до того, как случилась первая катастрофа.

Поэт встрепнулся.

– Некоторое время тому назад умер Вальтэ, настоятель parroquia Святого Назария в Каркассоне, мой хороший знакомый. Умирая, он сказал, что после его смерти на город обрушится великое несчастье из-за тайны, о которой знают только он да убогий горбун-калека. Священник был слегка не в себе, поэтому я больше ничего не сумел от него узнать. Не знаю, в ереси ли тут дело или в измене. Он не сказал мне ничего, кроме того, что вспомнил этого горбуна. Поэтому, когда ты упомянул, что искал его, я вытащил тебя из-под пытки. Потому что у меня было доказательство, что ты не врал.

– А покойный священник не оставил после себя ничего, что могло бы натолкнуть нас на след тайны?

– Я искал какие-либо указания в его бумагах, просматривал церковные книги и книги городские. И не нашел ничего. Последнего человека тут сожгли почти тридцать лет назад. При чем – за некромантию, а не за ересь. Нет никаких подозреваемых, а детей, которые якобы появляются перед этими катаклизмами, ни разу не удавалось схватить. Единственный след – это горбун. И этот человек, который говорил с тобой устами звонаря.

– Это дьявол, отче. Бес из адских глубин.

– Если это бес, то мы должны испробовать экзорцизм.

– На ком?

– Возможно, на всем городе.

Воцарилась тишина. Они долго сидели, не произнося ни слова.

– Если на этих черепках написаны дьявольские слова и заклинания, то нам нужна помощь мудреца, которому не страшны фокусы и ловушки дьявола, – сказал наконец диакон. – Так сложилось, что я знаю одного.

– И кто он?

– Богобоязненный монах, о котором я много слышал. Мы можем испросить у него совета, поскольку это человек, видывавший адские огни и изгнавший беса не из одного несчастного. Он живет в монастыре в горах, в половине дня дороги отсюда.

– Это недалеко.

– Готовься в дорогу, Вийон.

* * *

Прежде чем она успела бросить плоский камень на середину большой лужи, Дюран выхватил его из ее руки. Бросил окатыш, пустив два «блинчика», а потом кинулся наутек. Шансы его были невелики. Колетт уже почти восемь, а Дюран младше на три года. Она мигом настигла его под домом братчиков, схватила за волосы и поволокла назад, к луже, – к вящей радости собравшихся вокруг детей. Она уже готовилась к унижительному наказанию брата, когда вдруг замерла. Никто на нее не смотрел. Все обернулись в сторону ворот, из которых вышел...

Маленький, неухоженный мальчуган в терновой короне на голове.

Был покрыт засохшей кровью. Ладони его были пробиты, а вместо глаз зияли две дыры. Группка детей тотчас притихла.

– Кто ты... Кто ты такой? – спросил Пьер, сын портного, самый смелый из детей.

– Я – Исусик, – сказал малыш голосом, от которого всех детей охватила дрожь. – Пришел вас предупредить. К городу этому близится неприятель.

Дети молчали. Кто-то заплакал.

– И что за неприятель? – снова отважился спросить Пьер.

– Зверь, который заберет ваших родителей. Ваших сестер и братьев.

– Это невозможно! – крикнул малыш Жерар. – Мой отец – капитан стражи. У него меч. Он отрубит Зверю голову!

– И сказал Господь: все, взявшие меч, мечом и погибнут!⁴¹ Только вы можете спасти ваших родителей от смерти.

– Как?

– Молитвой. Ваши чистые сердца спасут этот город. Зверь испугается ваших молитв и оставит в покое ваших отцов и матерей.

– Что мы должны сделать? – прошептала Колетт.

– Через несколько дней – праздник святых апостолов Симона и Иуды Фаддея. Приходите на всенощную в собор, и к вам выйдет Мария. Отведет вас за город, в святое место, где вы помолитесь о здоровье своих родных.

Кровь из ран Исусика капала в грязь, смешивалась с нечистой, вонючей водой в луже.

– И помните. Если скажете кому-то, что видели меня или что должны встретиться с Богоматерью, я перестану быть вашим другом, – печально добавил Исусик. – И тогда Зверь... придет сюда раньше. И заберет ваших родителей, непременно заберет.

Исусик пошел дальше. Дети наблюдали за ним с тревогой. Некоторые плакали.

* * *

– Колетт, с кем ты, черт побери, говорила? – спросил Жюстин Тул, мастер цеха золотых дел. – Кто там был с вами?

Колетт заколебалась. Опустила глазки. Не могла сказать правду.

– Никого, господин отец. Это был лишь... один наш дружок.

⁴¹ Мтф. 26:52.

* * *

Эскорт, что сопровождал Вийона и диакона к монастырю Сен-Роше-де-Пре, состоял из четырех рослых прислужников в стеганках, туниках и плащах. У каждого из них был меч, а у двоих на седлах еще и мощные арбалеты. Прежде чем поэт увидел их, он гадал, удастся ли ему по дороге сбежать, а потом тайно вернуться в Каркассон. Однако, узрев их мрачные, отчаянные лица, он и думать забыл о таких шутках. Не собирался закончить со стрелой в спине и не хотел подтвердить своим бегством всех обвинений, которые против него выдвигались. Похоже, он и правда вступил в то еще дерьмо.

Рассвет был хмурым и холодным. Над стенами и железными пиками башен Каркассона повисли ключья тумана, а свежая роса блестела на крышах и сухих травах. Гордые башни барбакана Од влажно поблескивали. На них сгрудились стаи воронов и ворон. Птицы сидели неподвижно, те, кого спугивали люди, неохотно отлетали прочь. Всматривались черными глазками в город, словно дожидаясь момента, когда случится очередное несчастье и они слетятся на пир и будут клевать свежие человечесьи трупы.

– Люди болтают, – ворчал диакон, увидев птиц, – что эти вороны забирают души умерших в ад. Надо бы нам поспешить, потому как и правда у них сегодня может прибавиться работы.

В молчании они проехали старый мост на двенадцати опорах, выстроенный еще при Людовике Святом, миновали крест, обозначающий границу между Верхним и Нижним городом. Потом оказались среди низких деревянных построек, возведенных на фундаментах жилищ, сожженных сто лет назад английскими войсками Черного Принца Эдуарда. И направились на юг по тракту, что шел вдоль излучин реки Од.

Когда они покинули город, распогодилось. Перья тумана рассеялись, открывая абрисы далеких гор, к которым вела дорога. Двигались они вдоль Од, что яростно пенилась на скалистых порогах. Была уже осень, они ехали темно-желтыми лесами, устилающими дорогу ковром золотых листьев, в темных ущельях шумели потоки, стекающие с гор, пустые поляны покрывали ковры высохших трав; они объезжали ямы, образовавшиеся после падения стволов огромных, старых деревьев, – и в этих ямах в такой серый, мрачный день светились многочисленные светляки.

Они находились в сердце Лангедока, некогда страны трубадуров, доблестных рыцарей и прекрасных дам. Но два века назад тут прокатился крестовый поход против катаров. От замков остались лишь руины, города сровняли с землей, а еретиков послали на костер. Нынче от тех времен не осталось и следа. Разве что песни и баллады, которые пели при дворах и в трактирах, а порой произносили шепотом, боясь донощиков инквизиции.

Вийону вспомнились слова старой лангедокской песенки:

Безье захвачен. И мертвы уже
Священники и дамы, дети. Все мертвы.
Убиты даже христиане.
Алтарь в церквах от крови мокрый.
И в церквах эхом бились крики их.
А крест серебряный служил им
Плахой для отрубания голов...

Поляны и луга, по которым некогда шагали горделивые катарские Перфекты, Совершенные, уже давно заросли лесом. Церкви и замки Добрых людей превратились в развалины. И все же в этой земле еще хватало следов столетней истории. Окрестные скалы, горы и холмы щетинились остатками катарских замков. Перпертюз, Дюрфор, Керибюс, Пюивер, Арк, Мон-

сегюр и прочие твердыни еще напоминали о славе старых властителей Лангедока. Остались от них и другие воспоминания... Теплый пепел костров, которые жгли в Нарбонне, Безье, Тулузе и Русильоне. И инквизиция, которая внушала страх каждому пастуху или селянину.

Они ехали на юг. Местность становилась все более дикой, щетинились скалами, холмами и горами. Они проезжали небольшие бедные села, притулившиеся к отвесным склонам, недоступные башни, замки и церкви, которые в любой момент могли бы стать убежищем от нападения.

– Вийон, – прошипел Бернар после одного из поворотов горной дороги.

– Слушаю, ваше преподобие.

– Де Роше – бенедиктинский монастырь. Я с ними не в лучших отношениях. Держи ухо остро и не спускай с них глаз: может так случиться, что монахи не станут нам помогать.

– Слушаюсь, господин диакон.

Когда они миновали очередной поворот, Сен-Роше-де-Пре предстал перед ними во всей своей красе. Монастырь и церковь возносились на высокой скале, которую с трех сторон омывала река Од. Уже издали Вийон заметил гордую колокольню церкви, остроконечную крышу капитулярия и замшелую стену, что окружала постройки. Миновали они убогое сельцо, втиснувшееся между скалами и лесом, и оказались на дороге, что вела к воротам аббатства. Перед огромными створами собралась толпа нищих, переходящих калек и отвратительных уродцев. При виде кавалькады диакона все они бросились выпрашивать милостыню. Четверо прислужников коннетабля, однако, не выглядели добрыми самаритянами и не собирались делиться своими богатствами с ближними. Несколько пинков и ударов батогами хватило, чтобы указать оборванцам их место.

Надвратное здание одной стороной прижималось к отвесно встающей скале. С другой стороны зияла пропасть – склон тут резко спускался к реке Од, и обрыв этот не рискнул бы преодолеть ни один человек.

Диакон спрыгнул с коня. Застучал в монастырские ворота.

– Кто там? – спросил голос из-за дверей. – Чего ищете тут, добрые люди?

– Я Бернар Одри, диакон собора Святого Назария из Каркассона, – ответил священник. – Хочу увидеться с братом препозитом.

– И зачем же вам брат препозит, почтеннейший диакон?

– Как говорит святой Иоанн, источник мудрости Божьей подобен драгоценному камню, а меня издали притягивает его сияние. Жажду, чтобы брат препозит позволил мне зачерпнуть из своего колодца знаний и дал совет в делах духа.

Наступила тишина. Вийон думал уже, что красивые слова диакона прозвучали впустую. Что братья-бенедиктинцы не откроют им ворота и выставят дураками.

Вдруг засовы стукнули, и дверь открылась, выпуская полосу света. Привратник смерил прибывших внимательным взглядом. Был он высокий, худой и костлявый, с кривым и прищуренным левым глазом и шрамом на лысом черепе. Узкие ладони он заткнул за пояс оленьей кожи, что перехватывал черную рясу, на голове его был ржавого цвета куколь. Он молчал и не подавал никаких знаков. Вийону казалось, что его запавшие темные глазки сверлят пришельцев не хуже, чем глаза мытаря – купеческие повозки, груженные штукаами шелка.

Привратник отодвинулся в сторону. Они прошли под низким сводом ворот. Диакон кивнул Вийону и жестом приказал слугам остаться снаружи. Они же оказались в мрачном помещении, освещенном полосой света, проникавшего сюда сквозь щель в стене.

– Нона⁴² уже минула, – сказал монах. – Отца приора вы наверняка найдете на веранде.

– И как я его узнаю?

– Я вас проведу к нему.

⁴² «Девятый час» – один из часов внутреннего монастырского распорядка.

Привратник двинулся вперед. Они пересекли площадку позади ворот и оказались в переходе между рефекторием и dormitorio. Вийон огляделся. Старый, вековой монастырь строили из песчаника, который потемнел и выкрошился за долгие столетия, что миновали со дня основания аббатства. Дикий виноград и плющ оплетали здания dormitorio и капитулярия, вползали на крыши, а их разросшиеся корни поднимали плиты и камни на подворье. Поэт вздрогнул. Не пойми отчего, но при виде высокой колокольни и остроконечных, замшелых крыш аббатства он почувствовал странный холодок в сердце. А может, это просто тянуло ледяной стылостью от влажных монастырских камней и келий dormitorio?

Они миновали остроконечный портал, на котором архангел Гавриил замахивался мечом на зверя из адских глубин, и оказались в тесном дворике, окруженном каменной галереей. Золотое солнце выглядывало из-за линии далеких гор и освещало осенний сад, в котором росло множество сонных роз и кустов, сад, устеленный россыпями желтых листьев и высохших побегов, что цеплялись за колонны и взбирались на деревянные крыши.

Монахи выходили из церкви. Вийон и диакон миновали группу бенедиктинцев в коричневых рясах. Братья смотрели на гостей с интересом, переговариваясь друг с другом на языке жестов. Однако к пришлецам никто не обратился.

Препозит монастыря сидел на каменной лавке, погруженный в свои мысли, спрятав голову под капюшон. Не встал, когда они подошли ближе.

– Брат препозит, – подал голос привратник. – Я привел брата Бернара, у которого к вам, по его словам, дело, не терпящее отлагательств.

– И куда же, брат, вы так спешите? – негромко спросил приор низким голосом. – Ведь сказал Господь: семь дней ешь с нею опресноки, хлебы бедствия, ибо ты с поспешностью вышел из земли Египетской...

– ...дабы ты помнил день истребления своего из земли Египетской во все дни жизни твоей,⁴³ – закончил Бернар. – Простите, брат, но я пришел сюда не вести диспуты о Святом Писании, а потому, что у меня есть к вам просьба.

– Просите – и дано вам будет, ищите – и обрящете, стучитесь – и отворят вам.⁴⁴

– Господь наш тяжело испытывает Каркассон. В последние дни на город пало множество несчастий. Мы, однако, подозреваем, что может стоять за ними некто, чье имя вычеркнуто из книги небесной. Князь падших ангелов...

Препозит перекрестился. То же самое сделал привратник. Вийону показалось, что немногочисленные монахи, находившиеся в виридарии, как по команде повернули головы в их сторону. Он замер. Нет, все же они на них не смотрели. Кажется, ему показалось.

– Прости, брат, но в этом деле я мало чем могу помочь, – тихо сказал приор. – Мы только горсть монахов, которые возглашают Слово Божье среди простецов и странников да еще заботятся о бедняках. Ибо, как сказал святой Бенедикт, попечитель нашего ордена, всякого пришлеца надлежит принять, особенно если тот беден. Однако я понимаю, к чему ты ведешь, брат.

– Вы не можете отказать нам в помощи, брат препозит. В городе из-за демона гибнут люди.

– Если это дьявольское дело, отчего не обращаетесь в Святой Официум? Ведь недавно к вам прибыл знаменитый инквизитор.

– Ты, брат, как и я, хорошо знаешь, что порой излишняя ревность мешает больше, чем деяния Врага. Вот уже тридцать лет Каркассон обходился без инквизитора, так зачем же утруждать преподобных, если дело можно решить и самим? К тому же, едва начнется следствие, может так случиться, что благородные братья святого Доминика явятся и на ваш скромный

⁴³ Втор. 16:3.

⁴⁴ Мтф. 7:7.

порог, и тогда уже Святому Официуму захочется узнать, как живет твоя паства, брат препозит...

– Я заметил в тебе, брат, пронизательность, достойную инквизитора Бернара Ги из Тулузы, положившего конец еретикам в Лангедоке, или Николя Жакье из Турне, знаменитого охотника на колдунов и еретиков. Дай ему, Господи, здоровья. Однако, уверяю тебя, нам нечего сказать о тех несчастьях, которые обрушились на город, поскольку все мы – богобоязненные монахи. Не мне, убогому, воевать со злыми духами.

– Благословенны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное, – усмехнулся диакон. – Но позвольте вас спросить, нет ли в монастыре...

– Вот уже почти четыре века наш монастырь не запятнал себя грехом ереси или апостазы, – с нажимом произнес препозит. – С давних пор, когда аббатство только обустроил Жофре, граф Сердан, в покаяние за убийство жены и сына, мы не поддались альбигойской ереси, пережили крестовые походы и гражданскую войну, да еще вторжение этих дьяволов во плоти – англичан под предводительством Черного Принца. Мы не имеем ничего общего с мирской жизнью, и помощь наша мало тебе пригодится.

– Позвольте с вами не согласиться, брат препозит. Я слышал, что у вас есть некий монах – брат Арнальд. Хочу просить вас позволить нам поговорить с ним, чтобы он посоветовал, как поступать с катаклизмом, обрушившимся на город.

Препозит долго молчал.

– Брат Арнальд Достойный не ищет ничего более, кроме спокойствия и молитвы, и то и другое нашел он в стенах нашего монастыря.

– Брат Арнальд некогда был великим экзорцистом. Нам нужны его знания и сила. Позвольте же поговорить с ним во имя Божьего милосердия.

– Сказано: сохраняйте себя в любви Божьей, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа, для вечной жизни.

– ...и к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других спасайте, исторгая из огня,⁴⁵ – закончил диакон.

– Арнальд Достойный стар и устал от мира, – сказал приор. – Давным-давно он погрузился в свое одиночество и не желает видеть ничего, кроме образов ангелов и Господа нашего под своими сомкнутыми веками. Простите, но я не смогу удовлетворить вашу просьбу.

– Но я настаиваю.

– Грешны вы, брат, грехом гордыни. Ступайте и подумайте над моими словами. Мне больше нечего вам сказать.

Приор развернулся боком и вернулся к молитве.

– *Mea maxima culpa, Domine*, – покорно произнес диакон Бернар.

Диакон и Вийон поклонились приору. Привратник провел их мимо монастырских построек к воротам. На этот раз тут было полно нищих и калек. Брат ялмужник с несколькими монахами делил меж ними еду. Убогие толкались, поспешно жрали большие куски глинистого хлеба. Молодые братья ордена отталкивали их от корзин, давая место паралитикам и слепцам, что ползли на коленях к еде, – следили, чтобы более сильные не затоптали их. Еще двое монахов несли к воротам новые ивовые корзины с хлебом.

– Спасибо за помощь, брат, – сказал диакон привратнику. – Не стану больше вас отвлекать.

Он двинулся вперед и принялся проталкиваться сквозь толпу нищих. Вийон шагал следом. Они вышли за ворота, где уже ждали их прислужники с лошадьми. Диакон вдруг обернулся.

⁴⁵ Послание Иуды, 1:21–22.

– Черт бы побрал этих монахов! – обронил со злостью. – Прости, Господи, за гнев мой, но что же мне делать, когда в городе вот-вот погибнут люди? Что еще нам остается?

– *Ora et labora*,⁴⁶ – пробормотал Вийон. – А кто такой этот брат Арнальд?

– Я слышал, что некогда он был известным экзорцистом. Рассказывают, будто выгонял из людей демонов и проклятых духов. Вот уже много лет как он затворился в монастыре и не выходит в мир. А его помощь очень бы нам пригодилась. Проклятые бенедиктинцы! Если бы не... обстоятельства, я бы поговорил с ними иначе.

Вийон вздрогнул, услышав угрозу в голосе диакона.

– Возвращаемся в Каркассон! – рявкнул священник. – Страшно даже подумать, что нынче может случиться в городе.

IV

– Ты должна помолиться за душу своего господина отца, – малышка Мария Магдалина держалась за обрубок руки, замотанный кровавыми бинтами. – На Симона и Иуду выйди с другими детьми за город вместе с Богородицей, чтобы просить Иисуса о милосердии к твоим родителям. Тогда Зверь не причинит им вреда.

– Я тебе не верю, – сказала Паула. – Ты не святая! И не смей прикасаться к моему отцу!

– Тогда ты останешься сиротой, – прошипела Мария Магдалина. – Через несколько дней в дверь твоего дома постучит Зверь и пожрет тебя и твоего маленького братика.

– Оставь в покое Гийома! – заплакала Паулина. – Он маленький... Он ничего вам не сделал. Я все папе расскажу! Расскажу, о чем ты мне говорила. Господин отец сделает с тобой, что следует! Он – смотритель на мельнице!

– Если скажешь ему, что разговаривала со мной, ждет его смерть.

– Я тебе не верю! Уходи! Ты злая!

Паула расплакалась и убежала. Побежала по улице Нотр-Дам прямо к городским стенам. Выскочила через узкую калитку около башни Самсона и повернула влево. Вдохнула с облегчением, увидев между возами своего отца. Как обычно, была на нем его странная одежда – полотняные штаны и башмаки. В одежде его не было ни одной металлической детали. Даже шерстяной кафтан он перевязывал не поясом, а простой веревкой.

– Паула, что ты здесь делаешь?! – крикнул он, когда дочка подбежала к телеге, из которой слуги выгружали тяжелые бочки с селитрой. – Тебе нельзя сюда приходить!

– Отец, она говорила, что святая, но это неправда! Это не могло быть правдой, она не выглядела как... госпожа на образах в соборе.

– О чем ты говоришь? Какая святая? Возвращайся к матери!

– Отец, она говорила, что за тобой придет Зверь. Но ты ведь не боишься? Не боишься его, правда?

– Ступай домой, Паула! Тут тебе не место.

– Она говорила... Говорила, что она – Мария Магдалина. Но я ей не верю.

– Хорошо-хорошо. Ступай уже. У меня нет времени!

– Говорила, что если я тебе расскажу, то придет Зверь и ты умрешь. Папа, пойдем домой...

Анриетт Тестар, смотритель мельницы в башне Девы Марии, уже не обращал внимания на болтовню Паулы. Развернулся и пошел к башне. Нужно было убедиться, что слуги хорошенько обезопасили нынешний груз селитры. Толкнул деревянную, оббитую столярскими гвоздями дверь и оказался в мрачном нутре пороховой мельницы. Подвешенные на столпах фонари отбрасывали слабый свет на зубчатые шестерни, каменные ступы и ударяющие в них

⁴⁶ Молись и трудись (лат.).

песты, приводимые в движение колесами и шкивами. Тихо поскрипывали веревки, которыми транспортировали селитру, древесный уголь и серу на верхнюю часть мельницы. Это было очень опасное место. Хватило бы единственного огонька или тлеющей головни, чтобы вспыхнул пожар или случился жуткий взрыв. Поэтому никто из слуг и помощников не имел на одежде ни единой металлической части – ни пуговиц, ни пряжек, ни подков. Все входили в мельницу в полотняных и кожаных одеждах. Потому что металл легко мог дать искру. А искра означала гибель.

Тестар спустился вниз по деревянной лестнице. Помощники управляли пестами – подсыпали серу, селитру и уголь, выгребали из камер готовый состав. Слева толкли мелкий порошок для гаковниц и фальконетов, справа – более тяжелые фракции, в которых была селитра получше, очищенная; этот порошок предназначался для тяжелых бомбард.

Смотритель проверил качество пороха, высыпанного на полотнища, подвешенные между деревянными опорами. Растер в руке горсть черной пыли. Порох был хорошо перетерт, хотя еще не гранулирован.

С самого верхнего этажа пороховой башни на них пала тень. Как если бы кто-то пробежал по одной из балок, заслонив на миг свет. Тестар взглянул вверх, но ничего там не заметил.

– Мастер, тут кто-то есть! – крикнул один из помощников.

– Где? Я ничего не вижу!

– Спрятался за бочками!

– Сбежал!

Балки, переброшенные над пестами, снова затрещали, будто ходило по ним нечто тяжелое. Тестар почувствовал внутри мельницы дыхание ветра. Нижние двери скрипнули и распахнулись настежь, впуская в пороховую башню немного света. Только теперь пороховник увидел вырезанный на них знак. Римскую «четверку», процарапанную каким-то острым предметом.

Что-то свалилось сверху. Зазвенело, ударившись об одну из ступ. Тестар замер, сердце у него подскочило к самому горлу. Это был кусок металла! Старый столярный гвоздь выпал из одной из подгнивших, расшатанных балок! Упал в ступу! Боже!

– Остановить песты! – рявкнул он работникам.

Кто-то выскочил из башни и бросился в сарай, в котором находились конные упряжки, приводящие пороховую мельницу в движение. Смотритель подскочил к ступам, пытаясь понять, в какую из них упал проклятый кусок металла. Он должен был его найти, должен был, если хотел спасти мельницу!

Ступ было четыре. Но все работали ровно. Каменные песты, поднимаемые рычагами, падали вниз, толкли селитру, серу и древесный уголь. Смотритель подскочил к первой, потом ко второй...

Гвоздь был в последней. Когда падал пест, оттуда доносился странный хруст, смешанный с лязгом металла. Смотритель заглянул внутрь, когда пест поднимался, но не увидел ничего. Проклятый гвоздь, должно быть, упал глубоко в камеру.

– Остановить мельницу! – рявкнул он. – Отвяжите лошадей!

Поздно! Металл высек искру. В щели ступы появился сперва проблеск огня, а потом и пламя. Огонь зашумел, зашипел, взлетел вверх и завился вокруг песта.

– Уходите! – крикнул Тестар, бросаясь к дверям. – Про-о-о-очь!

Языки пламени выстрелили выше, добрались до полотна с порохом, оно сразу занялось. Огонь загудел, лизнул бочки с порохом, мешки с древесным углем и селитрой, поднялся высоко, под самую крышу башни.

Со вспышкой и жутким грохотом взорвались бочки в нижней камере башни. Балки и рычаги сразу треснули, деревянные валы, шестерни и оси вылетели из отверстий, ломаясь о стены, распадаясь на куски, полные острых заноз. Внутренности башни в один миг превратились в ад. А потом огонь добрался до запасов готового гранулированного пороха. Вспышка

распорол башню от фундамента до крыши, выбросила в воздух разбитые балки, разорванные на куски человеческие тела, доски и огромные камни из стен...

Далеко оттуда, на турнирной площадке, хныкающая Паула скорчилась со страха, когда дыхание взрыва бросило рядом с ней деревянный обломок дверей пороховой башни – тот, на котором была выцарапана цифра «IV».

* * *

На этот раз препозит ждал их на пороге капитуляра. Было повечерие⁴⁷, монахи отправлялись на покой, а красное осеннее солнце пряталось в тумане над горами, бросая кровавый отсвет на стены башни, крася алым багрянцем галереи виридария.

– Брат препозит, дело серьезное. Вы должны дать нам возможность поговорить с братом Арнальдом Достойным. Прошу этого во имя милосердия Христова. В городе снова погибли люди. Мы не овладеем яростью демона без помощи экзорциста. И знайте, что, если вы не предоставите нам помощь, Святой Официум узнает обо всем, а я буду вынужден, согласно закону, дать показания, что вы запрещали нам помочь.

Приор вздрогнул. Вийон это заметил.

– Нам нечего скрывать, брат диакон.

– Тогда вам тем более стоило бы позаботиться о добром имени аббатства.

– Я не могу запретить вам посетить брата Арнальда, – сказал недовольно приор. – Но проблема в том, что преподобный брат-экзорцист сам должен решить, хочет ли он с вами говорить. Брат Арнальд совершает особое... искупление. И разговор с ним не настолько прост, как вам кажется. Если он согласится, я не стану возражать.

– А отчего бы ему нам отказывать? Мы что же, выглядим как сарацины или разбойники с большака, недостойные его взгляда? Мы набожные христиане, достойные помощи в нашей нужде.

– Брат привратник, – сказал приор. – Ступай к брату Арнальду и передай, что с ним хотят поговорить брат Бернар Одри, диакон собора Святого Назария в Каркассоне, и...

– Франсуа Вийон, бакалавр Парижского университета, – складно подсказал поэт, естественно не добавляя ни одного из своих званий, данных ему сотоварищами по воровскому ремеслу, и не вспоминая, что само ремесло, которым он вот уже много лет занимался, имело мало общего с набожной жизнью.

– Брат привратник. Передай о наших гостях.

Монах поклонился и направился в сторону капитулярия, что высился рядом с церковью. Солнце почти спряталось за горы, монастырь начал погружаться во тьму. Вийон устремил взгляд на далекую линию неровных хребтов. Завернулся в плащ, так как от стен аббатства тянуло холодом.

Брат привратник вернулся быстрее, чем можно было ожидать. Шел медленно, свесив голову. Когда он поднял взгляд, то посмотрел прямо на вора.

– Брат Арнальд согласился на короткий разговор.

Диакон встал, отряхнул сутану. Хотел уже направиться в церковь, но монах удержал его жестом руки.

– Брат Арнальд хочет говорить только с человеком, который зовется Франсуа Вийоном! – рявкнул он со злостью.

– Как это?

– Уж не ослышались ли мы, брат?

– Помилуй меня за грехи мои! – опустил Бернар голову. – Ступайте, господин Вийон.

⁴⁷ Соответствует нашим 18 часам.

Поэт отправился за привратником. Сперва думал, что они двинутся к dormitorio или в беседницу, но бенедиктинец повел его по галерее к церкви. Открыл ключом боковую дверь и провел гостя на хоры. В святыне царил мрак. Огромный свод исчезал во тьме, гигантские колонны выстреливали в черноту, соединяясь с невидимыми ребрами потолка. Сквозь витражи в западной розетке врывались багряные лучи солнца, бросая голубые, красные и зеленоватые отсветы на череду молелен по бокам трансепта. Это был единственный источник света в церкви. Однако он безошибочно указывал дорогу туда, куда они направлялись. Привратник отворил ключом решетку в ту молельню, где по стенам висели змеи и василиски, а на каменных эпитафиях смерть, одетая в прекрасный нюрнбергский доспех, приглашала на танец аббата или приора монастыря.

– Ничему не удивляйтесь, – прохрипел бенедиктинец. – Брат Арнальд не живет в dormitории с остальными монахами. Вот уже много лет как он обрек себя на одиночество и посвящает свое время лишь молитвам и помощи убогим.

Они направились к угловой молельне. Здесь, между стенным барельефом Богоматери среди детских скелетов и надгробием некоего богатого рыцаря в кольчуге – наверняка дарителя или благодетеля церкви, втиснулась каменная лестница, ведущая в катакомбы. Привратник вынул из держателя факел, высек огонь и повел Вийона сквозь тьму подземелья. Они сошли вниз, свернули направо и двинулись по коридору, что шел через ossuaries⁴⁸, где свет факела отражался в лужах и влажных, покрытых селитрой стенах, а среди костей и желтоватых черепов шныряли крысы. Брат привратник отомкнул еще одну решетку – изъеденную ржавчиной и выгнутую, и ввел Вийона в небольшое круглое помещение. На выщербленных колоннах виднелись старые узоры и орнаменты, на стенах – остатки латинских надписей. На одной из стел сохранилась едва заметная надпись: *Narbo Martius III*, из чего можно было сделать вывод, что они находятся в старейшей части церкви, помнящей еще времена вечной Римской империи.

– Готов ли ты встретиться с братом Арнальдом? – спросил привратник. – Очистил ли ты свою душу, чтобы воспринять его голос?

Вийон замер. Нигде не видел он никакого монаха. Было тут холодно, но не сыро, свет заходящего солнца проникал сквозь узкую щель в стене. Красноватый столп падал на каменную облицовку колодца, на коловорот, ведро и цепь в центре помещения.

– Я не вижу тут брата Арнальда.

– Ты слеп и глух, брат, – проворчал привратник. – Отвори свое сердце – и увидишь. И не бойся, поскольку вера твоя будет тебе щитом. Тут, под нами, келья брата Арнальда.

Привратник подвел его к колодцу. Вийон думал, что увидит там бездонную дыру, однако увидел щель, в которой не поместился бы и человек, щель, ведущую вниз, в таинственную пропасть. Внизу тлел теплый, желтоватый отблеск горящей свечи, а может, факела. Все указывало на то, что намного ниже того места, где они пребывали, находилось закрытое помещение, а в нем...

– Брат Арнальд не может покинуть келью, поскольку у нее нет выхода. Только через это отверстие он получает слова утешения и еду.

Вийон не ожидал ничего подобного. Нечто столь жуткое он видел впервые в жизни. Смотрел вниз и открывал рот от ужаса. Увидел, что ниже, на дне колодца, слабый свет свечи потускнел, словно некто, там пребывающий, услышал их разговор и приблизился к отверстию.

– Пиши, брат, что ты хотел узнать, – привратник втиснул Вийону в руку восковую табличку и стило. – А потом прочти покорно ответ брата Арнальда.

Вийон почувствовал, что обливается потом. Собрался с мыслями и ухватился за стило.

Достойный брат. Нам нужна помощь и поддержка.

⁴⁸ Место в церкви для хранения костей.

В городе появились искалеченные дети. Провещают приход Зверя, чему будут предшествовать семь несчастий. Зверь – это демон? Если так, то кто стоит за его призывом? Помогите!

Привратник вложил табличку в ведро и с грохотом опустил его вглубь таинственной пропасти. Ждали недолго. Скоро цепь натянулась дважды, как если бы Арнальд подавал знак, что можно вытягивать ведро. Бенедиктинец начал вращать рукоять, и вскоре ведро было уже наверху. Лежала в нем та же восковая таблица, теперь покрытая неясными письменами.

Вийон задрожал, взяв ее в руки. Почерк брата Арнальда был неровный, нечеткий.

И сказал Иисус: познай то, что перед лицом твоим, и то, что скрыто, откроется тебе. Ибо нет ничего тайного, что не будет явным.⁴⁹

Сколько лет мог провести в столь страшном одиночестве брат Арнальд? Казалось, он настолько же стар, как и сам монастырь. У Вийона дрожали руки, когда он писал:

Брат Арнальд! Что же тогда перед лицом моим, чего я не вижу?

Цепь застучала вновь, когда он посылал свой вопрос в бездну. Ответа не пришлось долго ждать. На табличке было нацарапано всего несколько слов.

Ступай завтра к Древу Умерших, едва только пробьет hora prima. Sola beatitudo.⁵⁰

Когда Вийон прочитал эти слова, привратник отобрал у него табличку.

– На сегодня хватит, – сказал. – Брат Арнальд дает знать, что не желает более говорить. Пойдем.

Вийон взглянул вниз. Желтоватое сияние в щели усилилось, как если бы монах отошел от колодца и перестал заслонять свечу или светильник. Привратник показывал обратный путь. Двинулись сквозь тьму.

– Сколько лет уже как брат Арнальд обрек себя на уединение?

– Один Господь знает, – прохрипел привратник. – Он уже был тут, когда я пришел в монастырь, то есть лет тридцать тому назад. И наверняка останется, когда мои кости лягут в землю. Его уединение – не наказание. Этот боголюбивый муж сам приказал замуровать себя в келье, чтобы посвятить себя молитве и размышлениям и чтобы не чувствовать никаких искушений со стороны мира. Коридор, ведущий в его келью, был завален камнями, дверей там нет. Только сквозь щель наверху наш достойный брат принимает скромную еду, масло для светильника и книги.

– Правда ли, что некогда он был экзорцистом?

Привратник пожал плечами.

– Не знаю. Он никогда об этом не вспоминал. Но такой мудрый человек наверняка всякий день общается с духами и демонами.

– Но не слишком ли велико его отречение?

– Все это случилось еще при прошлом аббате – Руперте из Русильона. Не знаю, отчего он это позволил. Брат Арнальд пользуется огромным доверием у наших монахов. Это святой человек, которого ангелы живьем в рай заберут и который к тому же читает в мыслях верных, как в открытой книге. А от наших братьев узнает, что происходит в мире.

⁴⁹ Апокрифическое Евангелие от Фомы, 1:5–6.

⁵⁰ Счастливое одиночество (лат.).

Вийон даже вздрогнул, подумав о том, что мог переживать человек, который столько лет провел в одиночестве, в закрытой, замурованной келье, погруженный в молитвы, один на один с книгами. Как он выглядел? Как изменились его разум и тело?

Его прошиб ледяной холод. Он живо зашагал за привратником, чтобы как можно быстрее выбраться из подземных лабиринтов монастыря.

* * *

– Древо Умерших? – диакон Бернар нахмурился. – Ну да, должно быть, это старый дуб неподалеку от перекрестка дорог под Каркассоном.

– Странное название.

– Плебс и селяне говорят, что место это проклято. Но я не слыхивал, чтобы там находили что-нибудь особенное. Что ж, завтра нас ждет поездка.

– Я пойду один.

– А откуда тебе знать, что ты найдешь под деревом? А вдруг встретишь там Зверя?

– Я рискну, преподобный диакон.

III

Как Вийон и обещал, он пошел к Древу сам. Долго думал, имеет ли смысл то, что он делает. Казалось ему, что он как последний дурак без всякой причины оказался втянут в темную и страшную историю. Но решение каждой следующей загадки приближало его к Марион, которая, несомненно, была связана с этими мрачными событиями. Он должен был ее найти. Должен был обменяться с ней хотя бы словечком.

Осенний лес тонул во мгле. Вийон ступал по толстому ковру сухих листьев, крался от дерева к дереву, обходил ямы и поваленные стволы деревьев. Когда в белесых испарениях впереди замаячило толстое, раскинувшее ветви Древо Умерших, он остановился и спрятался за мишистым стволом. Натянул на голову капюшон старого рваного плаща и осторожно выглянул.

Много столетий назад на поляне построили часовенку или небольшую церквушку. Когда здание опустело, а крыша завалилась, посредине его вырос огромный, покрученный дуб, который за века приподнял часть стен и контрфорсов здания, сокрушил камни и остатки бочарного свода. Огромное дерево встало над руинами, а потом засохло и таким уже и осталось, разбросав во все стороны культы скрещенных ветвей, – словно лапа дьявола, что вылезла из-под земли, разрывая часовню на куски. Это было жуткое и мерзкое место.

Вийон подкрался поближе. Вокруг часовни он не увидел ничего подозрительного. Пустой лес был окутан туманом и испарениями. Не чуя под собою ног от страха, поэт шел все дальше, приближаясь к полукруглой, надщербленной арке, на которой дожди за несколько веков затерли уже почти все украшения. Нечеткие, растрескавшиеся фигуры Христа и рыцарей глядели на него каменными глазами, когда он переступал порог.

Вошел внутрь и оказался меж обрушенными остатками стен. Вместо пола под ногами его была бурая земля, усеянная ворохом золотых листьев, а небо над головой затянули осенние испарения.

Вийон подошел к дереву, высившемуся среди руин, мрачному и злому, перекрученному ветрами и непогодой. Обошел его вокруг, но не заметил ничего особенного. Взглянул под ноги, осмотрел корни, остатки аркад, стены строения.

Нигде не нашел ничего подозрительного. Никаких следов раскопок или знаков, никаких римских цифр, нацарапанных на стенах. Это были просто старые, давно заброшенные руины и мрачное дерево, которое могло бы присниться в кошмарных снах многим богобоязненным горожанам.

Внезапно сзади, у входа в разрушенную часовню, треснула ветка. Вийон обернулся, испуганный, держа руку на чинкуэде. Около арки стояли трое мужчин, закутанных в длинные серые плащи.

Они явно не были удивлены встречей. Спокойно, без спешки вошли внутрь, а потом каждый из них трижды преклонил колени.

– Здравствуй, добрый человек, – отозвался один из незнакомцев.

Вийон замер. У мужчин, кажется, не было дурных намерений, хотя они и были вооружены. На спине одного висел арбалет, а остальные носили под плащами корды. Поэт не знал, что ответить. На всякий случай он преклонил колени – тоже трехкратно.

– Я рад вас приветствовать, – сказал он. – Вот только я не добрый человек, но вор, разбойник и пьяница, полный надежды, что после искупления он сможет пройти во врата рая.

– Мы тоже не добрые люди, – ответил незнакомец. Длинные белые волосы выбились из-под его капюшона. – Тогда подождем христианина, что окажется лучше нас. Вскоре он должен прийти.

Вийон кивнул. Догадался, что вот-вот станет свидетелем некоего странного обряда – вызывания духов, а может, и почитания дьявола. Кажется, эти люди приняли его за одного из своих. Он не знал, что предпринять – убежать или остаться и изображать человека, посвященного в тайну? Он доверился Господу и принялся покорно ждать, что произойдет.

– Давно ли сюда приходите? – спросил через минутку незнакомец.

– Недавно.

– Жаль, потому что я тоже, – прошептал тот. – А я рад был бы послушать о добрых христианах. Возможно, они сумели бы отпустить мне грехи.

– И много их у вас?

– Сколько звезд на небе.

– Точно так же, как и у меня.

– О нет, – сказал тот. – У меня-то наверняка побольше. Даже настоятель Вальтер не принял у меня покаяния и не назначил искупления, – добавил шепотом.

Где-то позади раздались голоса. А потом внутри руин вошло несколько человек. Все были одеты скромно – в плащи с капюшонами и серые уппеланды. Вийон понял, что среди них были и женщины. Люди прибывали, то и дело подходил кто-то еще. По звону рыцарских острог, по красной и синей материи, что тут и там выглядывала из-под темных плащей, по усам, бородам и коротко стриженным головам можно было предположить, что собрались тут как патриции из города, так и представители рыцарского сословия. Рядом с ними стояли, преклонив колени и переглядываясь, нищие и калеки, старцы и простые селяне. Пастухи и слуги. Прекрасные дамы и безобразные старухи.

– Братья и сестры!

Вийон вздрогнул. Горбун из собора, одетый в черные пятничные одежды, появился в руинах, словно черт из магической шкатулки. Он встал рядом с Древом Умерших, и могло показаться, что фигура его растет, делается мощнее, почти нависает над собравшимися.

– Собрались мы тут, гонимые страхом и тревогой перед близящимся Зверем, что преследует город и вскоре сделает так, что улицы Каркассона омоются кровью. Невозможно его победить, поскольку он – творение и дело дьявола, Демиурга зла, владыки тьмы и несправедливости. Отворите же сердца к истине и убедитесь, каково истинное лицо мира, который видится вам лишь тюрьмой и ловушкой. Зверь делает очевидным, что мир, на который вы смотрите, зол, что это ад и вековая дорога проклятия. Мир, что окружает нас, принадлежит дьяволу и его демонам. Нет в нем справедливости и благообразия, нет милосердия и милости. Священники и монахи врут вам, твердя, что они смогли бы спасти душу от Демиурга, ибо Церковь – это Блудница Вавилонская, которая уже много столетий пребывает во власти дьявола!

Слушающие опустили головы. Голос говорящего окреп, зазвучал как ангельские трубы и совсем не напоминал бормотания глупого слюнявого горбуна.

– Священники и монахи не обладают силой, способной защитить вас от Зверя! Разве не молитесь вы в храмах о помощи и милосердии? И были ли молитвы ваши услышаны? Нет! Когда верные молили Бога о прощении, на них упал колокол, убивший множество людей. Фальшивая сила Церкви сломалась в столкновении со Зверем, да к тому же священники, как и сам демон, служат одному и тому же господину – князю тьмы!

Вийон поднял голову и задрожал. Горбун и правда вырос, выпрямился.

– И как нам защищаться от демона, брат?! – спросил кто-то из собравшихся. – Как мы можем спастись? Должно ли нам покинуть город?

– Если откроете глаза на истину, Зверь вас не тронет. Более того, вы спасете свою бессмертную душу и выведете ее из телесной неволи. Освободите ее, раз уж все мы обречены быть пленниками в этом мире, в ужасных, падших и искалеченных телах. Мы – ангелы, которые много веков назад согрешили перед Отцом Света и были обречены на существование в телах смертных. Пока вы пребываете в них, вы зависите от воли Демиурга и посланного им Зверя.

– И что же нам делать? – спросил кто-то.

– Освободитесь от земной оболочки! Примите консоламентум, и тогда плененный в вас ангел получит свободу после смерти тела и вернется на небеса, чтобы соединиться с Отцом Небесным. Когда-то давно и у меня на глазах была пелена. Но я прозрел, когда годы назад Добрые монахи показали мне здесь, в этом самом месте, что мир наш – тюрьма. Пойдите вслед за мной – и станете Добрыми людьми. Откройте душу вашу консоламенту, как делает нынче наш брат Винсен, и злые демоны не притронутся ни к вам, ни к вашим семьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.